Важное примѣчаніе.

Прочитавъ этотъ столь интересный историческій трудъ кн. Гр. Н. Трубецкого можно невольно вынести очень неблагопріятное впечатлѣніе о нашемъ русскомъ козачествѣ, въ особенности козачествѣ Войска Донского.

Но тутъ же надо намъ указать на то, что если бы Князь Гр. Н. Трубецкой направилъ свой умственный прожекторъ историка на другія области Россіи, то безусловно лучи его освятили бы намъ такія же неприглядныя картины какія онъ описываетъ на Дону. Вся Россія согрѣшила, вся отступила, вся впала въ малодушіе и робость, отчего и вся Россія до сего дня страдаетъ и въ страданіяхъ своихъ, мы вѣримъ, накопляетъ новыя силы къ возрожденію. Правда, тогда же, русская молодежь встала какъ одинъ на защиту русской чести и въ бояхъ съ большевиками проявляла легендарную храбрость. Кадеты, гимназисты, юнкера, полуголодные, безъ боевыхъ припасовъ, часто одними штыками дошли до Орла, тѣмъ показали силу духа и ничтожность коммунистовъ; но по всей вѣроятности этого порыва молодыхъ силъ недостаточно было чтобы очистить нравственное и духовное растлѣніе, которое глубоко проникло въ русскую душу.

Авторъ обладаетъ очень точнымъ, красочнымъ и простымъ понятнымъ языкомъ, отчего вся книга легко читается. Передъ нами раскрывается ясная картина этой трагической эпохи начала Русской Революціи и первой попытки организованнаго сопротивленія большевикамъ на югѣ Россіи, въ донской области.

† Архіепископъ Виталій.

Предисловіе.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Все воспоминания Вашего отца всегда очень интересно читаются и так же читал я нынешнюю рукопись — без названия, а верно бы сказать:

«Проблемы и зарисовки, 1918-19». Записки, написанные привременно, з 1919, часть документов 1918, — очень высокой ценности. Первичная добротность изложения видного деятеля того времени. Как свойственно Григорию Николаевичу — высокий уровень понимания и изложения проблем, четкая политическая и бытовая обстановка, четкие образы исторических деятелей. Много дают для общего понимания гражданской войны, Добровольческой армии, казачества, союзников и чудесные картинки помещичьего быта 1918 года.

С изданием этих записок уже опоздано на 60 лет, и я желал бы ему успеха.

Ваш

А. Солженицын.

5. 4. 81.

Издательство Русь

Готовитъ къ изданію книги того-же автора:

1) Воспоминанія 1914-1917 гг.

2) Цѣли Войны

(докладъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ)

Относительно этихъ двухъ книгъ А. И. Солженицынъ написалъ:

«Мемуары Вашего отца вмѣстѣ съ «Цѣлями войны» представляютъ высокій интересъ научный»...

Въ 1914 году, сразу-же послѣ объявленія войны, князь Григорій Николаевичъ Трубецкой былъ назначенъ русскимъ представителемъ въ Сербіи.

Его воспоминанія не только описываютъ всѣ Балканскіе государства, но и даютъ малоизвѣстную и тяжелую картину войны на Балканскомъ фронтѣ.

Императоръ Николай II указалъ князю Трубецкому раздѣлить свою участь съ Сербской Арміей. Это новое положеніе вызвало ропотъ среди всѣхъ иностранныхъ представителей, которые волей-неволей пренуждены были слѣдовать примѣру представителя Россіи. Только благодаря этому, Сербская Армія была спасена, что и позволило Сербіи такъ быстро воскреснуть и расшириться въ предѣлахъ новаго Юго-Славянскаго государства.

Большая часть первой русской эмиграціи прошла черезъ гостепріимную Сербію и много русскихъ нашли въ ней пріютъ и ее восприняли какъ свое второе отечество.

Складъ изданія:

M. TROUBEZKOÏ 4369 Wilson Av.
Montréal H 4 A 2 V 2
Canada (P. Q.)

Отъ издательства

Согласно традиціямъ мемуары или воспоминанія публикуются либо при жизни автора, либо 100 лѣтъ спустя. Но за это время, столько произошло бурныхъ перемѣнъ въ жизни рядового человѣка въ любой странѣ міра, что нашъ вѣкъ можетъ быть свободно удвоенъ.

Иначе говоря, 60 лѣтъ, которые насъ отдѣляютъ отъ этихъ воспоминаней, спокойно могутъ считаться столѣтней давностью.

Я очень благодаренъ А. И. Солженицену за его предисловіе. Оно доказываетъ, что какъ бы насъ не дѣлили на три волны — мы все-же дѣти того-же народа.

Записки моего отца начинаются съ ноября 1917 года. Въ это время происходили выборы Патріарха въ которыхъ мой отецъ принималъ дѣятельное участіе и его рѣчь въ Соборѣ была рѣшительной для возстановленія Патріаршаго Престола.

Въ виду этого, я дополняю его воспоминанія о Добровольческой Арміи его рѣчью въ Соборѣ и прилагаю маленькую статью написанную имъ уже въ 1924 году, о томъ какъ эти выборы происходили.

Иногда въ газетахъ появляются статьи объ ужасномъ и недопустимомъ отношеніи Франціи къ Добровольческой Арміи. Объ этихъ отношеніяхъ пишетъ и мой отецъ, вопросъ который дополняется брошюрой изданной «совершенно секретно» въ Екатеринодарѣ въ маѣ 1919 года: «Очеркъ взаимоотношеній Вооруженныхъ силъ Юга Россіи и представителей Французского Командованія». Очеркъ предназначался для членовъ Особого Совѣщанія и экземпляръ моего отца, возможно, является единственнымъ уцѣлевшимъ.

Не можетъ русскій человѣкъ его прочесть безъ великаго негодованія и возмущенія. Этотъ очеркъ является очень цѣннымъ историческимъ документомъ. Въ виду этого, я его перепечатываю, какъ и другіе документы, точно такъ какъ они были написаны, съ сохраненіемъ старой орфографіи, въ то время какъ воспоминанія моего отца были къ сожалѣнію уже перепечатаны по новой орфографіи. Въ данное время, всѣ издательства «затоварены» и новыя книги издаются съ трудомъ. Поэтому, я рѣшилъ приняться за дѣло самостоятельно и возстановить въ память моего отца Книгоиздательство «Русь», которое было имъ основано въ Вѣнѣ, въ 1921 году, для выпуска на русскомъ языкѣ книги П. Жильяра: «Императоръ Николай II и его семья». —

Кн. М. Г. Трубецкой.

I

Выборы Патріарха.

Рѣчь на Церковномъ Соборѣ*).

—

Вступая однимъ изъ послѣднихъ на эту каѳедру, я прошу простить меня, что послѣ столькихъ свѣдущихъ и авторитетныхъ людей отнимаю ваше вниманіе. Если я рѣшаюсь все же это сдѣлать, то, во-первыхъ, потому, что полагаю, что и мнѣніе рядового члена Собора, старающагося по мѣрѣ силъ разобраться въ поставленныхъ предъ нами вопросахъ, должно быть принято во вниманіе, а во-вторыхъ, потому, что я убѣжденъ, что вопросъ о возстановленіи патріаршества можетъ быть рѣшенъ не одними учеными канонистами. Его нельзя не освѣтить во всей полнотѣ, учитывая и политическое его значеніе и послѣдствія. Поскольку и я позволю себѣ высказать свое слово.

Спѣшу сказать, что не менѣе, чѣмъ другимъ, мнѣ претитъ вторженіе мірской суеты и политики въ область Церкви, но просто отмахнуться отъ окружающей насъ дѣйствительности невозможно. Опасность можетъ быть устранена, если къ этой дѣйствительности мы постараемся подойти не съ точки зрѣнія политическихъ страстей и симпатій, а съ оцѣнкой, исходящей изъ религіознаго и церковнаго настроенія.

Мнѣ кажется, изъ преній достаточно выяснилось, что на почвѣ каноновъ можно безъ сомнѣнія оправдать и обосно-

---

*) Рѣчь, произнесенная кн. Г. Н. Трубецкимъ 22-го сентября 1917 года въ качествѣ члена Церковнаго Собора въ отдѣлѣ о высшемъ церковномъ управленіи Церковнаго Помѣстнаго Собора.

вать патріаршество, какъ согласное съ каноническимъ строемъ учрежденіе, но отнюдь нельзя доказать, что оно обязательно необходимо.

Совершенно также нельзя считать убѣдительнымъ мнѣніе будто патріаршество идетъ какъ бы въ разрѣзъ съ началомъ соборности, утвержденіе коего объединило здѣсь, повидимому, всѣхъ говорившихъ.

Кажется, всѣ сторонники патріаршества согласны въ томъ, что Патріархъ долженъ быть первымъ между равными епископомъ Церкви и въ области церковнаго управленія быть подотчетнымъ помѣстному Церковному Собору.

Возстановленіе патріаршества встрѣчаетъ со стороны его противниковъ гораздо болѣе сильный отпоръ чувства, чѣмъ возраженій по существу. Послѣднія сводятся къ опасеніямъ единоличнаго произвола, злоупотребленія высокимъ положеніемъ, умаленія начала соборности сильнымъ честолюбивымъ іерархомъ. Но развѣ все это не наслѣдіе недавняго прошлаго, гипертрофіи власти?! Не поэтому ли и на выборахъ порою боятся поддерживать сильныхъ людей?! Отъ такой мнительной недовѣрчивости пора намъ остеречься.

Вѣдь разбираясь въ томъ же самомъ недавнемъ прошломъ, мы должны признать, что именно отсутствіе патріарха облегчало, а не препятствовало самому опредѣленному, и въ то же время самому отрицательному проявленію единоличнаго произвола въ лицѣ всесильнаго оберъ-прокурора, которому, конечно, легче было расправиться съ коллегіей нѣсколькихъ лицъ, среди коихъ онъ могъ всегда найти сторонниковъ.

Развѣ не желаніе подчинить Церковь свѣтской власти руководило Петромъ при отмѣнѣ патріаршества?

Вѣдь, Патріархъ будетъ подотчетенъ Собору, да и самая власть его найдетъ ограниченіе въ высшихъ церковныхъ учрежденіяхъ, которыя онъ будетъ возглавлять.

Съ другой стороны какія же гарантіи противъ вторженія суетныхъ побужденій можно найти въ другой формѣ высшей Церковной организаціи, въ Синодѣ и Церковномъ Соборѣ? — Какъ человѣкъ, имѣвшій возможность довольно близко присматриваться къ церковной жизни на Востокѣ, я утверждаю, что въ этомъ грѣхѣ не менѣе, если не болѣе повинны патріаршіе синоды и совѣты, чѣмъ сами патріархи.

Если мы освободимся отъ чувства подозрительности, которое никогда не бываетъ творческимъ, то мы съ большей свободой подойдемъ къ вопросу о возстановленіи патріаршества.

Я также начну съ довода чувства. Насъ окружаетъ неприглядная внѣшняя обстановка. Старые устои рушатся. Тѣмъ притягательнѣе для вѣрующихъ прибѣжище Церкви, тѣмъ сильнѣе жаждешь найти въ ней не только внутреннюю, но и внѣшнюю красоту древняго обряда, церковнаго благолѣпія и стройности. Въ наше безвременье, когда массу обуяла горячка ломки всего завѣщанного отцами, тѣмъ сильнѣе ощущаешь потребность связать дѣло церковнаго преобразованія съ завѣтами, обычаями и укладомъ, который дорогъ былъ нашимъ предкамъ, связать себя съ ними, ибо, воистину, Церковь объединяетъ живыхъ и умершихъ въ надеждѣ воскресенія.

Возстановленіе патріаршества и будетъ возстановленіемъ стараго обряда, той новизной, въ которой будетъ слышаться родная старина. Вспомните, что это выраженіе по другому совсѣмъ поводу было высказано старообрядцами, и я не даромъ его привелъ. Ибо, помимо удовлетворенія непосредственнаго стремленія къ возсозданію стариннаго русскаго учрежденія, въ пользу него говоритъ, между прочимъ, какъ разъ и соображеніе, касающееся старообрядчества.

Мы всѣ молимъ Бога, чтобы Онъ сподобилъ нашъ Соборъ совершить великое дѣло примиренія съ старообрядцами. Самый вѣрный путь для этого — показать имъ, что и намъ не менѣе, чѣмъ имъ, дорога сѣдая старина, что мы съ любовью и сыновнимъ благоговѣніемъ относимся къ ней и рады возстановить то, что и въ старину служило къ украшенію Церкви.

Но есть и другія соображенія въ пользу возстановленія патріаршества.

Времена измѣнчивы. Кто поручится, что мы не вступаемъ въ періодъ тяжелыхъ испытаній для Церкви, что ей не понадобится вскорѣ твердый предстатель, чувствующій особую личную отвѣтственность за внѣшнія сношенія, какъ первоіерархъ, обязанный стоять на стражѣ церковнаго достоянія, чести, достоинства и правъ Церкви.

Вспомнимъ, что синодальное устройство привилось какъ разъ въ православныхъ странахъ, гдѣ казалось, что Церковь

не отъ кого оберегать, но гдѣ власть иногда душила ее въ объятіяхъ опеки. А гдѣ сохранилось незыблемо патріаршество? — Въ иновѣрной Турціи, гдѣ приходилось бороться, отстаивать Церковь, тамъ, гдѣ въ недавнія времена были Патріархи мученики, а ихъ преемнику въ наше время угрожали тѣмъ же.

Я хочу припомнить примѣръ и нынѣ, кажется, благополучно здравствующаго Вселенскаго Патріарха Германа. Когда онъ упорствовалъ въ отстаиваніи правъ Церкви, Султанъ Абдулъ Хамидъ прислалъ напомнить ему, что онъ внукъ Султана Махмуда, того самаго, который повѣсилъ Патріарха Григорія IV. — «Передайте Султану, что моя голова въ его рукахъ, но права Церкви никогда», отвѣчалъ Патріархъ Германъ посланнымъ.

Если въ наши дни въ Константинопольской Церкви находятся такіе іерархи, то неужели оскудѣла наша родная Церковь? Развѣ не найдутся и въ ней мужественные испо-вѣдники и поборники, счастливые умереть у ея порога? — Тѣ, кто въ этомъ сомнѣваются, пусть лучше оставятъ заботу о преобразованіяхъ въ Церкви, ибо никакими юридическими гарантіями не вдохнешь живого духа въ мертвый трупъ.

Говоря о Восточныхъ Церквахъ, я хочу коснуться послѣдняго вопроса, ратующаго въ пользу возстановленія у насъ патріаршества. Полнота церковной жизни и вселенскаго сознанія не можетъ быть достигнута безъ возможно болѣе тѣснаго общенія съ другими автокефальными церквами. Въ сношеніяхъ съ этими церквами я хотѣлъ бы видѣть нашу родную Церковь равночестно представленной, безъ хотя бы внѣшняго ея умаленія.

Мы занимаемся дѣломъ церковныхъ преобразованій на рубежѣ нашей исторіи. Никогда мы не были такъ близки отъ осуществленія нашего историческаго завѣта — водруженія Креста на Св. Софіи, какъ теперь, когда по грѣхамъ нашимъ эта мечта отошла отъ насъ въ далекую даль.

Теперь, когда ослабѣли узы внѣшней власти и блекнетъ обаяніе могущества Россіи, теперь болѣе, чѣмъ когда либо, вмѣсто того, чтобы падать духомъ, намъ надо воспрянуть, обрѣсти бодрость не во внѣшнихъ устояхъ, а во внутренней собранности, въ духовной силѣ, и на новыхъ основаніяхъ, очистившись отъ своихъ грѣховъ, строить наши отношенія

съ другими православными Церквами. Не можемъ мы также не учитывать, что съ паденіемъ власти Императора, который какъ первый сынъ Церкви былъ носителемъ преемственной идеи покровительства православія на Востокѣ, положеніе наше существенно измѣняется. Новыя теченія и направленія вторглись въ государственную жизнь.

Самосознаніе православнаго русскаго народа не можетъ больше даже и формально совпадать съ самосознаніемъ Россійскаго государства. И съ этой точки зрѣнія требуются иные, чѣмъ прежде, представители и носители чаяній православной Россіи, облеченные властью и возможностью имъ служить.

Такимъ преемникомъ идеологіи, составлявшей аттрибутъ царской власти въ Россіи, не можетъ быть никто лучше и полнѣе, чѣмъ Патріархъ.

Въ минуту распада и уныній, когда кажется, что вся Россія превращается въ груду обломковъ, и не за что уцѣпиться, наша задача — связать лучшіе, неумирающіе завѣты нашей исторіи съ тѣмъ основаніемъ, которое мы закладываемъ для будущаго. Пусть Церковь сама за себя стоитъ и борется. Вмѣсто скипетра и короны, крестъ и хоругвь да охранятъ наше святое святыхъ! И пусть хоругвеносцемъ нашихъ религіозныхъ завѣтовъ будетъ Русскій Патріархъ, какъ символъ того, что съ паденіемъ царской власти не пала Святая Русь и что не отказалась она отъ того, что ей всего дороже въ ея прошломъ, и безконечно цѣннѣе преходящаго внѣшняго обаянія физической силы.

Подводя итогъ сказанному, я подаю голосъ за возстановленіе Патріарха, перваго между равными епископами, возглавляющаго высшія церковныя учрежденія и подотчетнаго вмѣстѣ съ ними періодически созываемому помѣстному Собору.

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ.

"ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯ"
подъ редакціей Б. А. Суворина
1924 г.

«У насъ нѣтъ больше Царя. Нѣтъ Отца, котораго мы могли бы любить, Синодъ любить невозможно. Поэтому намъ нуженъ Патріархъ. Съ этимъ меня на соборъ и послали».

Такъ говорилъ, осенью 1917 года, членъ Московскаго Собора — крестьянинъ, во время жаркихъ преній о томъ, быть или не быть вновь патріаршеству въ Россіи.

Вопросъ этотъ отодвинулъ тогда на второй планъ всѣ остальные вопросы. Какъ извѣстно, до революціи, возстановленіе патріаршества далеко не встрѣчало единодушія въ церковныхъ кругахъ. Среди іерарховъ и строгихъ ревнителей православія многіе высказывались противъ этого. И на Соборѣ съ начала опредѣлились два лагеря — сторонниковъ и противниковъ патріаршества. Но очень скоро выяснилось, что за возстановленіе патріаршества стоитъ огромное большинство, и число сторонниковъ его все возрастало. Совершалась внутренняя соборная работа въ этомъ направленіи, и простыя безхитростныя слова крестьянина въ общемъ вѣрно отражали господствовавшее настроеніе.

Когда, послѣ долгихъ преній, Соборъ постановилъ возстановить санъ Патріарха, тѣ, кто раньше возражали, преклонились передъ этимъ рѣшеніемъ, безо всякой горечи, за немногими исключеніями такихъ людей, которые впослѣдствіи легко перешли въ станъ живой церкви.

Выборы Патріарха совпали съ большевицкимъ переворотомъ. На улицахъ шла пальба, когда приходилось порой черезъ садъ, и по лѣстницѣ черезъ стѣну, пробираться на засѣданія Собора. Кандидаты намѣчались записками всѣми

членами Собора. Изъ этого довольно длиннаго списка епископы выбирали трехъ кандидатовъ. Окончательное рѣшеніе было предоставлено жребію.

Въ день Собора Михаила Архангела, 8 ноября, послѣ литургіи, въ храмѣ Христа Спасителя*) было совершено торжественное молебствіе. Длинной вереницей всѣ, болѣе 70 епископовъ, присутствовавшихъ на Соборѣ, вышли въ мантіяхъ изъ алтаря и стали по обѣ стороны отъ архіерейскаго амвона на срединѣ храма до самыхъ Царскихъ Вратъ. Наканунѣ въ храмъ перенесена была изъ Успенскаго Собора икона Владимірской Божіей Матери, передъ которой въ старину всегда совершалось посвященіе Патріарха. Передъ ней поставленъ былъ небольшой ковчегъ съ вложенными въ него именами трехъ кандидатовъ.

Вынуть жребій долженъ былъ старецъ о. Алексій, покинувшій затворъ, чтобы исполнить долгъ послушанія и быть на Соборѣ представителемъ всего русскаго монашества.

Въ моей памяти запечатлѣлась незабываемая картина: старѣйшій русскій іерархъ, Митрополитъ Кіевскій Владиміръ, по окончаніи молебствія подходитъ къ Иконѣ Владимірской Божіей Матери, беретъ ковчегъ, выноситъ его, и предлагаетъ о. Алексію подлѣ Царскихъ Вратъ вынуть жребій. Воздѣвъ руки, старецъ сосредоточивается въ безмолвной молитвѣ. Взоры іерарховъ и членовъ Собора устремлены на него. Весь храмъ замираетъ въ ожиданіи.

Три раза перекрестившись, старецъ вынимаетъ записку, и передаетъ Митрополиту Владиміру, видимо, взволнованному. Митрополитъ прочитываетъ про себя имя и на лицѣ его написано радостное удовлетвореніе. Онъ передаетъ записку протодіакону, который громко провозглашаетъ имя нареченнаго — Митрополита Московскаго Тихона. Во всемъ храмѣ отражается настроеніе, краснорѣчиво изобразившееся на лицѣ Митрополита Владиміра. Божій избранникъ — это слово передается изъ устъ въ уста.

Въ это время три намѣченныхъ кандидата, Митрополитъ Московскій Тихонъ, Архіепископъ Харьковскій (нынѣ Митрополитъ) Антоній и Архіепископъ (нынѣ Митрополитъ) Новгородскій Арсеній ждали рѣшенія своей участи въ Троицкомъ подворьи; туда немедленно поѣхали всѣ іерархи. Митрополитъ Тихонъ вскорѣ отбылъ въ Троицко-Сергіев-

---

*) Въ Успенскомъ соборѣ спѣшно производился ремонтъ пробоины отъ снаряда, попавшаго въ куполъ во время большевицкаго переворота.

скую Лавру, чтобы молитвенно подготовиться къ подвигу своего служенія.

Столованіе Патріарха, по счастью, удалось совершить въ Успенскомъ Соборѣ. Оно состоялось въ день Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы и совершено было по особому торжественному чину. Въ составленіи послѣдняго, на основаніи древнихъ обрядовъ, принималъ особое участіе Архіепископъ Кишиневскій Анастасій.

Трудно передать все благолѣпіе службы въ этихъ священныхъ стѣнахъ, гдѣ новопоставленный Патріархъ началъ свое служеніе съ поклоненія мощамъ первыхъ Московскихъ Святителей. Никогда не чувствовалась такъ живо неумирающая преемственность Святой Руси со всѣмъ этимъ сонмомъ іерарховъ и вѣрующихъ. Сколькихъ изъ нихъ ожидалъ мученическій вѣнецъ!

Живыми передо мною встаютъ лики священномучениковъ Митрополитовъ Владиміра и Веніамина и сколькихъ другихъ іерарховъ, замученныхъ и убіенныхъ, томящихся въ тюрьмахъ и изгнаніи. И среди нихъ согбенная старческая не по годамъ фигура новаго святителя Русской Церкви, принимавшаго Патріаршій жезлъ, какъ исповѣдникъ принимаетъ крестъ мученическаго подвига.

Кроткая благостность и простота, смиренное отреченіе отъ всего личнаго, отвращеніе къ позѣ, къ какой бы то ни было пышности, русскій, народный во всемъ своемъ обликѣ, такой, какимъ могъ быть любимый народомъ святитель пятьсотъ лѣтъ тому назадъ — вотъ тотъ Отецъ, котораго нельзя не любить, который такъ отвѣчаетъ желаніямъ крестьянина на Соборѣ.

Насъ лишили всего. Разрушено самое могучее царство въ мірѣ, и въ священномъ Кремлѣ мерзость запустѣнія...

Но у насъ есть свой церковно-національный день. Это день столованія Патріарха всея Руси. Пусть загонятъ насъ въ катакомбы, пусть въ темницахъ и заточеніи совершаютъ свой крестный путь наши іерархи-исповѣдники. Когда нибудь въ подвалахъ чрезвычаекъ будутъ воздвигнуты храмы. Мученики побѣждаютъ міръ. И, чтобы ни ждало насъ еще впереди, память послѣдняго торжества въ Успенскомъ Соборѣ останется навсегда живымъ символомъ и лозунгомъ духовнаго единства Россіи. Его носителемъ является нашъ Отецъ — Патріархъ Тихонъ.

II

Создание Добровольческой Армии.

Ноябрь и декабрь месяцы 1917 года прошли в бесплодных попытках московского Правого Центра изыскать крупные материальные силы для поддержки дела создания Добровольческой Армии, предпринятой в Новочеркасске генералом Алексеевым. Мне пришлось по этому делу дважды ездить из Москвы в Петроград, сначала — одному, потом с Кривошеиным и Д. М. Щепкиным. Мы хотели вступить в связь с союзниками. Иностранные посольства в Петрограде находились в то время в состоянии страха перед Троцким и жалкой растерянности. Дипломаты считали большевиков способными на что угодно и боялись, что с ними, в случае чего, не станут церемониться, но попросту свезут в Петропавловскую крепость. Больше всего эта мысль страшила жену английского посланника Бьюкенона; еще весной, после февральской революции, ее пугал этой перспективой приезжавший в Россию французский министр-социалист Альбер Тома.

Бьюкенэн отказывался кого-бы то ни было принимать или даже видаться в нейтральном месте. Поэтому ни Кривошеину ни мне не удалось с ним видеться. Нас свели в нейтральном месте с английским военным агентом майором Киз. Последний также развивал крайнюю конспиративность. Кривошеину он обещал принципиально крупную материальную поддержку; больше всего его озабочивал вопрос о том, как переправить деньги в Новочеркасск.

В московских финансовых кругах все попытки наши достать крупные суммы ни к чему не привели. Банки и капиталы были терроризированы. Веры в начинавшееся дело было немного, и большинство, несмотря на удары судьбы, все

еще держались взгляда: зачем буду давать я, если, может быть, другой даст за меня? Всего на всего, в Москве собрали несколько сот тысяч рублей. Часть этих денег была истрачена на содержание военной организации в самой Москве, а другая часть послана была генералу Алексееву.

Раньше всех в Новочеркасск уехал инженер Н. Н. Лебеденко, принимавший деятельное участие в вооруженной борьбе, которая предшествовала утверждению большевиков в Москве. Пробыв недели две в Новочеркасске, Лебеденко вернулся на короткое время в Москву с докладом о положении дела на месте.

В Москве существовало розовое представление о Доне и казачестве. Издали казалось, что Дон является твердым консервативным устоем, о который разобьется большевицкая пропаганда, что казаки стоят определенно на почве единой великой России и что у них и от них начнется дело ее возрождения.

По прибытии в Новочеркасск, генерáлу Алексееву с первых же шагов пришлось убедиться в том, насколько обстановка на Дону сложнее той, которая, может быть, и ему рисовалась до приезда. Донской атаман ген. Каледин принял Алексеева дружественно, но просил его сохранять инкогнито. Алексеев жил в вагоне на вокзале. Для офицеров, юнкеров и кадет, бежавших из Москвы и Киева, было предоставлено помещение в городе, но средств не было никаких. Алексеев вынужден был занять у местного богача Парамонова на короткое время 50 тысяч и был рад получить первые две тысячи из этой суммы, чтобы начать кормить кадры будущей армии.

Каледин считал необходимым проявлять величайшую сдержанность и осторожность, чтобы не всполошить казаков, настроение коих он знал, конечно, гораздо лучше, чем те, кому пришлось пережить впоследствии на их счет горькие иллюзии.

В начале ноября в Новочеркасск приехал Председатель Государственной Думы, М. В. Родзянко. Из Петрограда он бежал, загримировавшись тяжело больным, в сопровождении сестры милосердия. У себя на Фурштадтской он обнаруживал немного храбрости, но прибыв в Новочеркасск, тотчас стал проявлять свой шумный председательский патриотизм. По этому поводу уравновешенный и спокойный Каледин дал

выражение резкой досаде и раздражению; Родзянко скоро переругался и с ним, и с Алексеевым и уехал на Кубань.

Так тихо и скромно начиналось дело. Лебеденко резюмировал положение дела двумя требованиями с места: нужны деньги и люди. Люди — не только бойцы, но и организаторы, политики и специалисты. Находясь в конфликте с большевиками, Дон должен был обособиться. Являлся запрос на создание временных государственных функций, для чего не хватало ни людей, ни опыта. Необходимо было считаться с местными самолюбиями. Москвичей предупреждали, что с их стороны требуется много такта, чтобы не запугать донцов, которые не желают засилия со стороны. Была найдена форма сотрудничества: при местном Военно-Промышленном Комитете в Новочеркасске был создан экономический совет; юридически он был лишь совещательным органом, но предполагалось, что фактически он сделается центральным органом, разрабатывающим все основы организации управления и, быть может, направляющим его.

Вслед за Лебеденко, в ноябре же в Новочеркасск были командирован от Правого Центра и от кадетов из Москвы в Новочеркасск кн. С. Д. Урусов, Хрущов, М. М. Федоров и Белорусов. Первые два были товарищами министров при Временном Правительстве, Федоров — когда-то Министром Торговли при Витте, потом — редактором газеты «Слово»; Белорусов был журналист, сотрудник «Русских Ведомостей», долгое время политический эмигрант в Париже, вернувшийся в Россию после февральской революции и быстро попревший в Москве. Все они были посланы с временными поручениями и, кроме Федорова, вернулись вскоре в Москву. Особенно полезной оказалась поездка Хрущова. Проводя принцип, что Временное Правительство, хотя и свергнуто фактически, но юридически представляется единственным законным органом высшего управления, Хрущов предписал местному казначейству выдать Донскому атаману 30 миллионов рублей, с тем, чтобы половина этой суммы пошла на Донские нужды, а другая половина — в распоряжение ген. Алексеева для Добровольческой Армии.

Вернувшись в Москву, посланцы дополнили новыми подробностями общую картину, и вновь подтвердили просьбу о присылке денег и людей. Деньги шли скудно. Мы питались только обещаниями англичан. Самым действительным ока-

зался местный источник, приведенный в действие Хрущовым. Было решено ехать мне и П. Б. Струве. 26 декабря мы выехали с ним. Мы ехали с женой и младшим сыном Петрушей, который только что поправился от скарлатины. С нами ехало несколько молодых людей, переодетых в штатское платье, офицеров. В то время надзор большевиков был очень слабый и мы беспрепятственно наняли целый вагон Международного спального общества, в коем разместились совсем по буржуйному и так и доехали через трое суток в Новочеркасск. По дороге, кажется после Миллеровской, нас осматривала весьма робко большевицкая застава. Войны между большевиками и Доном формально не было объявлено, и обе стороны не оставляли мысли придти к соглашению. С нами ехал, между прочим, молодой мальчик, вольноопределяющийся в Кавалергардском полку, Владимир Львов, к своим родителям в Кисловодск, а так же П. Б. Струве и его сын Глеб. На большевицкой заставе их задержали и хотели вернуть в Москву, подозревая, что они едут в отряд ген. Алексеева. Тогда я вступился и поручился за Львова, что он едет к родителям. Как это ни странно, но на большевицкого офицера, видимо еще совестившегося своим положением, произвело впечатление мое ручательство (я себя назвал), и всех молодых людей пропустили.*)

С нами ехала также известная в то время в широких кругах и популярная «Александра Николаевна», — женщина-казак в военной форме и с Георгиевской медалью в петличке. Не знаю, придется ли о ней упоминать впоследствии, но здесь стоит сказать несколько слов.

Александра Николаевна проявилась в казачьей организации в Москве, вошла в близкое знакомство с семьей моей сестры Гагариной, очень им понравилась своей горячей, разносторонней деятельностью. Она вечно о чем-нибудь и о комнибудь хлопотала, и ей много удалось устраивать. Опасаясь за реквизицию своего дома на Новинском бульваре, Гагарины передали его Александре Николаевне для казачьей организации, занимавшейся какими-то хозяйственными операциями. Это только усилило интимность А. Н. с семьей Гагариных. После большевицкого переворота А. Н. деятельно снаб-

---

*) По рассказам моего отца, когда сов. офицер узнал, что мой отец Князь Трубецкой — то он ответил, приложив руку к козырьку. — Если Вы, Ваше Сиятельство за них ручаетесь, — то я не возражаю. *М. Г. Т.*

жала офицеров и юнкеров штатским платьем и деньгами. Нет сомнения, что она очень много сделала в этом направлении, хотя казалась и неосторожной, и неуравновешенной. За ней замечали, что она порою увлекалась и привирала. При всем том, она быстро сумела завязать большие связи в Москве и на Дону, виделась с ген. Корниловым, имела влияние. И вдруг... через несколько месяцев она пропала с горизонта. За ней обнаружились проделки сомнительного свойства, оказалось, что она всячески эксплуатировала свою близость с Гагариными и нашей семьей и вводила многих в заблуждение. Подверглось сомнению, подлинную ли она носит фамилию баронессы Розен, за которую она себя выдавала и получила ли когда-нибудь Георгиевскую медаль. Из одной крайности перешли в другую и А. Н. стали подозревать чуть ли не в том, что она состоит агентом большевиков. Разумеется, этого не было. На ней сказались особенности смуты, во время которой усиливается склонность к авантюризму и самозванству. Ими увлекалась А. Н., подстегиваемая легкостью своих успехов. Несмотря на это, она несомненно принесла и немало пользы многим офицерам, юнкерам и их семьям, с полной отзывчивостью приходя им на помощь.

Мы прибыли в Новочеркасск 29 декабря. Хотя в Москве мы были достаточно подготовлены к тому, чтобы не переоценивать стойкости положения на Дону, однако то, что мы нашли, превзошло в этом отношении наши ожидания. В Москве, в широких общественных кругах уже давно чувствовалось отрезвление от политического дурмана. Интеллигенция в значительной степени поправела еще во времена Керенского, и старые радикалы, с идеологией бывшего третьего элемента, уже в августе 1917 года держали порою самые черносотенные речи. Рост дороговизны, голод, хаос и произвол скоро восстановили против большевиков не одну интеллигенцию, но и значительное количество рабочих. Осуществление черных переделов в деревне воочию показало крестьянству всю тщету надежд, которые оно возлагало на переход в их руки помещичьих земель. Местные комитеты, расплодившись в громадном количестве, стали грабить население, кормясь на его счет. Когда я уезжал в конце декабря 1917 года, большевицкое управление далеко еще не показало себя во всей последующей красоте; в то время еще не проявлялся организованный террор, и разруха только еще начиналась.

Тем не менее, было ясно, что страной правит сравнительно небольшая кучка людей. которая удерживается у власти главным образом неслыханными приемами насилия. Социалистические партии, кроме большевиков, утратили всякое значение, многие рядовые члены охладели к иллюзиям, которые недавно разделяли, но вожаки продолжали оставаться теми же утопическими мечтателями, какими были. Вследствие этого, в общественных кругах произошло расслоение на две группы: с одной стороны, все не-социалисты, которых принято было называть тогда «государственно-мыслящими элементами» страны; с другой, — социалисты всех оттенков. Между последними была целая гамма настроений. Так, правые эс-эры или члены Плехановской партии «Единства» высказывали во многом вполне приемлемые, разумные взгляды, особенно с глазу на глаз. Но, как только дело доходило до соглашения на известных конкретных условиях, так тотчас проявлялось тяготение даже самого правого крыла социалистов налево; в эту сторону у них существовала наклонная плоскость безо всяких задержек, которая неминуемо вела к повторению уже пройденного пути, вплоть до большевиков. Вот, почему настроение Правого Центра, коего мы с Струве были представителями, было совершенно определенно против соглашательства влево и компромиссов, коими обусловливался паралич власти при Львове и Керенском.

Попав на Дон, мы сразу почувствовали себя в атмосфере, возвращавшей нас к утопическим временам Керенского. Атаманом был ген. Каледин. Это был во многих отношениях человек крупный, выделявшийся головой над всей окружавшей его захолустной провинцией. Он был прежде всего прекрасный боевой генерал, военный до мозга костей, благородный, прямой и честный человек. Своих донцов он хорошо понимал и отлично знал их настоящую цену. Каледин был несомненно умный человек, крайне осторожный. Внешне он производил впечатление «заспанного тигра», как его кто-то назвал. Он сидел неподвижно, лицо его никогда не отражало его настроения, и когда он говорил, то он медленно и нехотя ронял каждое слово. Поэтому ко всем его словам прислушивались с удвоенным вниманием. Но... по всему своему прошлому и крепко сложившемуся укладу, Каледин был конечно совсем не подготовлен к политической деятельности. Пока царствовал Керенский, Донской атаман представлялся пол-

ным его антиподом. Вместе с офицерством и не разложившимся еще казачеством, он глубоко возмущался систематической разрухой государства и армии, ему противно было непротивленчество и система «уговариваний». Но когда ему самому пришлось активно заняться политикой и он почувствовал, что волна революции начинает захлестывать Дон, Каледин сам стал на тот же опасный путь соглашательства, который в свое время привел Керенского ко всем последствиям такой политики.

Большевицкий переворот заставил Дон обособиться, определить свое положение, создать организацию государственного типа и в то же время выявить свое лицо. Экономически, Дон, как и весь юг России, был совсем в иных условиях, чем север. Прежде всего, он был сыт своим хлебом, которого было много. Промышленности в Донской области почти не было. Большевизм реально еще не давал себя чувствовать. Вследствие всего этого на Дону еще далеко не изжиты были иллюзии времен Керенского, особенно в среде местной провинциальной интеллигенции. Помощником Каледина был Митрофан Петрович Богаевский, по профессии — педагог, директор Реальнсго училища. Он был типичным русским интеллигентом, неисправимым мечтателем. Богаевский легко говорил, и в малоинтеллигентной донской среде с малоповоротливыми мозгами его довольно незатейливое красноречие создало ему первое место. Каледин и Богаевский — оба люди совершенно различного воспитания и среды — сходились в одном: полной политической неопытности. При этом они вступили на путь самых рискованных политических экспериментов.

Дон управлялся Казачьим Войсковым Кругом. Избирателями и депутатами могли быть только казаки. Между тем, в процентном отношении казаков было, если не ошибаюсь, 43 процента, а 57 % составляли так называемые «иногородние», в число коих входили как жители городов, так и крестьянское население. У казаков был обширный земельный фонд, каждый казак обладал известной зажиточностью. Рядом с казачьими хуторами были крестьянские слободы, иногда значительно более многолюдные и крайне стесненные землей. Отсюда происходили скрытый, глубокий антагонизм между казаками и крестьянами. Казаки — глубокие эгоисты и шкурники — ненавидели иногородних, но с появлением

большевизма начали сильно опасаться их, ибо у иногородних была готовая почва для развития большевизма. Не знаю, была ли то инициатива Богаевского или Каледина, но последний настоял на том, чтобы для управления Доном было образовано паритетное правительство, пополам из казаков и иногородних. В конце декабря в Новочеркасске состоялся съезд иногородних. Настроение съезда было по существу большевицкое. Съезд высказал протест против присутствия на Дону Добровольческой Армии, которая ставит себе задачей борьбу с революционной советской армией. Этот самый съезд и выбрал из своего состава семь человек (по числу округов на Дону) в качестве членов паритетного правительства.

Настроение Дона создавало крайне тяжелую обстановку для Добровольческой Армии. В самом начале Алексееву пришлось ограничиться заботой о том, чтобы бежавшие на Дон бойцы могли найти в нем хотя бы только убежище и не умерли с голода. Сочувствие, но очень сдержанное, проявлялось лишь немногими деятелями и конкретно не выражалось в каких-либо заботах о беженцах. Вскоре представился случай доказать полезность для Дона приехавших.

В предместьи Новочеркасска — Хотунке — были расположены два казачьих полка, которые выказывали все признаки разложения. Каледин считал опасным наличность такого гарнизона и решил распустить оба полка, предварительно их разоружив. Однако казачья часть, которой поручено было выполнить это распоряжение, не пожелала его исполнить. Тогда в Хотунок послали офицеров и юнкеров из общежития, в сущности — безоружных. Солдаты были без труда разоружены, а их ружья и патроны перешли добровольцам. В этот день и родилась Добровольческая Армия. Сколько раз впоследствии ей приходилось прибегать к тем же способам снабжения. Вся страдная пора Добровольческой Армии была пережита только вооружением за счет противника. У нее не было более верного интенданта, чем большевики.

Первый успех добровольцев обошелся без крови. Вскоре им предстояло выдержать серьезное боевое крещение. Ростов в административном отношении не входил в Донскую область, но близость этого крупного торгового и промышленного центра и географическое его положение делали при новых условиях необходимым объединение управления. Между тем, в Ростове большевизм свил себе прочное гнездо.

Большевицкая пропаганда велась открыто, и рабочие вооружались. Явно было, что нельзя дольше терпеть такого порядка. Каледин вначале пробовал решить дело мирным путем, но переговоры ни к чему не привели. Необходимо было проявить силу, но на кого опереться? Казаки были или ненадежны, или сомнительны. Снова на выручку пришли добровольцы. В конце ноября маленький отряд выступал из Новочеркасска. За ним шли казаки. Первые приехавшие в Добровольческую Армию, были, разумеется, отборные люди, воодушевленные мужеством и решимостью. Их было мало, но их противники, которых было много, не были сорганизованы, в них не было и подобия того воодушевления, которое помогало добровольцам дерзать и творить чудеса. Настроение этих героев в отраженном виде подействовало и на казаков. После первых успехов добровольцев они также решились выступить. Ростов был взят.

Это была крупная матерьяльная победа, но это была также еще более моральная победа. Добровольцы уверовали в себя и заставили и других поверить в себя. Каледин и Богаевский, которые готовы были в душе сочувствовать им, теперь поняли, что в сущности Дону не удержаться без добровольцев. Понимали это и более широкие казачьи круги, но не могли отрешиться от двойственного и двусмысленного отношения к Добровольческой Армии, которое потом продолжало все время омрачать тяжелую обстановку, в которой боролись добровольцы, не только на Дону, но и всюду на Юге России.

Если бы было произведено тайное голосование, то, кроме большевиков, большинство, конечно, высказалось бы за то, чтобы Добровольческая Армия оставалась на Дону, увеличивалась и крепла там, где зародилась, ибо с каждым днем становилось яснее, что никто, кроме нее, не будет бороться с большевиками. Но, желая использовать полностью кровь добровольцев, их боялись и не любили и всячески не хотели им давать хода. Прежде всего, казаки руководились мыслью: «моя хата с краю». Они чувствовали и мыслили в рамках узкого эгоизма. Их патриотизм в большинстве случаев не шел дальше одного края, иногда — хутора или станицы. Взятие Москвы большевиками произвело на них сильное впечатление и значительно охладило тот показной пыл, который об-

наруживался порою в речах на Круге. Они хотели отделить свое маленькое дело от общего, надеясь таким образом лучше уберечься самим от беды. Присутствие нарождающейся Добровольческой Армии в Новочеркасске было как-бы бельмом на глазу, притягивало к Дону внимание большевиков, чего больше всего боялись казаки. Они пытались даже договориться с большевиками, посылали делегацию в Москву, но из этих переговоров ничего не вышло. Казаки двоились между мыслью, что без добровольцев им было бы легче договориться, и опасением, что без добровольцев им не оборониться от большевиков. Потребовался жестокий предметный урок, чтобы исцелиться от иллюзий на счет большевиков, и всетаки двойственное отношение к пришельцам-чужакам никогда не рассеялось окончательно. Надо признать, что поведение добровольческой молодежи тоже не способствовало тому, чтобы рассеять недружелюбие. В постоянной напряженной борьбе, чувствуя себя одинокими, добровольцы ожесточались против окружающих равнодушных или неприязненно настроенных к ним людей. Нравы их грубели. Акты героизма и самоотвержения сменялись днями разгула и своеволия. Многие держали себя бестактно и вызывающе. Надо понять всю тяжесть обстановки и вспомнить все, что пришлось вытерпеть и раньше нервам всех этих людей со времени февральской революции, и тогда нельзя осудить их слишком тяжко за все эти грехи, — неизмеримые перед их подвигами Когда на улицах Новочеркасска я увидел походную часть, в которой как простые рядовые шли старые капитаны, с ружьями и трехцветным знаменем, мною охватило волнение, которого не забуду. Хотелось поклониться до земли этим мученикам-героям, безвестным страстотерпцам за родину.

Вступив на путь соглашательства с левыми, Каледин руководился мыслью, которая не изжита и в ту минуту, как я пишу эти строки (май 1919 года). Он находил необходимым создать сильную власть, но думал, что при данных условиях это возможно только, если будет под нее подведен широкий демократический фундамент. Сам он шел честно навстречу демократии, и, как человек прямой и благородный, он надеялся найти такое же отношение и у тех, с кем хотел работать, чтобы на основах взаимного доверия и уступок провести принцип сильной власти. Недаром его называли «невольником чести».

Каледин задался мыслью выработать основания, при коих присутствие Добровольческой Армии было бы приемлемо для демократии и не вызывало бы с ее стороны подозрительности. В начале декабря в Новочеркасск прибыли бежавшие из Быхова генералы: Корнилов, Лукомский, Деникин, Эрдели, Марков, Романовский, Ванковский и другие. Все они жили под чужими фамилиями, ходили в штатском платье; некоторые так изменили свою наружность, что были неузнаваемы. Приехали также общественные деятели. Кроме тех, кого я уже назвал, — Милюков. Появился и Савинков. Против него было сильное возбуждение среди офицеров, и открыто высказывалось намерение его убить.

С свойственной ему энергией и ловкостью, Савинков тотчас принялся обделывать свое дело. Прежде всего, он подъехал к генералам Каледину и Алексееву и предложил себя в качестве посредника с демократиею. На первого он произвел желательное впечатление; к тому же, он сумел связаться с представителями демократии на Дону, — П. Агеевым, который был членом Войскового правительства, и С. Мазуренко, представителем иногородних, правым эсэром. Через них он оказывал воздействие на Каледина и Богаевского. Генерал Алексеев лично не питал, конечно, никакого доверия к Савинкову, но, не отличаясь силой воли, он уступал перед железной волей всегда спокойного и всегда знающего, чего хочет, Савинкова. Последний окрутил и генерала Корнилова. Хотя было несомненно, что в деле Корнилова Савинков сыграл самую неблагородную и провокаторскую роль, однако Корнилов дал себя обойти. Савинков представил ему какие-то объяснения. Не знаю, в чем они заключались, но Корнилов признал себя удовлетворенным, не желая, как он сам потом мне сказал, чтобы его могли упрекнуть, что им руководят какие-либо личные мотивы.

Заручившись поддержкой командного состава, Савинков приделал особую организацию к Добровольческой Армии. Был основан «Союз Спасения Родины и Свободы». В Совет этого союза на половинных началах должны были войти представители командного состава Добровольческой Армии и несоциалистических партий и представители демократии. В этот Совет должны были вноситься все вопросы общего поличического значения. Решения его имели, однако, лишь совещательное значение для руководителей Добровольче-

ской Армии. Когда мы приехали со Струве, то нам пришлось считаться с уже совершившимся фактом. В состав совета входили из гражданских лиц М. П. Богаевский, Н. Э. Парамонов, Милюков, Федоров; от демократии — Савинков, его сотрудник (бывший комиссар при одной из армий) поляк Вендзегольский, Агеев и Мазуренко. Кроме того, имелось в виду пригласить еще некоторых видных вожаков правого крыла социализма, — Аргунова и др.. При первом свидании с генералом Алексеевым, когда он предложил мне и Струве войти в состав Совета, я выразил недоумение. Мы получили такой определенный наказ в Москве, настолько сами отрицательно относились к идее соглашательства, что перед нами становился вопрос: можем ли мы войти в такой Совет и что мы будем в нем делать? Алексеев настаивал на необходимости работать в Совете, чтобы парализовать в нем опасные течения. Он говорил, что Совет был ему навязан Калединым, который считал, что без уступок демократии ему не удастся обеспечить дальнейшее пребывание Добровольческой Армии на Дону — это была как-бы плата за квартиру. По его словам, другого выхода из положения не было, и с ним приходилось мириться. В конце концов, Совет имел лишь совещательное значение, и все дела вносились в него по усмотрению командования.

Что касается управления Добровольческой Армии, то оно также было построено на сложном компромиссе. Во главе его стоял триумвират: Каледин, Алексеев и Корнилов. Общие принципиальные решения, согласно задуманному плану, должны были решаться этой коллегией трех генералов, причем каждому из них усвоялась своя особая функция и прерогативы: Каледин председательствовал в вопросах, соприкасающихся с управлением Донской области; Корнилов был Верховный Главнокомандующий, принимающий самостоятельные решения в области стратегии и руководства военным делом; Алексеев был руководителем политики и распорядителем финансов. Он председательствовал в Совете союза, но окончательные решения этого Совета, как я уже говорил, принадлежали трем генералам, которые все присутствовали на его заседаниях.

С первых же дней нашего пребывания в Новочеркасске обнаружилось, что между Алексеевым и Корниловым суще-

ствует острый антагонизм. Они взаимно совершенно не переносили друг друга. Редкое свидание между ними обходилось без обострения и без того натянутых отношений. Дело вначале было еще такое маленькое, что ужиться вместе двум таким властным и честолюбивым натурам было совсем невозможно. Инициатором Добровольческой Армии был генерал Алексеев. Он первый приехал и первый заложил основания всего дела, которое гораздо обычнее носило тогда название «Алексеевской организации», чем Добровольческой Армии. Уже одно это резало уши Корнилову. Последний не мог никогда простить Алексееву его роли в деле его, Корнилова. Он сам мне однажды это высказал. Как мог Алексеев, основатель офицерского союза и всей этой организации в армии, которая имела своей конечной целью произвести военный переворот, как мог он поддержать Керенского, пойти к нему в Начальники Штаба и поехать в Ставку арестовать его, Корнилова? Нельзя не признать, что в постановке такого вопроса была доля правды. Но нужно принять во внимание, что своим вмешательством Алексеев рассчитывал спасти того же Корнилова и его сподвижников и что это ему удалось. Конечно, роль Алексеева была неблагородная, ибо он одновременно выручал Керенского из трудного положения и вскоре должен был уйти, не заслужив благодарности ни с чьей стороны и не прибавив новых лавров к своей репутации. Мне кажется, что он отчасти уступил влечению честолюбия и потребности в деятельности, вне коей он не умел жить. Как бы то ни было, недавнее прошлое служило не к объединению, а к усилению взаимной антипатии между генералами.

Если Корнилов не мог простить Алексееву его роли в августовские дни, то Алексеев находил Корнилова опасным сумасбродом, человеком неуравновешенным и непригодным на первые роли. В свое время он отказал наотрез Гучкову, желавшему назначить Корнилова из Командующего Петроградским военным округом в Главнокомандующего Северным фронтом. Сам Алексеев был в то время Главковерхом и заявил, что уйдет в отставку, если назначение это состоится. Это уже показывает, как, раньше, чем судьба их столкнула, Алексеев не доверял Корнилову. Последний, в свою очередь, считал, что Алексеев во многом виноват в наших неудачах во время войны, и смотрел на него с тем оттенком

презрительности, с каксй боевые генералы смотрят на кабинетных стратегов.

Поводов для столкновений было сколько угодно. Алексеев, как распорядитель финансами, держал все нити в руках. От природы бережливый и не широкий, он считал денежное положение совершенно необеспеченным и урезывал во всех запросах Корнилова. Между тем, время не ждало. В конце 1917 года можно было за самые сравнительно небольшие деньги приобретать ценное боевое снабжение, пользуясь развалом на нашем фронте. Продавались орудия, снаряды, ружья, пулеметы, — все, что угодно. Алексеев боялся рисковать и остаться ни с чем и часто упускал неповторяемые случаи. Между обоими генералами происходили резкие сцены. Корнилов требовал в свое безотчетное распоряжение крупные суммы.

Область компетенции между генералами не могла быть точно разграничена. На этой почве также все время происходили трения. В первые же дни нашего пребывания отношения дошли до такого обострения, что пришлось нам, общественным деятелям, перебегать от одного генерала к другому, чтобы как-нибудь предотвратить разрыв между ними. Вырабатывались формулы письменных соглашений. Только-что мы успели помирить их, как снова вспыхнула история, которая грозила окончательно их рассорить. Виновником оказался Савинков, который раздул какую-то совершенно несостоятельную сплетню, пущенную из контр-разведки, в которой были замешаны имена его и Корнилова. Алексеев крайне неудачно согласился «вывести дело на чистую воду», пригласил Корнилова присутствовать при очной ставке, которую хотел устроить с источниками грязной сплетни. Когда Корнилов, не зная, зачем его приглашают, явился и увидел, в чем дело, он пришел в сильный гнев, почувствовал себя оскорбленным, накричал на Алексеева и вышел, не подав ему руки и хлопнув дверью. По счастью, Савинков скоро уехал.

Все эти печальные истории неприятно вспоминать. Они ниже памяти и Корнилова и Алексеева, которых примирила смерть. Оба заслуживают самой глубокой признательной памяти потомства и оба самоотверженно принесли жизнь отечеству. Что же делать, если мне пришлось их обоих видеть в мелких житейских столкновениях. Это последние показывает только, как тяжело приходилось и тому и другому, и

как порою не выдерживали нервы даже и таких людей. Мне и впредь предстоит неблагодарная роль свидетеля закулисной стороны истории, но я не считаю себя в праве совсем ее обойти, предоставляя будущему историку откинуть хлам и все поставить на свое место.

Обострению отношений между генералами, как всегда, способствовали окружающие их сторонники. Корнилов был по природе доверчив и не разбирался в людях. Этим пользовались разные сомнительные личности. В то время околачивался около него некто Добринский, сыгравший некоторую роль и в подготовке корниловского выступления в августе месяце. Рознь между генералами не оставалась неизвестной в таком маленьком городке, как Новочеркасск. Она передалась и в самую организацию, сделалась предметом толков и пересуд среди офицерства; последнее разделилось на алексеевцев и корниловцев. Рознь эта удручающе действовала на ближайших сотрудников их по командованию. Вместе с нами, Деникин и Лукомский старались сглаживать и примирять разногласия. Одно время Корнилов хотел уйти с армией и со Штабом в Ростов, оставив Алексеева ведать политикой и финансами в Новочеркасске, но последний воспротивился этому и решено было, что оба переедут в Ростов.

Совет союза собирался несколько раз. Оба течения, правое и левое, держались обособленно. Савинков внушал к себе недоверие со стороны правых и чувствовал это. Когда он что-нибудь предлагал, все настораживались и старались отклонить это предложение. Но эта обструкция была поневоле слабой, потому что редко кто из нас вносил, в свою очередь, другое предложение. Между тем, Савинков всегда знал, чего хотел. Он говорил всегда ровным, спокойным голосом, не повышая тона, всегда корректный. Я чувствовал неодолимое отвращение к его холеным рукам, которые невольно притягивали к себе взгляд, — руки террориста-убийцы. Они контрастировали с его энергичным лицом, на котором отразилось движение страсти. В маленьких глазах светился холодный блеск. В нем чувствовалась сила человека, для которого не существует никаких моральных задержек. Казалось, что ему ничего не стоит смахнуть со своего пути всякого кто бы ему мог быть помехой. Террорист, авантюрист, шантажист и патриот, несомненно одаренный и умный, но едва ли способный на великое, потому что лишен всяких

нравственных устоев, — таким мне представлялся Савинков. Что касается до его левизны, то мне казалось, что она относительна, что демократия нужна главное, как трамплин, для этого честолюбивого и властолюбивого человека.

Сгруппировав вокруг себя левых, Савинков импонировал им своей холодной волей и авторитетом своей репутации. Он подчинил себе без труда слабовольных неврастеничных интеллигентов, вроде местной донской знаменитости, Павла Агеева, который мог играть роль только в захолустном Новочеркасске. И он, и Семен Мазуренко были типичными народниками-третьеэлементцами. Не находя себе применения в Новочеркасске, Савинков решил уехать и добился полномочия Алексеева вести переговоры с левыми, которых он хотел привлечь к участию и в Совете. Он уехал в Москву, но одновременно с ним был отправлен Ладыженский, чтобы парализовать при случае какие-либо опасные его выступления. Заседания Совета, с отъездом Штаба в Ростов, прекратились сами собой; в сущности, общих дел было так мало, что не для чего было собираться и говорить. Сотрудник Савинкова Вендзегольский также уехал; он был командирован в Киев, в помощь члену Государственной Думы Иг. Демидову; там уже работал генерал А. М. Драгомиров, находившийся в связи с генералом Алексеевым по военным вопросам. Новые делегаты должны были выполнять политические и наблюдательные функции. Вендзегольский оказался очень порядочным и дельным работником.

У генерала Алексеева был Политический отдел. Ближайшим сотрудником его был некий инженер Серг. Серг. Петинин, очень энергичный и расторопный человек. Когда я приехал, то, по предложению Милюкова, Алексеев просил меня стать во главе Отдела, но, ознакомившись с делом, я убедился, что там дела то почти нет, что Алексеев все сосредоточил в своих руках. Убедившись, что я не могу быть полезен и что все, что нужно, делается и без того, я не стал входить в это дело и отдал несколько больше времени вопросам пропаганды и рекламы. В то время в Политическом отделе работали Вал. Ник. Муравьев (бывший мой сотрудник по Министерству Иностранных Дел) и Н. С. Арсеньев, молодой приват-доцент Московского университета. Они оба главным образом развивали деятельность по составлению листовок и афиш, которые расклеивались на столбах и на

заборах, и одно время заполнили весь Новочеркасск. На одной афише, например, крупными буквами было напечатано: У кого две руки и две ноги и капля совести — идите в Добровольческую Армию. Запись — там-то. Условия службы — такие-то. Рядом был напечатан длинный диалог между казаком и большевиком, — произведение Муравьева. Еще рядом — стихи, далее — воззвания. Вся эта литература, постоянно обновлявшаяся, вызывала к себе внимание.

Приток добровольцев из России был крайне незначителен и не только не увеличивался, но сокращался, благодаря препятствиям, которые чинили большевики. В самой Москве были устроены ловушки. Люди, переодетые офицерами, встречаясь с теми, в ком подозревали желание ехать в Добровольческую Армию, завлекали к себе и потом арестовывали. По дороге, ехавшие подвергались обыскам и задержанию. Только немногие, более ловкие и смелые, успевали проскочить через все препятствия. Тем важнее было организовать вербовку на местах. На Дону установили довольно высокий оклад жалования нижним чинам, кажется, — 150 рублей, и Добровольческая Армия установила тот же оклад, хотя, конечно, для офицеров, служивших простыми рядовыми, получаемое ими жалование было ничтожно. Необходимо было усилить идейную пропаганду. На нее чутко откликалась молодежь, особенно кадеты и гимназисты. В Добровольческую Армию и многочисленные партизанские отряды шли мальчики 14, 15 лет. Они дрались с наибольшим одушевлением, хотя, конечно, жестоко уставали от беспрестанных боев.

С начала января 1918 года наступила страдная пора для Добровольческой Армии. В это время она насчитывала всего каких-нибудь 3 000 человек. Между тем, большевики начали железным кольцом сжимать ее со всех сторон. Это были беспорядочные полчища. Добровольцы успешно боролись с ними в отношении 1 к 10, но те брали количеством, лезли, как саранча, со всех сторон. В это же время на Дон стали прибывать с фронта казачьи части, зараженные большевизмом. Одни из них расходились по домам, другие примыкали к большевицкой орде. Они были самыми опасными противниками Добровольческой Армии, потому что вносили в еще не зараженную казачью среду элементы соблазна и разложения. Особенно вредными вожаками были казачий офицер Го-

лубов и простой казак Подтелков. Они уверяли казаков, что если решать прогнать Добровольческую Армию и свергнуть «буржуазное» правительство Каледина, то большевики предоставят трудовому казачеству самому устраивать свои судьбы. Деморализация в правительственных кругах была так велика, что Подтелкову позволили приехать в Новочеркасск и паритетное правительство целый день вело с ним переговоры. Подтелков настаивал на том, чтобы правительство сложило с себя полномочия и уступило власть военно-революционному комитету. Сам он отрицал свою связь с большевиками, но был уличен в получении от них 3 000 000 рублей. Переговоры ничем не кончились. Они только лишний раз обнаружили мягкотелость власти, приемы коей делали ее обреченной. Тот же Голубов был в декабре арестован и потом выпущен Богаевским на честное слово, что он не будет заниматься большевицкой пропагандой. Впоследствии он первый вошел во главе большевиков в Новочеркасск и арестовал атамана Назарова и председателя Круга Волошина.

Трудно себе представить, чтобы Каледин не видел, к чему ведет его политика соглашательства. На одном из заседаний Совета союза, Милюков прямо подошел к этому вопросу и, очертав всю опасность соглашательства, настаивал на необходимости переменить курс. Всегда сдержанный Каледин был задет за живое, но не пожелал вступать на почву обсуждения этого вопроса. Я думаю, что, сознавая вполне, на какую наклонную плоскость он вступил, он, вместе с тем, чувствовал себя совершенно бессильным. Во всей фигуре этого «спящего тигра» было что-то обреченное. Несомненно, он переживал тяжелую внутреннюю драму, заранее учитывая ее неизбежный фатальный конец. Я не буду описывать изгладившиеся из моей памяти подробности борьбы добровольцев с большевиками на Дону в этот первый период. Все это найдет место в воспоминаниях непосредственных участников боев в истории, документально оборудованной. Январь месяц 1918 года останется в личных моих переживаниях одним из самых тяжелых и безотрадных. Новочеркасск жил в состоянии хронической паники. Каждый день приносил вести о новом нажиме большевиков. Единственным отрадным противовесом этим вестям было геройство, проявлявшееся добровольцами и партизанами. Невероятно грустно было видеть детей, с милыми счастливыми лицами, которые еже-

дневно покидали город. Многие ли из них вернулись? Среди равнодушия инертной и запуганной толпы взрослых, эти дети горели святым огнем и радостно умирали за родину. В них одних можно было искать залогов будущего возрождения России, но смерть беспощадно косила их. Ежедневно по городу ехали дроги. В собор и местные церкви нельзя было войти, не увидав у дверей несколько крышек гробов. И в каком виде подбирали убитых! — Замученных, искалеченных, порою со следами кощунственного издевательства над трупами! Жестокая, бесчеловечная междоусобная война! Но все эти ужасы неспособны были запугать молодежь, потушить в ее груди святое пламя. Наоборот! Родители были бессильны удержать своих мальчиков. Я сам испытал это с своим старшим сыном Костей. Ему тогда не минуло еще 16 лет, но каких трудов мне стоило его удерживать, а он мучился между желанием ослушаться меня и бежать и боязнью огорчить нас. Под конец я увидел, что дальше нельзя натягивать струны и дал ему разрешение поступить в Добровольческую Армию. Не могу иначе, как особой милости Божией, приписать то, что, несмотря на это, ему не пришлось тогда поступить в солдаты. Это было как раз перед отступлением Добровольческой Армии, которое тогда еще не было решено. Костя решил раньше поговеть. Мы вместе с ним ходили в церковь. Но в эти самые дни, отступление начало совершаться. Генералы Алексеев и Лукомский, к которым я обратился, сами настоятельно посоветовали ему не поступать, и на этот раз чаша миновала нас. Каково было бы такому мальчику, ни к чему не привыкшему, сразу попасть в условия ледяного похода, который совершила по своем отступлении Добровольческая Армия.

После отъезда Штаба и генерала Алексеева в Ростов, я остался в Новочеркасске и продолжал заведывать отделением Политического отдела, которое здесь занималось главным образом вопросами пропаганды. Тут же остались Струве, Муравьев и Арсеньев. Мы жили на окраине города, на Баклановском проспекте, в доме старозаветного казака Сербина. Гагарины жили ближе к центру, на Комитетской улице. Видались мы ежедневно с ними и с Лермонтовыми, которые жили неподалеку от нас, вместе переживали волнительные минуты. В это время Сережа Осоргин был женихом Сони Гагариной; жениховство их долго длилось, и хотели обвенчать

их, как только подъедут его братья. Но общая обстановка была такая непрочная, что решили, что довольно ждать. В это время из Москвы подъехала успевшая вновь туда съездить Александра Николаевна. Она привезла всякой всячины для свадьбы — шоколаду, сахару и всякого трепья. Свадьба была назначена на 29 января.

За несколько дней до этого начали поговаривать о том, что Добровольческой Армии придется уйти с Дона, так как она истекает кровью под нажимом большевиков, а казаки сами вовсе не расположены воевать. Помнится, 26 января в Новочеркасск приехал генерал Лукомский. Каледин решил, что надо окончательно договориться о дальнейших планах и совместных действиях и просил приехать Корнилова, но последний не решился отлучиться из Ростова, а послал своего Начальника Штаба Лукомского. Во дворце атамана было созвано «правительство». Впрочем, левые паритетчики сначала не были приглашены; однако Агеев, который был от казачества и потому присутствовал, настоял на том, чтобы и тех вызвали. Были приглашены также Струве и я.

В этот день обстоятельства на фронте складывались как будто немного лучше. Не отрицая возможности ухода с Дона Добровольческой Армии, если обстоятельства того потребуют, Лукомский заявил, однако, что сейчас это еще не стоит на очереди. Наоборот, в помощь донским партизанам, сражавшимся на севере, был послан один из лучших офицерских отрядов Добровольческой Армии. Попутно был поставлен вопрос: что делать, если обстоятельства не изменятся? Как вести дальше борьбу с большевиками? Лукомский сказал, что Добровольческая Армия не может ставить своей задачей оборону во что бы то ни стало Новочеркасска и Ростова и что перед ней может возникнуть необходимость покинуть Дон, чтобы на время уйти из области досягаемости большевиков и найти в других местах возможность пополнить свои ряды. Многие из членов правительства поддерживали ту же мысль и говорили, что и донскому правительству следует считаться с возможностью перенести оборону области по ту сторону Дона, который при предстоящем разливе станет серьезной преградой для большевиков. Последние ведут свое наступление исключительно по линиям железных дорог. В станицах по левую сторону Дона предполагалось найти здоровые элементы, способные усилить оборону.

Против всех этих предположений возражал один Каледин. Обращаясь к Лукомскому, он предостерегал Добровольческую Армию от намерения покинуть Дон, с которым она кровно связалась. Он говорил, что такое решение было бы гибельно для обеих сторон. Добровольческая Армия превратилась бы в бродячую кучку людей, утратила бы свой престиж и, может быть, не нашла бы нигде пристанища. Что касается обороны Дона, то Каледин считал ее неразрывно связанной с обороной Новочеркасска. «Не следует предаваться самообольщению», говорил он членам своего правительства. «Уход из Новочеркасска, это — смерть донского правительства. Я говорю «смерть» не в буквальном смысле слова», спохватился он, «это — личное дело каждого. Но правительство, как таковое, перестанет существовать. Оно лишено будет всякой точки опоры и, уйдя из Новочеркасска, не в состоянии будет ничего сорганизовать в другом месте». На меня тогда же произвело впечатление то особое ударение, с которым Каледин произнес слово — «смерть». Нет сомнения, что сам он понимал это уже тогда вовсе не в фигурном, а в прямом смысле, и у него уже определенно сложилось решение покончить с собою, если наступят обстоятельства, которые он раньше предвидел.

Заседание правительства длилось долго. Говорились бесконечные речи разуверившимися во всем усталыми и неврастеничными людьми. Было нудно. Каледин выделялся изо всей кампании. В нем привлекателен был его благородный, честный облик крупного, но несчастного человека, с достоинством несшего свой крест до конца. Остальные были растеряны и не знали, чего хотели. В частных разговорах Агеев то говорил, что если Добровольческая Армия может взять энергично палку в руки то пускай это делает, то высказывал сомнение, верны ли рассказы о зверствах и насилии большевиков.

Лукомский уехал после заседания; на следующий же день стали поступать все более тревожные известия с фронта. Некоторые отвечали действительности, другие же, которые гласили о том, что большевики там-то сосредоточивают удар, оказывались порою ни на чем не основанными, но производили свое действие в штабах.

Надо сказать, что организация разведки и штабов была совершенно неудовлетворительна. Наши генералы и офице-

ры Генерального Штаба не привыкли мыслить организацию иначе, как в рамках старой армии, в которой насчитывалось миллионы людей. Вся Добровольческая Армия, которая далеко не дошла до размеров полного боевого состава одного пехотного полка, имела штаб в 150 человек! Во главе штаба стоял такой умный человек, как Лукомский, но и он не мог отрешиться от привычных ему масштабов. Помню, как однажды генерал Корнилов, под влиянием пресловутой Александры Николаевны, написал резолюцию с требованием сократить штаб на 25 процентов; Лукомский был в полном отчаянии и доказывал, что этого нельзя сделать, не дезорганизовав всего дела. Уже в то время в Добровольческой Армии был сильный ропот на штабных, которые устраивают себе безопасные, выгодные места. Конечно, такие разговоры ведутся всегда и во всех армиях, но нельзя было не признать, что в данном случае они имели больше основания и что самый принцип добровольчества должен был бы побудить высшее командование относиться к таким сетованиям с большим вниманием.

Были и другие недостатки в организации штаба и, быть может, в самом ведении войны. В штабе все велось по старым приемам. Разведка была из рук вон плохая, зачастую питались непроверенными паническими сведениями, которые оказывались вымышленными, но иногда являлись в числе решающих мотивов. Так, в самую критическую минуту в конце января в Новочеркасске и Ростове исходили из известия о новом сильном нажиме большевиков со стороны Александровска Грушевского. Это известие создало панику, а потом оказалось ничем не обоснованным. Наши военные, мне кажется, не отдавали себе отчета в том, что в условиях внутренней междоусобной войны разведка должна гораздо больше приближаться к организации полицейской службы, чем той, которая применялась в войне с немцами. — Далее, в штабах не умели отучиться от легкого распоряжения человеческими жизнями, хотя они были настолько драгоценны в данных условиях. Рядом с этим, не умели пользоваться и партизанскими приемами борьбы, смелыми инициативами, которые не входили в рамки кабинетной стратегии. Начальство продолжало быть далеким от жизни и от людей. Все эти недостатки больно чувствовались в то время всеми нами, которые близко стояли к делу и душой болели за Добро-

вольческую Армию. Мне неприятно все это писать и не хотелось бы сгущать отрицательных впечатлений. Вся эта оболочка не должна заслонять светлого облика Добровольческой Армии, которая жива была своим неугасимым дерзновением, силой духа. Духом были сильны, а организоваться не умели.

Припоминаю такой случай. С нами из Москвы приехал старший сын Струве, Глеб, очень милый юноша 20 лет, который тотчас поступил в Добровольческую Армию. Его через 3-4 дня отправили вместе с отрядом, в который он поступил, куда-то по железной дороге на юг, кажется на ст. Кавказская. Им было дано поручение вывести оттуда пулеметы и, кажется, пушки, которые, по сведениям, там имелись. Вместе с тем, был дан наказ отнюдь не предпринимать военных действий против казаков, ни при каких условиях. Это был тогда общий лозунг: война ведется против большевиков, а не казаков, хотя между последними было гораздо больше большевиков, чем их противников. Молодого Струве не спросили даже, обучен ли он строю, умеет ли владеть винтовкой. Весь отряд состоял из 50 человек. На одной из станций их окружил казачий полк, арестовал и препроводил к большевикам в Новороссийск. Для Струве-отца началось томительное ожидание. Было полное основание опасаться, что все наши будут утоплены большевиками-матросами. По счастью, этого не случилось, но Струве-отец до конца своего пребывания в Новороссийске ничего не знал о судьбе сына, и только по возвращении в Москву его жене Нине Александровне удалось съездить в Новороссийск и вызволить из тюрьмы своего сына. — Это был один из инцидентов, характеризовавших то легкомысленное отношение Штаба, которое могло стоить жизни отряду, по тогдашним понятиям, значительному.

Свадьба Осоргиных была назначена на Воскресенье 29 января. Я был посаженым отцом Сережи Осоргина и потому не выходил с утра из дома, так как благословенье должно было состояться у нас в 11 часов утра. Произошло запоздание. Между тем, мне дали знать, что ночью Каледин получил телеграмму от Командования Добровольческой Армии, что она окончательно решила покинуть Дон. Немного спустя, мне сообщили, что под влиянием этого известия происходит правительственный кризис. Атаман и правительство ухо-

дят, власть будет передана демократической Городской Думе, дабы дать ей возможность договориться с большевиками о сдаче города без кровопролития. Все это сообщали в хлопотах перед поездкой в церковь. Когда все было готово, мы поехали в Никольскую церковь. На той же площади помещался мой Политический отдел. Певчие что-то замешкались; нам пришлось довольно долго ждать в пустой холодной церкви. Перед самой свадьбой в церковь пришли сказать, что Каледин только что застрелился...

После заседания правительства он не забыл позвонить по телефону в наш Политический отдел, предупреждал, что, ввиду серьезности положения, правительство и он, атаман, уходят, а власть передается Думе. Был и еще звонок от кого-то из офицеров, к нему приближенных, который предлагал арестовать Каледина и увезти его в Добровольческую Армию, чтобы предотвратить попытку самоубийства. Разумеется, у нас не было никакой возможности исполнить этот совет. Но и Каледин не медлил. Он вышел в свою спальню, рядом с кабинетом, расстегнул мундир, лег на постель и выстрелил себе прямо в сердце.

Трудно передать впечатление, произведенное этой смертью, на весь город. Как раз за последние дни в Новочеркасске начал собираться вновь избранный Войсковой Круг. От него ждали, что он будет очень левым, боялись этого. На самом деле на Кругу, противно всем ожиданиям, сразу определилось твердое и разумное настроение, отчасти благодаря тому, что распропагандированные северные части Донской области были отрезаны большевиками и не могли прислать на Круг своих представителей. Депутаты Круга высказывали полную готовность укрепить власть Атамана и провести большую мобилизацию. Смерть Каледина была, как удар грома, который на минуту прошиб даже толстокожих казаков. Многие поняли, что он погиб жертвой тупого равнодушия, из которого не был в состоянии вывести Донское казачество.

После церкви все поехали к Гагариным, где было приготовлено великолепное угощение. Мы со Струве прямо от них отправились на вокзал, чтобы ехать в Ростов. Нам казалось, что надо ухватиться за минуту реакции, наступившей в казачестве, дать время казакам провести мобилизацию и до тех пор не уводить армию. С нами в вагоне ехал член Дон-

ского правительства Г. И. Янов, который решил обратиться к генералам с такою же просьбой. Мы прибыли в Ростов вечером, поехали в штаб Добровольческой Армии, который помещался в громадном особняке Парамонова на Пушкинской, и тотчас настояли перед генералом Алексеевым на созыве совещания из генералов. Тут были Корнилов, Лукомский, Деникин, Романовский; кроме того, подошли генерал А. И. Богаевский (впоследствии атаман), Ростовский градоначальник Зеелер и Милюков. Пришел также Янов. Все мы, приехавшие, представили генералам, что не утрачена еще надежда пробудить казаков, получить свежую боевую силу на смену усталым бойцам. Кроме того, высказывали опасение за то, как отзовется на самой Добровольческой Армии оставление ею Дона и превращение в бродячих кочевников. Наша мысль была поддержана большинством присутствующих. И Корнилов и Алексеев сами, как будто, сознавали, что лучше повременить и дать казачеству в последний раз случай и возможность показать, на что они способны. Было высказано предположение, что надо успокоить публику, взволнованную слухом об уходе добровольцев, и поддержать в Новочеркасске кандидатуру в атаманы генерала Назарова. По поводу заметки, которую следовало поместить в газетах, между Алексеевым и Корниловым снова произошла резкая перебранка в присутствии всех нас. Алексеев начал было писать текст заметки, а Корнилов напал на него за то, что он вмешивается в его компетенцию и делает заявление от своего имени. Всем нам тягостно было присутствовать при этом. Деникин не вытерпел и со словами: «Чорт знает, что такое! В такое время заниматься подобными разговорами!» вышел из комнаты, хлопнув дверью. Это несколько образумило обоих генералов, которые чувствовали себя пристыженными и замолчали. Деникину было потом неприятно, что он нарушил дисциплину. Но, как Корнилов, так и Алексеев оба ценили и уважали его прямоту и понимали, конечно, что сами оконфузились.

Через два дня я вернулся в Новочеркасск. Круг объявил мобилизацию. Самоубийство Каледина, надвигающаяся опасность большевизма — все это, как будто, пробудило на минуту сонное сознание казаков. Из станиц, окружающих Новочеркасск, приходило порою все взрослое мужское население — и стар и млад. Но здесь появилось роковое неу-

мение организоваться. Донской штаб в ту пору представлял собою вообще довольно жалкую канцелярию. Никому не пришло в голову, что надо ковать железо, пока оно горячо, что нельзя дать пылу казаков остыть хотя бы на минуту. Их необходимо было немедленно рассортировать и влить в те или другие кадры, поставив сразу под ружье. На самом деле, казаки приходили из станиц и для них не всегда были готовы помещения и пища. Никто о них не заботился, начальство ими не занималось. Зато ими занимались местные большевики и в 2-3 дня обрабатывали на славу. Им показывали на праздно шатающуюся толпу на Московской и Платовской (главных улицах Новочеркасска), на ярко освещенные по вечерам кинематографы, куда ломилась эта публика, и им говорили: «Что же вы хотите проливать кровь ради всех этих дармоедов, буржуев? Что вам сделали большевики? Чего вы их боитесь? Они стоят за простой народ, за вас же, а вы будете воевать, чтобы новочеркасские буржиу могли спокойно спать и ничего не делать?» — Под влиянием таких речей пыл скоро охладевал. Бывали случаи, что целая станица, пришедшая с утра, наполовину расходилась к вечеру.

Круг готов был сделать все, чего бы от него ни потребовали. Назаров несколько дней колебался, идти ли ему в атаманы. Случайно я пришел к нему как раз в самую решительную минуту. Его кабинет был в здании Областного управления. Рядом была большая зала, где происходили заседания Круга. Мне сообщили, что Назаров только что отказался баллотироваться в атаманы и что депутаты разбились по кругам, чтобы обсудить положение. Меня поймал старичок-секретарь атамана — и настойчиво просил, чтобы я, с своей стороны, всячески воздействовал на Назарова, чтобы он не отказался от атаманства, ибо другого кандидата не было. Назаров при Каледине был походным атаманом. Это был прямой, честный казак, военный человек, что и требовалось. Я прошел к Назарову и стал его уговаривать не отказываться, ввиду серьезности положения и полного отсутствия других кандидатов. В это время кончился перерыв, Круг собрался вновь и Назарова позвали в залу. Я вышел за ним. Председатели округов, один за другим, сообщали постановления своих округов, сходившиеся в настоятельной просьбе Назарову принять атаманство. Назаров слушал их, нагнув голову и облокотившись на стол. Когда речи смолкли, на-

ступила пауза. Видно было, как нелегко ему было принять решение. Наконец, он поднял голову и сказал: «Хорошо, я исполню свой долг, но и вы должны выполнить ваш долг. Без вашей помощи я не в силах что-нибудь сделать».

Содействие Круга было вполне обеспечено. Между прочим, Круг постановил суровые кары за уклонение от мобилизации, вплоть до расстрела, и вообще готов был на какие угодно решительные меры. Но увы... со всем этим было запоздано. Слова не запугивали, потому что у власти не было силы привести их в исполнение. Назаров принял на себя звание атамана, как тяжелый крест; он был такой же обреченный, как и Каледин, и так же по-солдатски относился к своему долгу, готовый стоять на посту до последней минуты.

В ближайшие же дни выяснилось, что казачья мобилизация провалилась, что все пришедшие разошлись. Совершенно неожиданно вдруг в Новочеркасск вошел конный казачий полк, вернувшийся с фронта. Казалось, что полк этот совершенно здоровый и готов идти, куда его пошлют. Все восприяли духом. Полк угощали, ему держали речи, потом его отправили на фронт, но..... казаки разошлись по домам, не обнаружив никакого желания сражаться.

При таких условиях Добровольческой Армии не оставалось ничего другого, как вернуться к решению покинуть Дон. К тому же, в это время совершенно неожиданно большевики заняли Батайск, в семи верстах от Ростова. Плохая разведка и малочисленность добровольческих отрядов создавали все время возможность подобных сюрпризов. Большевики начали обстреливать Ростов, и снаряды попадали в предместье города, а тем временем в самом Ростове было крайне неспокойно. Местная большевицкая чернь начала подымать голову. По ночам бывала постоянная тревога, и весь Штаб становился под оружье. Все это повышало нервность. После неудачного столкновения генерала Маркова с большевиками на мосту между Ростовом и Батайском, был дан приказ к отступлению.

III

Поездка в Москву и в Сергиевское.

—

Приходилось и нам принимать спешное решение. Выехать со всей семьей из Новочеркасска было немыслимо. Куда и как было ехать? Новочеркасск предполагалось отдать без боя. На него надвигались казаки-большевики, поэтому можно было надеяться, что он не будет подвергнут потоку и разграблению. Но нам, мужчинам, близко стоявшим к организации Добровольческой Армии, нельзя было оставаться. Как ни жутко было расставаться с семьей и покидать ее на полную неизвестность, но выбирать не приходилось. Однако в обдумывании всевозможных планов и способов бегства уходило время. Кажется, в ночь на пятницу 9 февраля Добровольческая Армия выступила из Ростова на Аксай. Струве и Александра Николаевна хотели присоединиться к Добровольческой Армии в Аксае и поехали в субботу вечером на вокзал. Но там был полный хаос, и утром они вернулись домой, проведя всю ночь на вокзале и ничего не добившись. Мне казалось, что мы, штатские люди, можем быть только обузой в Добровольческой Армии при ее отступлении. В наших услугах она не могла нуждаться, и в бойцы мы не годились. Надо было просто ехать в Москву. Утром 11 февраля моя сестра В. Н. Лермонтова отправилась на базар и подрядилась с казаками, которые возвращались домой с пустыми санями-дровнями, продав муку, чтобы они нас повезли за Дон к себе на хутор; оттуда мы должны были тем или иным путем пробраться на железную дорогу и ехать в Москву. Муравьев решил переждать, чтобы выехать прямо по желез-

ной дороге в Москву, когда придут большевики и восстановится движение. Ехать решили П. Б. Струве, Н. С. Арсеньев и я с сыном Костей, которого я боялся оставить без себя, тем более, что ему нужно было сдать экзамен в Москве за шестой класс, а в Новочеркасске ему было опасно оставаться: большевики всюду искали «кадет» и всех, кого подозревали в участии в войне, беспощадно истребляли.

Мы выехали, кажется, в 1 час дня из города, сначала уместившись все вчетвером на одних санях. Потом нагнали другие порожние сани, в которых правил двоюродный брат-односельчанин нашего казака, и разместились шире. В шестом часу вечера мы были на станции Богаевской, если не ошибаюсь, в 29-ти верстах от Новочеркасска, по ту сторону Дона. Пока мы сидели в хате, давая лошадям отдохнуть, мы узнали, что большевиков ожидают с минуты на минуту, и, действительно, через час они уже заняли мост через Дон. Опоздай мы на один час, и нас бы не пропустили. Двинувшись в путь дальше, мы ночевали на каком-то постоялом дворе. На следующий день мы приближались к хутору Трехъярусному, где жили наши возницы. На этот хутор нельзя было попасть, не проехав через большую слободу Орловскую, населенную иногородними. Нас остановили на краю слободы, которую мы уже почти проехали, какие то вооруженные люди и потребовали произвести обыск, не найдется ли на нас оружия. Тут мы узнали, что отражения событий уже воздействовали во всей этой местности. Всюду образовались военно-революционные комитеты и были посланы люди завязать отношения с большевиками. На этом решении сошлись как беспокойные элементы, местные большевики, так и люди, которые хотели скорее забежать перед новым порядком и дать новой власти доказательства своей политической благонадежности.

Обыск в Орловке был только предвестником нового настроения, с которым нам скоро пришлось близко познакомиться. Мы остановились в хате нашего возницы, богатого казака. У него были живы старики родители, которые вместе с ним жили. Были они старообрядцы-беспоповцы. В красном углу висели прекрасные старинные образа, которыми я долго любовался. Старик когда-то служил в гвардии. У него висели портреты всей царской семьи, и он и не думал их снимать. Всюду и впоследствии во время нашего путешествия по Дон-

ской области мы наталкивались на глубокую разницу между двумя поколениями: старики казаки — убежденные монархисты, религиозные и твердые люди. Второе поколение — сыновья от 25 до 35 лет — сельские буржуи, сложившиеся в обстановке безвременья, шкурники, оппортунисты. Старики негодовали на разруху, которая творилась, на то, что все это попускалось, на ослабление дисциплины и власти. Сыновья не были расположены ничем рисковать и только старались приглядеться вернее — где сила, чтобы суметь во-время переметнуться на ее сторону. Настоящих большевиков было совсем мало, но большинство, как только почувствовало, что Новочеркасск будет сдан, спешили принять на себя защитный цвет большевизма. Наш возница оказался в неприятном положении. Он сам пригласил нас к себе, брался везти дальше, но все эти уговоры происходили, когда еще не выяснилась новая атмосфера. Теперь, когда он привез нас к себе, он сразу почувствовал тягость нашего пребывания. Как большинство зажиточных казаков, он промышлял спекуляцией на муке. Покупал по дешевой, сравнительно, цене муку на месте (в то время, — рублей 7-8 на месте за пуд) и перепродавал в Новочеркасске за 24 рубля. Конечно, он возбуждал зависть тех односельчан, которые не имели достаточно денег для торгового оборота. — В самый день нашего приезда у его хаты стали собираться люди, громко ругавшие нашего хозяина за то, что он спекулянт и возит буржуев, которые спасаются из города. Вечером ввалился в хату весь хутор с только-что образовавшимся военно-революционным комитетом. Нас подвергли самому мелочному обыску, снимали носки. Я вез 1 000франков золотом. Они были заложены в калошах, надетых на башмаки, в виде бумаги, которая кладется в носок слишком просторных калош. Мне пришлось отгибать калоши, не снимая их, и по счастью золото осталось незамеченным. Его находка могла бы оказаться для нас фатальной. У нас искали оружия и денег. Надеялись их много найти и очень разочаровались, найдя на каждом не более 1 500 рублей. Для казаков это были такие пустяки, что они не тронули ни копейки. Я ехал с фальшивым документом, на имя конторщика, гражданина Терентьева. Документ был написан рукою Струве. Он остановил на себе внимание обыскивающих: почему написано — гражданин, а не сказано, как обычно в паспортах, — мещанин такой-то губернии и города. В спор

вмешался бывший староста. Он сказал: «На что вы смотрите? Еслиб ученым людям нужен был паспорт, так они его как следует бы написали; а это, сейчас видно, наш брат, безграмотный писарь написал. Это, скорее, верный паспорт». Стали меня расспрашивать, чем я занимаюсь. Я стал врать, что хотел промышлять тем, чтобы на Дон возить ситец, а оттуда посылать в Москву муку. С трудом отделался от вопросов, почем теперь ситец в Москве. Крайне подозрительно отнеслись к Арсеньеву. Его почему-то приняли за жида. Тщетно мы уверяли, что он из самой православной семьи, что у него два дяди — священники. Наш возница вступился за него, сказав, что Арсеньев всю дорогу рассказывал ему жития святых и ангелов. — «Это они умеют», заметил председатель комитета. Это был самый злостный из всех допрашивающих. Характерно было, что они прицепились к Арсеньеву, как жиду. В сущности, эта толпа могла одинаково и в еще большей степени проявить активность, еслиб торжествовало самое черносотенное начало. Это были подлинно «взбунтовавшиеся рабы». Самый критический момент наступил, когда, обыскивая бумаги у Арсеньева, председатель напал на одну, лежавшую отдельно, и, сказав: «А! эту, верно, забыли спрятать», передал одному из членов комитета, молчаливо участвовавшему в обыске. Тот развернул ее и стал читать про себя, и — о ужас!, взглянув через его плечо, я увидел, что то был гимн Добровольческой Армии, составленный самим Арсеньевым. Казалось, все пропало. Член комитета долго со вниманием и видимым интересом читал бумагу, потом сложил ее вчетверо и молча вернул Арсеньеву. Когда очередь дошла до П. Б. Струве, председатель прочел по складам его паспорт, в котором значилось, что Струве — профессор Политехнического института; прочитав слово «политехнический», председатель многозначительно перемигнулся с одним из членов и сказал: «Иван, Семеныч, это мы особо разберем».

С нами была целая кипа писем, впрочем — самого невинного содержания. Через несколько времени из соседней комнаты вышел член комитета, которому поручено было просмотреть эти письма. С видом человека, поймавшего нас с поличными, он потребовал, чтобы мы предъявили «наши планты». — «Какие планты?» — «Нам все известно, в одном письме прямо говорится, что у вас есть планты». — Попросили показать письмо. В нем был вопрос о разных предложе-

ниях, как провести лето, и, между прочим, спрашивалось: «какие ваши планы?» Тщетно мы старались объяснить, в чем дело, от нас требовали «плантов». Со мною была карта Донской области. Я полез в пальто, чтобы ее показать, но выручила баба, которую мы подвезли. Она подтвердила, что видела своими глазами, как из этого кармана в дороге выпала бумага, но решила, что бумага — плевое дело, и на это не стоит обращать внимания. Только тогда наши допросчики успокоились.

Перевернув все вверх дном в наших чемоданах, члены комитета ушли. Мы могли лечь спать. Мы было надеялись, что дело кончится, но весь следующий день прошел в полной неизвестности. Нас не за что было арестовывать, но не решались и выпускать. Весь день к хате подходили люди, ругавшие нашего хозяина, по нашему адресу отпускались весьма недвусмысленные угрозы. Настроение, видимо, только еще начинало сгущаться. Наши хозяева не прочь были выбросить нас со всеми пожитками на улицу. Мы просидели этот день в самом скверном томительном ожидании. К вечеру оба наши возницы, посовещавшись, решили, что ни для нас, ни для них дальнейшее наше пребывание не сулит ничего доброго. Они решились вывезти нас ночью обходными путями, минуя мост через реку Сал, ведший в слободу Орловскую. Начиналась уже оттепель, и мы с некоторым риском переправились по льду через реку.

Раньше мы предлогали держать путь на юг на ст. Зимовники, чтобы подняться к Царицыну. Наши возницы убедили нас переменить направление и ехать в направлении к станице Константиновской. Рядом с ней был хутор, где жил отец одного из них. Из Константиновской можно было держать путь на север на железную дорогу Лихая-Царицын.

Мы доехали благополучно до хутора, но едва успели выпить чашку чая у нового нашего знакомца, как его хата заполнилась вооруженными людьми, которые пришли за нами, и повели нас в комитет. Последний помещался в здании училища. Две просторных классных комнаты, между которыми растворены были двери, были переполнены народом. Стоял такой галдеж, что ничего нельзя было расслышать. Нам объяснили, что судят четверых офицеров и что нами займутся потом. Вина офицеров заключалась только в том, что они были офицеры и куда то ехали. Из толпы выделялись яро-

стные крикуны, требовавшие, чтобы офицеры были убиты. Рядом с нами стояла молодая женщина, возбужденно сочувствовавшая этим требованиям. Я с ней заговорил, спросил ее, что ей сделали эти офицеры, в чем их вина. Она мне ответила, что вообще все несчастия от «кадет»; так звали в то время всех, кто боролся с большевиками, — и бойцов, и буржуев. В понятии простонародья под этим словом объединялись настоящие кадеты (ученики) и члены к. д. партии, которая на митингах обычно противопоставлялась социалистам.*) Я начал возражать, и, к удивлению моему, очень скоро она со мною вполне согласилась, и озлобленное волнение ее сменилось участием к невинным людям, которых ни за что, ни про что хотели убить.

Все, что мы видели, складывалось в картину беспросветной темноты. На что только ни способна толпа темного люда под влиянием беспричинного возбуждения, которое потом с трудом может объяснить каждый из участников, охваченных общим настроением.

Толпа шумела, гудела, офицеры пробовали говорить, их прерывали криками. В конце концов, дело так ничем и не кончилось. Самая опасная минута прошла, самосуд не состоялся. Нас увели обратно в хату, приставили караульных, потом днем произвели такой же малоуспешный обыск, как и первый. Здешний комитет также мало знал, как с нами поступить. В конце концов, решили отправить нас под конвоем в военно-революционный комитет в станицу Константиновскую. В бумаге, при коей нас препровождали, значилось, что во время обыска ни оружия, ни чего-либо предосудительного найдено не было, но что, так как мы — буржуи, едущие из Новочеркасска, где укрывались под крылом самоубийцы Каледина, то с нами надо поступать по усмотрению, а по сему нас и препровождают в главный комитет всего округа.

Мы столько натерпелись от предыдущих обысков и задержаний, что сами хотели, чтобы так или иначе поскорее решилось наше дело, хотя ничего не ждали для себя доброго от главного комитета. Хутор отстоял верстах в девяти от станицы, в которую мы прибыли уже в темноту. Константиновская — маленький городок на косогоре над Доном.

---

*) После февральской революции кадетская партия осталась единственной несоциалистической партией в России; все, кто были правее, вынуждены были прекратить деятельность, многие правые поступали в ряды кадет.

Мы оставили свои вещи на хуторе, чтобы не подвергаться новому обыску. По дороге те, кто встречался с нашими санями, окруженными конвойными, не отказывали себе в удовольствии отпускать на наш счет отборные ругательства, очевидно давая тем самым доказательство собственной благонадежности. Часов в восем вечера нас доставили в комитет, помещавшийся в местном клубе.

Нас встретил председатель, в тужурке защитного цвета, без погон, очевидно — бывший офицер или чиновник. Прочитав бумагу, он спросил, в порядке ли наши документы, взглянул на один из них и сказал, что, раз все в порядке и ничего предосудительного на нас не было найдено, то мы свободны. Наши конвойные хотели нас покинуть, исполнив свое поручение; они конечно совсем изменили тон, увидев, как обходится с нами начальство, но тут я потребовал, чтобы они нас дождались и сопровождали нас назад, уже в качестве охраны. Председателя мы просили выдать нам пропуск с печатью, чтобы нас не подвергали новым арестам и обыскам. Он просил подождать, пока придет секретарь Военно-революционного комитета, у которого была печать. Скоро началось заседание Комитета. Мы поместились в той же комнате; после нескольких дней нервнаго томительного мыкания и ожидания всяких гадостей, то, что нам пришлось услышать, казалось чем-то фантастическим и невероятным. — Это был не большевицкий комитет, а собрание, напоминавшее партию мирного обновления.

В заседании обсуждались меры к скорейшему успокоению населения и водворению законности и порядка. Докладывали о том, что у такой то почтенной старушки Марфы Петровны был произведен самочинный обыск, при котором пропало 90 рублей. Члены Комитета выражали при этом свое возмущение, и требовали привлечь к ответственности виновника этого обыска. Постановили его арестовать. — Потом встал один из членов, явно — офицер, и заявил, что Комитет третьего дня поручил ему обыскать всех офицеров в городе и отобрать у них оружие. — «Я все-таки не решился привести в исполнение такую крутую меру и предлагаю Комитету пересмотреть свое решение. Не лучше ли просто отпечатать объявление, в котором будет предложено г. г. офицерам в трехдневный срок предъявить свое оружие? После этого можно будет отбирать оружие у тех, кто его еще не предъя-

вил». Присутствовавшие поспешили согласиться с докладчиком.

Было очень неожиданно слышать такие речи. Ясно было, что и в главной станице произошло то же самое, что в хуторах. Видя неизбежность утверждения большевиков, местные люди решили сами перекреститься в большевиков, образовать местные военно-революционные комитеты и тем предотвратить опасность вторжения извне настоящих большевиков. На первых порах это им, как будто, удалось, но только на первых порах. Когда пришли настоящие большевики, то они, конечно, не удовлетворились такой переменой костюма и не отказались ради «законности» от обычных им приемов грабежа и насилия. Это было для них существом дела, а к форме они относились с нескрываемым презрением. К счастью для нас, все это произошло позднее, а в то время как мы попали в Константиновскую, никто не оспаривал власти военно-революционного комитета.

Становилось поздно. Я подошел к председателю и просил, если можно, ускорить выдачу нам пропуска. Секретаря еще не было. Председатель распорядился послать за ним, а комитету предложил, чтобы он от себя сделал выговор секретарю за небрежное исполнение своих обязанностей.

Мы вернулись на хутор, а на следующий день выехали на север. В дороге наступила полная оттепель. Из Константиновской мы выехали на санях, но через какие-нибудь 15 верст нам пришлось бросить сани и переменить их на подводу. Стояла чудная весенняя погода. Ручьи бороздили поля во всех направлениях. Вся земля струилась, и воздух был насыщен теплым паром, жаворонок высоко и прямо, как свеча, взвивался над полем, заводя свою звонкую, веселую песнь. Мы прибыли без особых приключений на станцию Тацинская железной дороги Лихая-Царицын, и оттуда мы выехали на Царицын. Ехали, конечно, в вагоне 4-го класса весь путь вплоть до Москвы. При первом же перегоне наш поезд ночью столкнулся с другим поездом, шедшим ему навстречу. Как это могло произойти — по вине ли стрелочника или иначе, — не знаю, но особых последствий, кроме задержки в пути, от этого не произошло. Поезда шли так тихо, что столкновение конечно можно было предотвратить, но разруха на железных дорогах была полная. Паровозы ударились один о другой очень слабо, вероятно в последнюю ми-

нуту, машинисты дали задний ход, и, сделав «бушки-баранки», поезда отошли один от другого.

Из Царицына мы поехали на Грязи. Вокзал был переполнен, поезда были редки. Поэтому мы, по совету некоторых пассажиров, поехали на Елец, откуда легче было попасть в Москву. Нам говорили, что в Москву требуется особый пропуск; на самом деле его никто не спрашивал, и билет нам выдали без труда.

В вагонах 4-го класса было грязно и душно, было обилие насекомых. Зато было необыкновенно интересно. Круглые сутки шел несмолкаемый разговор. События заставляли все мозги работать, пробудили жажду делиться своими впечатлениями и формулировать выводы. Хотя по облику мы, конечно, отличались от простого народа, заполнявшего вагон, но наше присутствие не стесняло никого в выражении мнений. В этом сказывались последствия пережитого. «Барин» перестал существовать для мужика, как человек, которого нужно опасаться и которому нельзя доверять. Поэтому, как к нам относились в вагоне, мы могли судить о разнице настроения на юге и на севере. До Царицына мы ехали в атмосфере большевицкого подъема. Произносились соответствующие речи. К себе мы чувствовали скорее враждебное отношение. От Царицына чувствовалась уже смена настроения, и, чем дальше мы продвигались на север, тем резче и определеннее все едущие были настроены явно против большевиков. К нам, людям образованным, другого круга, относились с вниманием, уступали место; все смолкали, когда мы начинали говорить. Какие только темы не затрагивались! Из почти недельного путешествия в вагоне я вынес впечатлений больше, чем иной раз за несколько месяцев. Теперь, конечно, многое не так уже ярко осталось в памяти, но некоторые встречи и разговоры так меня поразили, что я их не забыл.

С нами из Царицына сел молодой, бойкий малый, рабочий. Он, видимо, пережил уже эпоху безраздельного увлечения большевизмом, видел его отрицательные стороны, но ему не хотелось расстаться с мечтой, что народ может сам устроить свою жизнь по-новому и хорошему. Грехи большевизма он объяснял новизною дела и верил, что все может исправиться. Большинство было скептически настроено, сознавало, что из попыток самим устроиться ничего не вышло. Были люди, потерявшие веру в то, что вообще что-нибудь

образуется, потому что и от прошлого у них накипело столько горечи, что они не могли желать его возвращения. Рядом со мной сидел уже пожилой мужик с большой окладистой бородой, небогато одетый, но его соседи относились к нему с уважением и звали его «Василий Павлыч». Молодой рабочий с увлечением говорил о свободе, о равенстве, о том, что в конце концов, воцарится справедливость. Василий Павлыч слушал эти речи; когда рабочий замолк, он сказал: «И все то ты твердишь с чужих слов, а сам ничему не образован. Говоришь о свободе, а читал ты, что сказано в Писании: «истина сделает вас свободными». А какая у большевиков может быть свобода, когда все у них построено на лжи, а не на истине! — Вот то же и на счет равенства. Ну, скажем, нас с тобой сравняют; и у тебя все возьмут, и у меня. Но ты — дурак, а я — умный человек. Какое же между нами может быть равенство? Завтра же на мне штаны будут, а на тебе — ничего. Вот тебе и равенство». Молодой смешался и не нашелся, что ответить. Мы разговорились с Василием Павловичем. Не веря ни в какие утопии, он отлично понимал, отчего масса так кинулась им навстречу. Слишком много горечи накопилось от прошлого. Он рассказал при этом свою собсвенную жизнь. «Самое замечательное событие в моей жизни случилось, когда мне было девять лет», так начал он. «Я шел по дороге и вдруг вижу, — что-то лежит. Нагнулся и поднял. Это была книжка в бандероли, крест на крест. Тогда то я этого конечно не знал, но я одно понял: что тут знаками обозначено то, что можно прочесть, если научиться грамоте. Это меня всего перевернуло. Я взял бандероль и спрятал, как самую драгоценную для меня вещь, и дал себе зарок, что я выучусь читать и тогда прежде всего прочту, что в этой бандероли сказано. Бог мне помог. Я просил своего дядю, грамотного, учить меня читать. Старался я, что было сил. Выучился читать и первым делом достал бандероль. Что было в ней напечатано, я конечно не мог понять, как следует, но уже одно то, что я мог прочесть, доставило мне такую радость, какой раньше никогда не чувствовал. Мне было ясно, что для того чтобы понять, что пишут, надо еще учиться. И во мне загорелась жажда найти свет. Каких трудов мне стоило уговорить своих родителей отдать меня в школу, — этого не перескажешь. Всетаки удалось их уговорить. Я только и жил тем, чтобы поскорее и получше всему

обучиться. Вначале был хороший учитель. Он видел, как я стараюсь и какие успехи делаю, и хотел после школы вести меня дальше — в уездное училище. На грех его сменили. Его место заступила учительница. Эта относилась ко мне совсем иначе. Когда я по вечерам в школе хотел читать, она не давала, говорила: «Зачем попусту керосин тратить?» Отец говорил, что грамоте не надо учиться, что от нее только пьянство идет. Словом, когда я школу кончил, мне не позволил поступать в уездное училище, а послал скотину сторожить, потом — в поле работать. Годы шли, для ученья срок был пропущен. Жизнь проходила в работе; потом я сам женился, стал хозяином. Но все деньги, какие мог, я тратил на книги и читал все, что попадалось под руку. Я много прочел, но чем становился старше, тем больше приходил к одному — что всем книгам книга — Священное Писание, что в нем вся правда и что, чем больше ее читать, тем больше познаешь истину. Детей нам Бог не дал, и мы усыновили сироту мальчика. О нем я думал так: если Господь не сподобил меня просветиться так, как горело к этому сердце, то по крайней мере из этого мальчика я человека сделаю, пусть он получит все образование. Был я крестьянином Тамбовской губернии Темниковского уезда, а нас партия крестьян переселилась на Кавказ; думали там найти хорошую свободную землю. Тоже много мытарств приняли мы на себя с этим! Провел я мальчика на свои гроши в школу, потом отдал в Училище. Кончил он Училище, я хотел дальше его вести, а у самого денег уже не было. И вот я подал прошение Попечителю Кавказского учебного округа и в этом прошении рассказал все, чем горела моя душа всю жизнь, и как я хочу своему сыну нареченному дать тот свет, которого сам искал. И что же, вы думаете, он мне ответил?» Василий Павлович с волнением и горечью махнул рукой. «На прошении написал резолюцию, что вы-мол добиваетесь правов и привилегий, а потому отказать». Видимо, воспоминание о том, как он искал поддержки у человека, от которого верил, что найдет ее, потому что от кого же еще ее было ждать, и как он горько разочаровался в этом, — было самым тяжелым в жизни этого идеалиста. Он помолчал, а потом продолжал. «Что мог, я дал ему, и все-таки он вышел в люди, теперь стал Помощьником Начальника станции. Потерял я свою жену, Бог ее взял к Себе. Не хотелось мне жениться вновь,

брать другую на место покойницы, и у себя было оставаться одиноко. Сын мой женился, хорошая у него жена, и пригласили они меня у себя пожить. Я теперь у них гостил, а теперь уехал. Что же я буду заедать чужую жизнь. Они — молодые, я — старик. Они — не так образованы, как я, другого круга. Пожил я у них, звали они меня совсем остаться, но я уехал. А теперь еду назад в свое село в Тамбовскую губернию, откуда уже много лет назад выехал. Что там увижу, застану ли кого в живых из тех, кого знал, — не знаю. — Так-то», заключил Василий Павлыч. «Каждому Господь определяет, что на его долю. И ропщем иногда, а того люди не понимают, что Господь испытывает каждого, и все мы грешны и друг за друга виноваты. Еслиб поняли это люди, не там бы искали правды, где ее ищут и не находят, не стали бы в насилии и злобе на чужой неправде строить свою неправду». И, кончив свою повесть, Василий Павлыч перешел в другое отделение к землякам, которые звали его спать и обещали койку.

Думаю, что никогда я не забуду этой случайной встречи с простым, смиренным и мудрым Василием Павловичем. Сколько грехов темноты бедного невежественного люда простится ради таких праведников. Пусть их немного, но жив тот народ, в котором есть такие подлинные крепкие духом самородки.

Разговор не умолкал в вагоне. Кроме наболевшего вопроса о большевиках, большею частью затрагивались религиозные темы. Видно было, какую глубокую встряску переживает народ, сколько зародилось новых, мучительных запросов, сомнений, которые требовали разрешения. Крайние левые очевидно также учитывали пробуждение религиозных исканий и старались по-своему использовать это настроение. В одном углу слышался приподнятый фальшивый пафос какого-то полуинтеллигентного пропагандиста: «Я — анархист. Хотя я — неверующий, но я уважаю Христа, а что Он сказал: если на дереве сухая ветвь, не приносящая плода, отсеките ее и бросьте в огонь. Слышите, что говорит Христос. А разве мы не так поступаем с буржуазией? Ведь она и есть сухая и бесплодная ветвь, а только из других берет соки. Значит, ее надо беспощадно уничтожать, бросать в огонь». Аргумент представляется неотразимым — или по своей убедительности, или по опасности возражать. Слышен был подобострастный, одобрительный смешок аудитории.

Уже ночь. На своей койке на третьем этаже я слышу молодой мужской голос, который говорит с убеждением: «А все-таки, хоть я в церковь хожу, а скажу, что попы много врут. Вот, например, на счет святых. Ведь в Киеве искрошили их большевики, а они за себя не заступились. Значит, какие же это святые? Николая угодника — это я понимаю, а других — это придумали попы на свою пользу». — «дурак», отзывается откуда то ворчливый голос старухи. «А Христа то ведь распяли; что же, по твоему, выходит; значит, Он — не Бог?» — «Это Ваше слово, бабушка, у места», спешит согласиться мужской голос, видимо обрадованный сам, что ему так просто разрешили недоумение. «Спи уж, чего там ночью брехать», и в вагоне на короткое время водворяется молчание, но, когда ни проснешься, слышишь то страстный шопот, то увлекающиеся громкие голоса. Не может заснуть Русь и найти себе покоя.

Подъезжая к Москве, возбуждение против большевиков растет. Входят все новые люди. Напротив меня усаживается сельский лавочник, с ним рядом — другой представитель деревенских верхов, видно, — оба, побывавшие в городе, видали не одни деревенские виды. Говорят, что так дальше нельзя. «Либо — Николай, либо — Вильгельм, но хозяин нужен. Скоро простой народ поймет, что без образованных людей ему не прожить». — «Да и то сказать», обращается ко мне лавочник, «пусть народ себя скотиной оказал, да ведь и вы, образованные люди, тоже виноваты. Ведь чему учили народ студенты: Бога нет, икон не нужно. Мужик думал, — кому же верить, если не студенту, — ему и книги в руки. Теперь, как плохо стало, так студент опять икону повесил, а мужик уже отвык, веру потерял. Теперь нелегко ее снова вернуть».

Почти все едущие с юга — мешочники, которые всякими правдами и неправдами привозят домой муку. Их рассказы полны подробностей о том, как всюду, где могут, красноармейцы отбирают хлеб у народа, творят насилия, разбой, как ежедневно льется кровь из-за куска хлеба и борьбы за существование. Местами происходят форменные сражения. Есть отряды матросов, вооруженных пулеметами, которые за крупное вознаграждение отстаивают поезд с мешочками против красноармейцев. Если им мало заплатить, то они, наобо-

рот, предают мужиков. В Москве я потом слышал, как незадолго до того пришел целый вагон с трупами мешочников.

Но вот и Москва. Мы боязливо выходим на вокзал, опасаясь проверки документов или пропусков. Ничуть не бывало. Мы свободно выходим с своими пожитками и каждый едет к своим. Мы с Костей — к сестре моей О. Н., в Большой Знаменский переулок, неподалеку от Храма Спасителя. 11 дней в дороге, но кажется, что мы давно уже выехали из Новочеркасска. Какая встреча с сестрой Ольгой! Она, конечно, нас не ждала, ничего о нас не знала и волновалась. Какое счастье снова быть в Москве, услышать звон колоколов, увидать золотые купола; но скребет на душе мысль о своих, оставленных в Новочеркасске.

Мы тотчас отправились в баню. Наши пожитки и платье все вычистили, и все-таки на следующий день сестра Ольга нашла на себе весьма непривлекательное насекомое.

Сестра Ольга занимала небольшую квартирку. Поэтому никто на нее не польстился и ее не тревожили. У нее было положение художницы, которое давало ей некоторое право быть терпимой в большевицком строе. Это же фактически помогало ей жить: она выгодно продавала свои картины interieur'ы старинных домов. Чем больше разрушали старину и быт, тем больше ценились хотя бы его изображения.

Большинство родных и знакомых должны были сильно сжаться в своих помещениях. Обыкновенно, с парадного хода было какое-нибудь учреждение или жил большевицкий чин, а с черного хода, рядом с кухней, ютился хозяин. Дом Бутеневых на Поварской, в котором еще до большевиков поселились Авиновы, уцелел благодаря тому, что в нем поместили чистое учреждение Кооператопа, которым заведывал сам Авинов. Мой beau-frère Гагарин только что был выпущен из тюрьмы, где просидел два месяца. Мы были счастливы найти живыми и здоровыми старушек Ильиных — тетушек моей жены, но на них сильно отразилось недоедание.

Я нашел комнату напротив квартиры моей сестры, в квартире кн. Д. Д. Урусова. Мы недолго остались в Москве. Делать там было нечего. Вместе с тем, хотелось отдохнуть. Приехали мы 22-го февраля, а 8-го марта уехали к Осоргиным, в их имение Сергиевское, Калужской губернии. После донской весны мы попали в настоящую зиму, еще не предвещавшую весны. Стоял мороз и было много снега.

Мы прожили с Костей у Осоргиных ровно два месяца и наслаждались полным покоем, порой — иллюзией, что ничего не переменилось. Правда, земля и хозяйство были отобраны по распоряжению из центра. Свои крестьяне (восьми окружных деревень) протестовали против этого, но, конечно, их протеста никто не принял к сведению. Мужики и бабы по-прежнему ежедневно приходили на барский двор, кто — лечиться у барышень, кто — за советом, а кто — просто проведать господ. Отношения были самые патриархальные, которые могли образоваться только долгими годами совместной дружной жизни. Господам несли все, что могли. Хотя вся окрестность жила только мешечниками, — своим хлебом калужане никогда не могли прокормиться, — однако Осоргиным несли муку, сахар, керосин, холст и ни за что не соглашались брать за это деньги. «Прежде вы нас кормили, теперь мы вас должны кормить», говорили крестьяне. Конечно только особой Божьей милости можно было приписать, что так долго мог сохраниться прежний уклад жизни. В значительной степени этому содействовало взаимное сближение на почве церкви. Вся осоргинская молодежь с малолетства пела на клиросе, отец был церковным старостой. Службы отправлялись с особым благолепием. Крестьяне очень любили это и знали, кому были этим обязаны. Особенно торжественно отправлялось богослужение Великим Постом и на Святой. По субботам батюшка с дьяконом и своим сыном-псаломщиком приходили к Осоргиным и на дому служили всенощную. Это был настоящий праздник для всех. Видно было, как это любили и те, кто приходили, и все домашние. Старичок батюшка крестил всех детей, они выросли на его глазах; молодой дьякон с прекрасным голосом, присланный в Сергиевское в знак особого внимания к Осоргиным, был любитель церковной службы и пения. Все они были искренно преданы этой семье. Какой-то особой поэзией дышали эти всенощные в весенние вечера, когда наступали сумерки и еще не зажигалась единственная в доме большая лампа, потому что надо было беречь керосин. Собирались все домочадцы. Вся семья пела, кто-нибудь из них же читал шестопсалмие. Казалось, что благословение Божие почиет на этой патриархальной семье, уцелевшей чудесным обломком среди общей разрухи. Осоргины так сжились с своим Сергиевским, что их трудно было себе представить вне род-

ной для них обстановки, с которой они сплелись глубокими корнями.

Но я хочу для будущего закрепить в памяти милые образы тех, кто жили в это время в Сергиевском. — Глава семьи — муж моей сестры, Михаил Михайлович, был еще не стар, ему было 58 лет, но со смерти своего отца он чувствовал себя патриархом. Он отпустил себе непомерно длинную бороду. Я дразнил его, что эта борода для него — эмблема. До 1905 года он служил, был губернатором. По характеру и убеждениям консерватор, он был, прежде всего, верующий и честный человек; с христианской точки зрения не признавал смертной казни ни в каком случае и после Манифеста 17 октября сказал, что то, что обещано, должно исполниться. Поэтому он вышел в отставку, как только Дурново, ставший Министром Внутренних Дел, стал циркулярами отменять обещания Манифеста. С тех пор он поселился в деревне, где жил безвыездно. Неоднократно он делал попытки вернуться на службу, тосковал по привычному делу, но, может быть, на его же счастье, ему так и не удалось найти себе подходящего поста. За эти годы, проведенные в деревне, тихо и незаметно, он сделал конечно настоящего дела гораздо больше, чем мог бы совершить за то же время на какой-нибудь чиновничьей должности. Вся округа видела в нем и признавала безукоризненно чистого и хорошего человека. Он олицетворил тип идеального русского помещика-барина с русской православной душой. К нему шли из далеких деревень крестьяне за советом по самым сложным вопросам своего быта, и его решения принимали к исполнению. Своих близких крестьян он знал почти каждого, знал всю подноготную семейной жизни, следил за воспитанием и судьбою поколений, выросших на его глазах. Когда большевики отменили-было Закон Божий в школах, ученики старшего класса Сергиевского училища обратились к нему с просьбою давать им уроки Закона Божия. Конечно, это не могло его не порадовать. Он обязал их, однако, брать по-прежнему уроки у батюшки, чтобы его не обидеть, а сам вел с ними беседы два раза в неделю, и надо было видеть, с какими милыми внимательными лицами все эти мальчики окружали и слушали его. — Неудивительно, что среди крестьян были люди, готовые пойти в огонь и в воду за Михаила Михайловича.

«Старик Мишан»,*) как я его звал, был необыкновенно доверчив, и не раз я пользовался его слабостью, когда был моложе, врал ему про себя всякие небылицы, а он все принимал к сердцу, журил меня и изводился. Я был моложе его на 13 лет. Его легко было заставить спорить, он говорил парадоксы, и я любил, когда он горячился.

Его жена, моя сестра, Елизавета Николаевна, была на восем лет меня старше и в моем детстве научила меня грамоте. Она, как и моя мать, всю душу свою отдала детям. И отец и мать главное старание свое положили на то, чтобы воспитать своих детей в духе Церкви, и это им удалось вполне. Все вышли верующими не на показ, а глубоко, все с раннего детства пропитались красотой и благолепием богослужения в храме, где начали петь, как только позволил то самый ранний возраст. Моя сестра была очень музыкальна, она восприняла в себя ту атмосферу музыки, в которой прошло ее детство в доме родителей, и в свою очередь передала это детям. Это восполнило недостатки культуры, которые были неизбежны при безвыездной жизни в деревне.

Два птенца в это время уже вылетели из родительского гнезда и каждый вил себе свое гнездышко; это была старшая дочь, Соня Лопухина, уехавшая с мужем в Тимень от большевиков, хотя потом и туда проникли большевики и муж ее ни за что, ни про что отсидел два-три месяца в тюрьме. Второй сын Сережа, как я уже писал, женился на своей двоюродной сестре Соне Гагариной, и они жили под Новочеркасском, увлеченные своим счастьем, которое никем и ничем не могло быть смущено.

Оставался старший сын Миша. Он был страстный хозяин, потом с увлечением начал служить в калужском земстве. Война заставила его все бросить, он занимал разные нестроевые должности; революция вновь возвратила его в деревню. Вернувшись в родной дом, в свое Сергиевское, он не мог примириться с тем, что застал, с засилием поднявшейся повсюду волны «демократизации». Сергиевское было для него поругано, особенно со времени большевицких порядков, когда во флигеле их громадного дома поместился местный Комитет и все хозяйство было отобрано. Он чувствовал себя совершенно несчастным человеком, никуда не выходил из

---

*) В эмиграции Отец Михаил. М. Г. Т.

своей комнаты, не желая ни с кем встречаться. Это была простая, честная, женственно нежная натура, жившая жизнью сердца и чувства. На него жалко было смотреть, и сам он был счастлив, в конце концов, уехать в Москву, где нашел себе дело и заработок.

Совсем иначе воспринимал перемену обстановки его младший брат Георгий,*) совсем юный и казавшийся еще неоперившимся. Мише должно было минуть летом 31 год, а Георгию — 25 лет. Он успел кончить университет, на войне был в Конногренадерском полку, зарекомендовал себя храбростью и находчивостью. Маленького роста, почти безусый, он казался мальчиком, и к нему сохранилось отношение в семье, как к младшему. В противуположность Мише, Георгий старался как можно легче и веселее относиться к перемене обстановки и делал все возможное, чтобы облегчить своей семье переживаемые невзгоды. Бедный, любящий Миша и хотел и не был в состоянии совладать с собою, чтобы сделать то же. Георгию это давалось просто и легко. Весной он потребовал себе выделения трудовой нормы. Свои крестьяне и комитетчики, которые совестились господ и любили Георгия, были рады отрезать ему 15 десятин лучшей земли, по его собственному выбору, оставили ему три лошади, две коровы, инвентарь, семена, словом, — все, что фактически он в состоянии был использовать своим трудом.

Георгий проводил весь день в поле — от зари до зари. Ему помогали бывшие служащие и его сестры. Умилительно было видеть, как просто и радостно отдались они непривычной работе и в ней умели находить неизведанное раньше удовлетворение. Георгия хватало при этом и на регенство в семейном церковном хоре, и на поездки по вечерам на тягу. Он был и простым рабочим и кучером своей семьи. Славный, тихий мальчик.

С ним работали его три сестры. Старшая после Сони — Льяна. Ей было 26 лет. Это было прелестное существо; про нее нельзя было сказать, чтобы она была красива, но в ней была та тихая прелесть, которую испытываешь порою в неприхотливой, но обвеянной чем то милым и дорогим сердцу русской природе. Часто, глядя на нее, я думал, что она исполняет идеал женщины, начертанный Апостолом Петром: «Да

---

*) Его расстрел «в Соловках» — описан в Гулаге том I. М. Г. Т.

будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом» (1 Петра, III, 3 и 4). Льяна могла быть и весела и оживлена. В ней порою зажигался огонек, но никогда я не видел ни раньше, ни теперь, чтобы она когда-нибудь тяготилась тем, что молодость ее проходит в деревне, что годы ее безвозвратно уходят. Наоборот, ее никогда нельзя было лишний день удержать в Москве, когда она приезжала из Сергиевского, и никакой концерт, никакое развлечение не могло соблазнить ее, как только она начинала думать, что ее ждут в Сергиевском родители и могут хоть день беспокоиться из-за ее опоздания. Как то раз она мне сказала, что мечтает кончить жизнь в монастыре, и я не удивлюсь, если так и случится.

Следующая за Льяной, Мария, была похожа на нее только кротким нравом. Высокого роста, стройная, с яркими цветами румянца и чудных золотых волос, она совсем не сознавала себя красивой. В ней были силы, которым еще негде было развернуться и сознать себя, было несомненное дарование к живописи, но нехватало простора и художественного образования. Она была прелестна своей свежестью и голубиной чистотой.

Младшей Тоне минуло 17 лет. Маленькое личико, не красивое, но миловидное, и огромные глаза. Она была умненькая, живая, в ней все начинало бродить — и мысли, и чувства, и желания, но все ее считали еще маленькой.

Вся эта семья жила удивительно дружно, была спаяна крепкой любовью. Они так привыкли жить жизнью сердца и чувства, что, конечно, это выражалось иногда в повышенной чувствительности, над которой мы, приезжие, подтрунивали. Однако все, кто к ним приезжали, чувствовали себя в Сергиевском, как в душевной санатории.

Свое Сергиевское Осоргины любили так, как можно любить только близкое, родное существо, и особенно чутко ценили прелести природы и местоположения, которые действительно были прекрасны. Они были способны, когда время позволяло, проводить целые часы на обрыве, за парком, откуда на далеком просторе виднелась Ока, которая вся змеилась на поворотах, синея и уходя вдаль.

«Старик Мишан» не любил «преломления» природы и обыкновенно торопил всех домой. Он признавал прогулки только в поле с хозяйственными целями и стыдился гулять без дела, как это делали мы, горожане, привыкшие относиться к деревне, как к дачному препровождению времени. Вечером, весной, наслушавшись соловьев, мы возвращались домой, в столовую, где шипел самовар. После чая вся семья играла в дурачки с жигулями. Родители горячились не меньше детей во время игры. Расходились рано, по-деревенскому, чтобы рано встать.

Иногда приезжали соседи Мамоновы. Они жили в нескольких верстах от Сергиевского, над самой Окой, в месте, еще более красивом, чем Сергиевское. Семья состояла из старушки Ольги Александровны, которая, несмотря на свои 85 лет, сохранила необыкновенную ясность и живость ума. Она была удивительно образована, перечитала массу книг на всех языках и всем живо интересовалась — и наукой, и искусством, и политикой. Ея дети — Софья Эммануиловна и Александр Эммануилович — были уже немолоды, каждому было за 50 лет. Они унаследовали от матери живость и культурность, но все-таки были, как говорится, «тех же щей, да пожиже влей». Оба были не без смешных для их возраста ужимок детской наивности и восхищались друг другом, за недостатком посторонних ценителей их детскости.

В эту весну мало выпадало влаги, и все с нетерпением ждали дождя. И вот, в один из приездов в Сергиевское Софьи Эммануиловны, небо покрылось тучами. Она заторопилась домой, но надежда оказалась призрачной, небо снова сделалось чистым. Софья Эммануиловна топнула ножкой на Господа Бога и, запустив глазок к небу, как капризный ребенок, воскликнула: «Отчего Ты такой недобрый? Зачем не даешь дождя?» — и тотчас обернулась, чтобы посмотреть, какое впечатление производит ее милая резвость. Но, увы, брата тут не было и никто не восторгнулся пятидесятилетним ребенком!

Семья Мамоновых была воспитана вне Церкви, и это было вечным предметом разговоров в Сергиевском и иногда и увещаний семьи Мамоновых, которые души не чаяли в Осоргиных, любили их, как близких родных, и признавали во многом авторитет родителей Осоргиных.

Жизнь шла обычным размеренным чередом в огромном доме, который построен был еще во время Пугачева генералом Каром. Последний так боялся разбойника, что построил дом, с виду похожий на крепость, и прорыл от него подземный ход до самой Оки.

Как во всех очень старых домах, в Сергиевском водились привидения, слышались порою странные стуки. Когда живы были старики Осоргины, родители Мишана, то в доме каждый месяц служили молебен и комнаты кропили святой водой, чтобы выгнать нечисть.

Каждое время года было связано с обычаями, которые свято соблюдались не только хозяевами, но и служащими и прислугой. Пока еще хозяйством владели господа, каждую весну, перед выгоном скота в поле, вся семья шла на скотный двор с вербами и выгоняли скотину. Перед началом пахоты закапывали просвиры и бутылочки со святой водой в землю. Все делалось с молитвой.

Когда комитеты отняли повсеместно хозяйство и та же участь постигла Сергиевское, несмотря на протест своих крестьян, — отец и старший сын лишились главного рычага, осмысливавшего их пребывание в деревне. Я уже говорил о том, как это было тяжело сыну. Нелегко это было и отцу. Он привык вечно о чем-нибудь хлопотать. Попрежнему издалека по дому доносилась его торопливая походка, причем всегда можно было определить, по какой комнате он шел, потому что в каждой комнате, на каждом полу был свой звук, знакомый привычному уху. Но эта ходьба происходила оттого, что не сиделось на месте, а ходить было не для чего. Впрочем, увлеченный общей трудовой повинностью, Мишан брал порою метлу и начинал подметать длинную аллею в саду. Тогда дети устремлялись к метле, вырывали ее у него из рук; они не хотели никак допустить, чтобы отец работал. Я, как всегда, его поддразнивал, и моя сестра помогала мне в этом, а Мишан накидывался на нас и говорил, что «все вы, Трубецкие, — патриции».

Сестра моя от вечных волнений и страхов за детей, особенно во время войны, была очень слаба. В начале весны ее обычно катали в кресле в саду ее дочери, но потом она настолько окрепла, что сама свободно доходила до обрыва. Хотя она была еще не стара, но у нее были совершенно белые волосы, которые, как ореол, окружали ее голову. Все

дети наперерыв заботились о том, как ей избежать лишнего утомления и заботы. Но забота в материнском сердце всегда находилась; в это время ее больше всего беспокоило удрученное состояние сына Миши, который не находил себе ни применения, ни покоя.

Ежедневно перед ужином мы садились за карточный стол и играли в бридж, причем и отец и сын горячились страшно и играли с большим азартом. В это время Мария сидела в углу и рисовала чей-нибудь портрет. Иногда моя сестра с Льяной играли в четыре руки Бетховена, Шумана или русских композиторов. Вся семья увлекалась Римским-Корсаковым.

Вести внешнего мира проникали лишь через газеты или, иногда, через приезжих из Калуги. Жили со дня на день надеждою, что еще через две-три недели или через месяц большевики будут изгнаны. Мишан не упускал случая, чтобы укорять народ за то, что они изменили царю и оттуда пошла вся разруха. Крестьянс любили, когда Михаил Михайлович их журил, и охотно приходили к нему выкладывать все свои заботы. После воскресной обедни обычно собиралось Братство св. Иулиании (Осоргиной). Все члены семьи были братчиками и вместе с крестьянами обсуждали, кому и в каких размерах надо помочь. Так тихо, неторопливо шла жизнь.

Неужели я больше не увижу Сергиевского? — Я не могу с этим помириться. Не могут, не должны исчезнуть такие уголки русской жизни, обвеянные старозаветным, родным и крепким духом. Для скольких простых людей Сергиевское было светлым маяком, где они находили и нравственную и матерьяльную поддержку. А сколько их друзей и знакомых, потерпев от жизненной бури, находили покой под гостеприимным кровом этой мирной обители. Утрата таких очагов, хотя бы они были малочисленны, а может быть, именно потому что их немного, была бы невознаградимой потерей для России, и только одно утешает, что не могут бесследно погибнуть добрые семена, которые долгие годы сеялись на благодатной почве, — «память их из рода в род».

Раз уже пришлось к слову, расскажу о том, как пришлось Осоргиным расстаться с Сергиевским. Большевики давно прислали из Калуги циркуляр о выселении всех помещиков из их усадеб. Крестьяне не решались даже сообщить об этом Осоргиным. Они продолжали мирно жить у себя. Большеви-

ки прислали летом отряд, чтобы взыскать с них контрибуцию. Так как Осоргин сказал, что он ни копейки не заплатит, то его арестовали и повели в волость. Тут крестьяне заволновались, потребовали, чтобы его освободили и, сторговавшись с коммиссарами, которые требовали 20.000 рублей, внесли 1.000 рублей и торжественно вернули Осоргина в усадьбу. Но долго это благополучие не длилось. Калужские большевики осенью категорически потребовали, выселения и дали три дня на размышление. Эти три дня Осоргины провели в посте и говении. Храм был полон молящихся. Когда они выехали на станцию, народ провожал их на всем пути. Крестьяне наняли им вагон, выгнали оттуда всех посторонних, поставили своих сторожей до самой Москвы. — Осоргины переехали в подмосковное имение Самариных Измалково, где еще можно было жить осенью 1918 года. Но вернусь к своему рассказу.

В середине марта в Сергиевское совершенно неожиданно приехала моя жена. Ей пришлось спешно бежать из Новочеркасска. От нее мы получили первые вести о том, что там происходило после нашего отъезда.

В город первым вошел Голубов, — тот самый, которого отпустил из под ареста Богаевский на слово. Он ворвался в Круг, который продолжал заседать вместе с атаманом, арестовал генерала Назарова и председателя Круга Волошина. Оба были убиты. Назаров мужественно, как солдат, встретил смерть. Волошин упал, сраженный пулей. Его бросили, думая, что он умер. Истекая кровью, он дополз до какого-то домика, где просил встретившуюся ему женщину укрыть его. Вместо того, она его предала.

Вместе с Голубовым появились другие заправилы, которые на первых порах организовали террор. Уходя с Дона, Добровольческая Армия не могла захватить с собой раненых. Их пришлось оставить, обеспечив их лишь деньгами. Конечно, легко раненные, вообще — все, кто мог хоть с грехом пополам встать с постели и уйти, ушли. Остались главным образом тяжело раненные и немногие застрявшие по каким-нибудь случайным причинам. Большевики врывались в госпитали, выволакивали раненых офицеров и юнкеров и расстреливали их. Так погибли десятки людей. Моя сестра В. Н. Лермонтова и моя жена делали все, что могли, чтобы спасти несчастных, покупали для них штатское платье, укрывали их,

где могли. У нас на квартире перебывало несколько человек офицеров. В разгар расстрелов моя сестра отправилась в Атаманский дворец и настоятельно потребовала разговора с кем-нибудь из руководителей. Ей отказывали, но она стояла на своем, и ее принял один из коммиссаров, товарищ Ермашов. При других он обошелся с ней грубо, но потом отвел ее к окну и там сказал скороговоркой: «Я такой же большевик, как Вы, и вошел в дело только для того, чтобы помочь, кому нужно. В чем дело?» — Моя сестра спешно сказала про расстрелы и просила дать ей 70 пропусков и документов для лиц, список которых она ему доставит. Ермашов тотчас согласился. Мне рассказывала потом сестра, какое счастье она испытала, когда вдруг, так неожиданно, перед нею открылась возможность стольких спасти. Это было словно Светлый Праздник. Конечно, сестра использовала широко поддержку Ермашова, который помог ей во многом. Сам этот Ермашов оказался бывшим мелким служащим Московской городской управы, из которой был в свое время удален по подозрению в том, что нечист на руку. Он записался в левые эсэры и таким образом прошел в состав высшего управления у большевиков. В Новочеркасске он имел наряду с другими главными большевиками особые личные полномочия, но ему приходилось действовать с большой осторожностью, чтобы не навлечь на себя подозрения. Ввиду этого, он решил там не задерживаться и пробыл всего три-четыре дня после свидания с моей сестрой. Конечно, он не мог предотвратить эксцессов, грубых и бессмысленных. Так был убит ни за то, ни про что граф Василий Петрович Орлов-Денисов. Его сначала арестовали, потом выпустили. Когда он уже был выпущен на свободу, его схватили, увели в соседнюю рощу и расстреляли. Кто это сделал и для чего, так и осталось совершенно невыясненным. Это был человек, привлекательный своим благородством и честностью, он не занимался никакой политикой и не мог никому быть опасен.

После отъезда Ермашова сестра и моя жена продолжали свою деятельность. И вот, в один прекрасный день, очевидно по какому-то доносу, большевики принялись энергично разыскивать мою жену, чтобы ее арестовать. По счастью, они так не умели ни за что приняться, что не сообразили самого простого — навести справки, где ее квартира. Вместо того, они нагрянули на квартиру моей сестры Лермонтовой,

произвели у нее обыск и требовали указать, где моя жена. На вопрос сестры, в чем провинилась моя жена, главный большевик торжественно ответил: «Вы отлично знаете. Этот человек сыграл роль Вендена во время франко-прусской войны». — Так мы до сих пор, по нашему невежеству, не знаем, кто такой был Венден и в чем ему уподобилась моя жена.

Пока шел обыск, сестра послала спешно предупредить мою жену об угрожавшей опасности, и она переехала к соседям. Большевики проискали весь следующий день, послали людей на вокзал проверить паспорта у отъезжающих женщин, но моя жена, переодевшись в пальто горничной и с фальшивым паспортом, благополучно проехала на север, прямо к Осоргиным, куда она знала, что я собираюсь.

Мы прожили в Сергиевском до 9 мая. Захватив зиму, провели таким образом всю весну, любовались разливом Оки, первым пробуждением природы и с большим сожалением уехали, когда все деревья уже распустились. Весна была поздняя и немного холодная, но вечера стояли дивные. Мы часто ездили на тягу и ежедневно ходили к обрыву.

Иногда приходилось ездить в Калугу, которая мне была дорога по воспоминаниям детства. Я обошел все родные места, был в Загородном саду, где мы прожили столько счастливых лет в старом губернаторском доме. Он был неказист, но его незадолго до того отремонтировали для помещения лазарета. Каждая комнатка, и уголок возбуждали во мне настоящее волнение, говорили, как живые, моему воспоминанию. Вот — стеклянный круглый тамбур у подъезда. Из передней — вход в залу-столовую. Оттуда налево — дверь на балкон, а направо — в гостиную, она же — кабинет моего отца. Рядом — комната моей матери, где я брал свои первые уроки и каждое утро входил со страхом, потому что в детстве боялся своей матери. Через маленькую комнату, где жили экономка Елизавета Петровна и горничная моей матери Анна Сергеевна, — выход на темную, узкую лестницу наверх, где наше детское царство. Комната с покатым полом, где я спал с младшей сестрой и где, приставив деревянную лошадку к задней стене, я по отлогому полу скатывался до окон. А эти окна, откуда мы с сестрой смотрели на фейерверки в городском саду, выбегая ночью босыми ногами к окну, как только слышали разрыв первой ракеты. А вот угол, где висела темная икона Николая Угодника, и перед ней горела

лампадка, а под ней — постель нашей няни Федосьи Степановны. Боже мой, неужели уже 30 лет прошло с тех пор, как мы выехали из Калуги! Неужто смолкли навсегда дорогие голоса, не отворится дверь и не войдет никто из близких. Ведь это было вчера, сегодня, а не 30 лет назад! Да, кто не испытал этого особого чувства, которое овладевает Вами, когда Вы посещаете места, где прожили счастливое детство! Как будто тени слетаются к Вам навстречу и оживляют стены и природу! И грустно и отрадно на душе!

Я оценил Калугу, то, мимо чего равнодушно проходил в детстве, — красоту и живописность города с мостом, перекинутым через лесистый овраг, прямо над Окой. Вот — присутственные места и площадь с Гостинным Двором и рядами, куда мы так любили ходить в детстве покупать фрукты и всякие сладости по воскресеньям! Все эти постройки — екатерининского времени. Много живописных церквей. Кое-где сохранились прекрасные дома начала XIX-го века, успевшие обратить на себя внимание любителей старины. В одном из них, знакомом мне с детства, доме Кологривова, я побывал. Дверь отворила мне старушка, которая тотчас узнала и назвала меня, хотя я уехал из Калуги двенадцатилетним мальчиком, а возвращался уже пожилым, потрепанным от невзгод человеком. Дом Кологривовых у Каменного моста — один из самых красивых остатков старины в Калуге. Удивительно сохранилась живопись на стенах и плафонах, чудные зеркала; прелестна сама архитектура комнат.

Кологривовы, сильно постаревшие, были очень милые, радушные люди. При стариках оставались два сына. Старший сын был за несколько лет до того убит на дуэли. Второму сыну Александру было лет 30. Он играл руководящую роль в противобольшевицкой организации в Калуге. Все старания спасти его из Бутырской тюрьмы оказались тщетны, и его расстреляли.

В Калуге, как и вообще в провинции, гнет большевиков сказывался в некоторых отношениях сильнее, чем в Москве. Власть захватили люди малообразованные и алчные. Во главе калужского Совета стоял какой-то латыш, который ежедневно проигрывал десятки тысяч рублей в карты и для покрытия своих долгов облагал буржуазию. В качестве частного «необязательного» мнения он высказывал, что женщины старше 45 лет подлежат уничтожению. Особенно рьяно под-

визался некий д-р Образцов, бывший до революции членом Союза Русского Народа. Он грубо и с наслаждением производил всякие издевательства при обысках; например, залез к какой то старушке, у которой заведомо не могло найтись ничего недозволенного, запускал грязную лапу в банки с вареньем, потому что на дне, будто бы, может оказаться золото, и потом обтирал руку о чистое белье, которое выворачивал из сундуков. Явно, что свинство, само по себе, доставляло ему удовольствие. Другой коммиссар — по делам печати — реалист шестого класса, яростно ополчился на букву «ѣ» и твердый знак и объявил, что если обнаружит вывеску с этими контрреволюционными буквами, то конфискует все содержимое магазина. Поэтому на улицах Калуги было трудно разобрать, что написано на вывесках: купцы заморали не только старорежимные буквы, но, на всякий случай, и другие, в благонадежности коих сомневались. Тот же юный коммиссар наложил штраф в 15 000 рублей на одного купца за то, что он вопреки обязательному постановлению не подписался в срок на большевицкий оффициоз в Калуге.

Странно было проезжать через Калугу, которая сохранила свой мирный, провинциальный вид, и думать, что вся она взбаломучена кучкой негодяев и мошенников, захвативших власть.

Я оставался в Калуге всего два дня, но видел, в каком нервном напряжении жили там «буржуи», каждый час ожидая очередного издевательства над собою.

IV

Москва.

В Москву я приехал по настойчивому приглашению моих друзей Правого Центра. Политическая обстановка за время моего бегства с Дона сложилась следующим образом. Отступление Добровольческой Армии из Ростова совпало с прекращением мирных переговоров между немцами и большевиками и наступлением немцев. Победоносное шествие последних было остановлено капитуляцией большевицкого правительства и миром в Бресте. На Страстной неделе произошел переворот в Украйне, провозглашение гетманом Скоропадского и освобождение Новочеркасска и Ростова от большевиков. О своих мы ничего не знали и переживали за них тяжелое беспокойство. Будучи в Москве, мы решили пробиваться к ним.

Под влиянием происшедших событий, я застал в Москве в самом разгаре борьбу двух ориентаций — союзническую и германскую. Наряду с ними существовало третье течение — «политики свободных рук», которое не исключало никаких путей к освобождению России, желало сохранить возможно большую свободу в выборе средств и хотело избегнуть слишком большой зависимости от иностранных влияний. Все три течения были представлены в Правом Центре.

Политика союзников со времени большевицкого переворота в значительной степени охладила симпатии широких общественных кругов. Она была слабой и непоследовательной. Во Франции царило сильное возбуждение против России и русских, причем там не разбирались в том, кто у нас

виноват в измене, и делали за нее ответственным весь народ. Союзные представители в России обнаружили крайнюю растерянность. Лично они были запуганы большевиками и робко проявляли какую бы то ни было деятельность. Когда большевики вступили в переговоры с немцами, посольства покинули Петроград, но потом, уже на пути за границу, в Финляндии, они пересмотрели свое решение и повернули в Вологду. Когда большевики усвоили себе прием обструкции в переговорах с немцами и Троцкий стал говорить о возможности возобновления военных действий против них, союзники близоруко поверили в боевую способность большевицкой армии и начали сближаться с нею. Они готовы были поддержать ее снабжением и инструкторами и негодовали на русское офицерство и буржуазию, обвиняя их в том, что они ставят классовые интересы выше общенациональных и потому продолжают обструкцию против большевиков. Такое грубое непонимание истинного положения вещей глубоко возмущало тех, кто надеялся именно в союзниках найти поддержку. Союзники восстанавливали против себя как раз те слои общества, которые до конца оставались им верны.

Брестский мир заставил союзников призадуматься, но между ними все же не было единодушия и продолжалось упорное непонимание того, что совершалось в России. Американский президент Вильсон нашел своевременным прислать свой привет тому самому большевицкому съезду, который ратифицировал Брестский договор. Наши европейские союзники повернули в другую сторону, особенно со времени водворения в Москве германского дипломатического представителя графа Мирбаха и правильных отношений, установившихся между большевиками и немцами. Совершенно не разбираясь во внутреннем положении России и в ее деятелях, союзники одновременно ставили ставки на все карты, с расчетом, что авось одна из них выиграет. Но тем самым они подрывали доверие к себе со стороны всех серьезных деятелей, от которых не могла укрыться эта двойная игра. Шаткость политики союзников внушала сомнения в их реальной силе. Немцы в это время готовились к решительному наступлению, которое, как казалось большинству, предвещало им успех. Мы были отделены глухой стеной от Европы, и с каждой из сторон не доходило правильного осведомления о том, что делалось у других.

Украинский переворот произвел повсеместно громадное впечатление. Германия открыто поддержала восстановление буржуазного строя в области обнимавшей девять богатейших губерний России. Можно было, конечно, не без основания усматривать опасность для общенационального дела в этом утверждении самостийности, которая соответствовала началу расчленения России, проведенному немцами в Бресте. Но с другой стороны, восстановление порядка на Украйне и на Дону, который также пользовался поддержкой немцев, было крайне существенно, ибо создавались территории, откуда могло пойти собирание русских сил для возрождения России.

Немцы уже давно, как только у них установились отношения с большевицким правительством, старались завязать связи и с представителями буржуазии. Вначале большинство ответственных политических деятелей проявляли к этим авансам, сдержанность. Сразу, повидимому, откликнулись лишь крайне правые, мечтавшие восстановить самодержавие при помощи военной германской партии. Наши правые в данном случае оставались верны старой традиции своей партии, которая всегда стояла за сближение с Германией на почве общности консервативных принципов — монархического и социального. По рукам ходила записка покойного Министра Внутренних Дел П. Н. Дурново, написанная им в феврале 1914 года, т. е. за полгода до войны. Нельзя не признать, что автор проявил в ней замечательную прозорливость. Он не только предсказал неизбежность европейской войны как последствие группировки Держав, но и всю международную обстановку ее, указал и на вероятность в этом случае поражения России и той неслыханной смуты, которая явится результатом этого поражения, и которая приведет к расчленению и укреплению всевозможных окраинных сепаратизмов.

Немцы выслушивали правых, но им хотелось завязать отношения с более умеренными элементами общества. Постепенно это начало им удаваться. Финансы и промышленность, которые в старое время имели сильное тяготение в сторону Германии, стали поддаваться германофильскому течению. Последнее начало охватывать и другие общественные слои, начали рассуждать так: на победу союзников едва ли возможно рассчитывать; кроме того, от них до сих пор мы не имели никакой поддержки. Не пора ли на них махнуть

рукой и столковаться с немцами, которые засели так прочно, что без них все равно ничего сделать нельзя? — Трудно отграничить те слои, которые захвачены были германской организацией. В нее входила в значительной части крупная городская буржуазия, земельные собственники, часть военных, духовенства и профессиональных интеллигентских союзов. Кроме того, среди простого народа нередко можно было слышать выражения: нужен хозяин, — либо Николай, либо Вильгельм, все равно, но без хозяина не будет порядка. Были, разумеется, степени тяготения в германскую сторону, от крайнего увлечения до более трезвой и осторожной оценки.

Наряду с германской ориентацией продолжала существовать и союзническая. Как в сторону первой склонялись прежде всего консервативные и буржуазные элементы общества, так, наоборот, наибольшую верность союзникам проявили социалисты. Это было понятно, ибо союзники в той же мере олицетворяли принципы демократии, в какой с немцами многие связывали надежды на реставрацию. Рядом с Правым Центром существовал Левый Центр. В него вошли социалисты разных оттенков, стоявшие в оппозиции большевикам. К нему примыкали и отдельные кадеты. Между обоими центрами был установлен контакт для взаимного осведомления и, по возможности, согласования своих действий. Такой же контакт существовал у Правого Центра и с правыми организациями. Весьма скоро для непредубежденных стало ясно, что если с правыми можно столковаться, то эта задача едва ли осуществима по отношению к левым. Линия водораздела определенно проходила по грани, отделявшей либеральное течение от социалистического. Отдельные социалисты выказывали полное понимание общего положения, проявляли сговорчивость, но социалистические партии и группы не расставались с идеей народоправства и с старыми формулами, потерпевшими крушение во время революции.

Большинство кадетской партии было благоразумно настроено, но левое крыло этой партии неудержимо тяготело к левым. В числе таких неисправимых кадет был член Правого Центра Н. И. Астров. Он принадлежал к коренной московской семье, хотя интеллигентского круга, однако набожной и церковной. Брат его Павел Иванович был адвокат и видный член Всероссийского Собора. Николай Иванович вы-

двинулся на службе в Городской Управе. По своему культурному уровню и опыту он не превышал типа местного городского деятеля, — интеллигента и выдвинулся, как мне кажется, главным образом благодаря безлюдью, а такие в силу того политического значения, которое выпало на долю московского городского самоуправления. Он был сладок до бесконечности, совсем — сливочная тянушка, но за этой сладостью скрывалась большая доза честолюбия и хитрости. Астров состоял в контактной группе, поддерживавшей связь с Левым Центром, и не унывал, несмотря на несговорчивость левых.

Весною 1918 года совершенно неожиданно образовалось ядро восточного фронта в Сибири. Как известно, чехословацкие части, находившиеся осенью в Киеве, после заключения мира большевиков с немцами, стали продвигаться на Владивосток, чтобы вернуться на родину. Непонятно почему, большевики, вместо того чтобы оказать им в этом деле полное содействие, стали их задерживать в пути. Озлобленные чехо-словаки оказали вооруженное сопротивление. Между ними и большевиками произошли настоящие сражения. Чехо-словаки без особого труда заняли часть железнодорожного пути и очищали от большевиков города, которые были у них на дороге. Тогда союзники решили использовать их силу для образования нового восточного фронта и задержали их в пути.

В это время проживал в Париже В. А. Маклаков, назначенный послом в октябре 1917 года и приехавший туда почти накануне большевицкого переворота. Через французского консула в Москве он прислал телеграмму моему брату Евгению, указывая на то, что союзники решили помочь России и готовы содействовать образованию восточного фронта, привлекши к деятельному участию в этом деле Японию, если эта идея встретит сочувствие и поддержку серьезных общественных кругов. По словам французского консула, его правительство ожидало со стороны Правого Центра прямого обращения и просьбы о помощи, в каковом случае можно рассчитывать, что и Америка согласится на вмешательство Японии в русские дела. Нас уверяли, что Япония не питает никаких захватных стремлений и готова удовольствоваться другими выгодами, которые предоставляют ей союзники.

Так, в общем, сложилась политическая обстановка к десятому мая, когда я приехал в Москву по вызову друзей. Борьба ориентаций создала натянутые отношения между сторонниками разных течений. Во главе бюро Правого Центра стоял П. И. Новгородцев, который ставил своей задачей по возможности сглаживать противоречия и трения. Неофициально крупную роль играл А. В. Кривошеин. Он склонялся в сторону переговоров с немцами, но по свойству своего характера был крайне осторожен, избегая всего, что могло слишком связать и чем-либо компрометировать. Совершенно иначе себя держал В. И. Гурко. Это был способный, талантливый, но безусловно неуравновешенный человек, кидавшийся из одной крайности в другую. Когда в конце февраля мы вернулись с Дона, и П. Б. Струве первый заговорил о возможности, в силу обстоятельств, вступить в сношения с немцами, Гурко выступил ярым противником германской ориентации и стоял телом и душой за союзников. В начале мая он был неузнаваем: он утратил всякую веру в союзников и хотел, в буквальном смысле слова, броситься в объятия немцев. Члены Правого Центра от кадетов — Астров, Федоров, Степанов — наоборот, стояли за безусловную верность союзникам и за подчинение тому плану освобождения России, который будет ими подсказан, — в данном случае, при помощи восточного фронта. В сущности, весь Правый Центр склонился к мысли о желательности, не связывая себя какими-либо обязательствами, осведомиться о том, возможно ли рассчитывать на содействие немцев изгнанию большевиков и воссозданию единой неделимой России. Осведомление должно было быть обставлено всеми возможными предосторожностями, так, чтобы немцы не могли нас потом шантажировать. Это щекотливое и деликатное поручение предполагалось возложить на меня.

На досуге, в Сергиевском, я успел много и с разных сторон обсудить положение. Вначале по приезде с Дона, мне также казалось, что нам не остается ничего иного, как попробовать договориться с немцами, считаясь с неустранимым фактом присутствия военной германской силы в 24-х часах от Москвы (в Орше). Украинский переворот подавал, как будто, надежду на возможность, если немцы не будут тому препятствовать, сорганизовать на Украйне русские силы для похода на Москву и освобождения России. Добро-

вольческую Армию на Дону постигла неудача именно вследствие того, что у нее не было заслона, за которым она могла бы спокойно формироваться, не подвергаясь в этой подготовительной стадии ударам врага. Все это говорило в пользу возможности договориться с немцами, если с их стороны мы встретили бы разумное отношение к идее воссоздания России. С разных сторон доходили вести, что в авторитетных военных кругах Германии полагают, что теперь, когда Россия выведена из строя и не может быть опасна в нынешней войне, пора примириться с элементами, способными к государственному строительству. Русский хаос и смута пугали благоразумную и дальновидную часть германского общественного мнения. Примирившись с Россией, немцы могли бы получить у нас экономические выгоды, которые с лихвой окупили бы сомнительные расчеты тех, кто стоял за расчленение России. При этом они могли бы обеспечиться с нашей стороны формальным обещанием, что Россия не будет помогать противникам Германии во время еще не кончившейся войны.

По всем этим соображениям я считал, что начать переговоры с немцами можно будет, если мы раньше уверимся в следующем: 1) что Германия поможет нам собрать на Украйне русские силы, ибо освобождение Москвы и России могло быть сделано только самими русскими; 2) что Германия согласится на полный пересмотр Брестского договора и на восстановление единой России, не исключающей широких местных автономий; наконец, 3) что Германия не будет оказывать никакого давления на установление независимого национального правительства в Москве. Взамен этого условия, Россия могла обязаться соблюдать, при продолжении войны, строгий нейтралитет и предоставить Германии известные экономические выгоды. За политическую свободу и независимость можно было заплатить и дорогую цену в области экономической, — это было бы все равно неизбежно.

Соображения мои совпали с теми выводами, к которым пришли мои единомышленники в Москве и в Петербурге. Разница была в том, что для меня каждое из этих условий было conditio sine que non, ни от одного из них я не считал возможным отступиться; между тем, большинство из тех, кто стояли на точке зрения желательности переговоров с немцами, заранее уже готовы были идти на уступки. Это были люди,

которые так мрачно смотрели на положение, так разуверились в возможности для нас предпринять что-либо без посторонней помощи, что они готовы были всем пожертвовать, лишь бы немцы освободили нас от большевиков. К числу таких открытых германофилов принадлежал барон Розен, бывший посол в Вашингтоне, и его друг кн. Алексей Дмитриевич Оболенский, переселившийся в Москву. У него часто собирались и беседовали на эту тему, и сообщались последние вести о настроении немцев. Так же приблизительно оценивал положение барон Б. Э. Нольде, способный, дельный и образованный юрист, знаток международного и государственного права, очень милый и хороший человек, определенно ставший на почву соглашения с Германией, как единственного выхода из положения.

Как я уже сказал, лично я также склонялся к мысли о возможности соглашения с Германией на известного рода определенных условиях, но ко времени приезда в Москву в мае месяце во мне сильно поколебалась надежда, что такое соглашение окажется фактически возможным.

Сомнения мои питались главным образом вестями, приходившими из Украйны. Правительство Скоропадского очень скоро определилось, как чисто классовое — «панско-гетманское правительство». Помещики, состоятельные классы поддерживали его, но в деревнях царило сильнейшее возбуждение против него и против немцев. Немцы появились на Украйне по зову Грушевского, Винниченко и Ко, т. е. самостийников, однако это не помешало врагам Скоропадского, хотя и явно против очевидности, упрекать его за то, что это, будто бы, он и его приспешники зазвали немцев на Украйну. Большевизм был далеко не изжит в богатой украинской деревне. Мужики не успели еще всласть полакомиться за счет помещиков. А тут пришли немцы и Скоропадский, и не только стали восстанавливать права помещиков и взыскивать в их пользу за все, что было у них награблено, но и выколачивать у крестьян хлеб и всякую живность для вывоза в Германию. В России ошибочно думали, что немцы изобилуют товарами и заполняют ими по дешевым ценам всю Россию. Оказалось, наоборот, что немцы сами нуждаются во многом, например, в мануфактуре, мыле и других предметах. В самое короткое время они скупили все, что нашли в Киеве, и, разумеется, только подняли дороговизну жизни. На те деньги,

которыми они расплачивались, купить ничего нельзя было. Все это усиливало раздражение в крестьянах. Большевики всячески муссировали эти отрицательные стороны германской политики на Украйне и успели значительно охладить надежды, возлагавшиеся на них в центральной России теми многочисленными крестьянами, которые думали, что либо Николай, либо Вильгельм, но хозяин нужен.

Помимо того, что правительство Скоропадского было классовым, оно было, кроме того, самостийным. Переворот, выдвинувший гетмана, был произведен при помощи русских помещиков и правых. Последние, будто бы, заручились формальным обещанием Скоропадского работать на объединение России. Ему приписывали слова, что он «положит Украйну к ногам Его Величества». Но очень скоро Шульгин, который был нашим постоянным осведомителем из Киева, писал: «Какого Величества? — Русского или германского императора?»

Дело в том, что в Киеве среди самих немцев обнаружилось два течения; одно из них — среди военных и отчасти придворных германских кругов — очень скоро разочаровалось в самостийности Украйны и стало поддерживать идею единой, неделимой России. Одному из главных германских генералов приписывали изречение, что Украйна есть государство без настоящего языка, без настоящей национальности и без определенной территории. Нельзя было лучше определить всю искусственность такого государственного образования. При гетмане в качестве личного представителя императора Вильгельма состоял гр. Алвекслебен, который открыто высказывался против самостийности Украйны и давал понять, что ему хорошо известен взгляд его повелителя на этот вопрос, а что все прочие течения только терпятся до поры до времени.

Между тем как военные, не стесняясь, говорили в этом смысле, германская дипломатия в лице гр. Мумма выражалась совершенно иначе и покровительствовала сепаратизму Украйны. Еще сильнее то же течение проводилось австрийцами. В Киев был послан пресловутый гр. Форгач, один из непосредственных виновников европейской войны, автор ультиматума сербскому правительству, из-за которого и загорелся сыр-бор. Этот Форгач был искушен в политической интриге. В Киеве он почувствовал себя, как сыр в масле, и

стал настойчиво проводить идею самостийности Украйны. На пропаганду этой цели не щадились средства для поощрения печати и создания благоприятной обстановки вокруг гетмана. Сам Скоропадский был обыкновенный гвардейский офицер, недалекий, но хитрый. Вино власти ударило ему в голову, и он стал поддерживать самостийность, которая укрепляла его престол. Пособником он нашел себе беспринципного московского адвоката Игоря Кистяковского, циника и совершенно неразборчивого на средства. В августе 1917 года в Москве, Кистяковский выступал сторонником Корнилова, осенью — деятельным работником в пользу возрождения России и помощи Добровольческой Армии, а весною 1918 года, в Киеве, он уже говорил, что Россия — пустое место, преследовал русский язык и проявлял крайний украинский шовинизм. В таком же духе говорил председатель Совета министров, бывший земский деятель Лизогуб. И он и гетман, бывший свитский генерал русского императора, говорили о том, что Украйна два века стонала под гнетом России. — Все это так или иначе поощрялось немцами.

Получалась полная двусмыслица. Создавалось впечатление, что немцы ведут двойную игру: с одной стороны поддерживают большевиков в Москве, украинцев в Киеве, а с другой — заигрывают с русскими государственными партиями, заманивая их миражем единой неделимой России.

С этой неопределенностью следовало покончить и окончательно выяснить истинные намерения немцев, которые иногда оправдывали свою двусмысленную позицию тем, что с ними никто не желает разговаривать и что они поневоле должны поэтому поддерживать отношения далеко не с теми, на кого сами хотели бы опереться. Я полагал, что раньше чем обратиться к немцам следовало совершенно лойяльно предупредить об этом союзников, объяснив им, что наши переговоры с немцами, в том случае, если они состоятся, не будут носить никакого опасного для союзников характера и что из них будет решительно исключен всякий элемент враждебности, ибо мы станем на ту точку зрения, что Россия бесповоротно вышла из войны и может соблюдать лишь строгий нейтралитет. Со мной согласились. От частных переговоров с немцами я уклонился, потому что не мог победить в себе недоверия к их результатам и неодолимого чувства, которое претило мне брать на себя эту роль. Я считал,

что ее гораздо лучше выполнят те, кто больше, чем я, возлагали надежд на немцев и ждали только от них нашего избавления. Зато я взялся переговорить с французским генеральным консулом. Разговор этот состоялся, но ни к чему не привел. Тщетно я и другие два со-члена Правого Центра развивали перед консулом условия, на которых мы считали возможным завязать отношения с немцами, считаясь с неустранимым фактом, что без их согласия при данных условиях немыслима никакая перемена положения в России; что для самых союзников может быть выгодно в конечном счете вывести Россию из состояния хаоса и быть уверенными, что правительство, которое образуется, не будет германофильским, а наоборот, поставит своей задачей оградить возможно полнее независимость России, — консул твердил одно: «Этого у нас не поймут, и всякое правительство, которое образуется при содействии Германии, не будет нами признано». На этом мы и расстались.

Выполняя поручение Правого Центра о негласной разведке намерений немцев, президиум принял соответствующие меры. Некоторые члены его очень конфиденциально вступили в сношения с советником германской миссии, неким Рицлером. Все это приходилось делать с величайшей предосторожностью и конспиративностью. Французская агентура следила за германской миссией и ее сношениями, германская делала то же по отношению к французам. И те и другие могли каждую данную минуту выдать результаты своих наблюдений большевикам, что, повидимому, и делалось порою агентами обеих враждебных ориентаций. Было известно, что со всякого, переступающего порог германской миссии, французы ухитрялись на улице снимать фотографии. В силу этого было решено не называть участников переговоров даже в заседаниях Правого Центра и сообщать лишь в самых общих чертах результаты этой предварительной разведки.

С моей точки зрения, она не представлялась особенно утешительной. Немцы охотно говорили о возможном содействии свержению большевиков, но отнюдь не шли на разговоры о немедленном восстановлении единой и неделимой России, представляя это дело будущему. Некоторые из сторонников соглашения с Германией во что бы то ни стало были готовы стать на эту точку зрения, но те, кто исходили

из «политики свободных рук», в том числе мой брат Евгений, Д. М. Щепкин и я, отнюдь на это не соглашались.

Контакт с немцами установился, и от времени до времени наши делегаты с ними виделись. Особенно деятельно проявляли себя немцы-военные в Москве, которые совместно с нашими военными обсуждали планы переворота в Москве в кратчайший срок. Они чувствовали всю унизительность для Германии и своего Императора политики поддерживания отношений с бандой мошенников и разбойников.

Разговоры шли в том же духе, не двигаясь вперед. Обе стороны не хотели порывать их, но не могли сообщить друг другу никаких новых предложений. Тем временем произошел ряд событий, существенно изменивших обстановку.

Граф Мирбах поддерживал оживленные сношения с большевиками. Последние приписывали его санкции многие меры, которые принимали, например, национализацию промышленности, запрещение продавать мануфактуру и другие товары. Было ли на то благословение немцев, — неизвестно, но во всяком случае было благосклонное попускательство целому ряду возмутительных фактов, например, арестам и расстрелу многих русских офицеров; немцы и не подумали вступиться за них, ибо это было бы «вмешательством во внутренние дела».

Мирбаху пришлось недолго властвовать в Москве. Его убил левый эсэр, еврей Блюмкин. В нездоровой атмосфере того времени убийство Мирбаха евреем приветствовалось многими, как признак пробуждения национального русского чувства. Все ждали, что сделают немцы, что скажет Вильгельм. Ждали чуть ли не в 24 часа оккупации Москвы. Но прошел день, другой, третий, неделя, — и ничего не случилось. Немцы потребовали миллион золотом в вознаграждение семье убитого. Большевики воспользовались этим, чтобы наложить арест на золото и ювелиров и еще увеличить одиозность немцев. Германский поверенный в делах потребовал права ввести в Москву батальон германских солдат для охраны миссии, но большевики наотрез отказали и расклеили об этом плакаты по всему городу.

Это был самый тяжкий удар по престижу Германии. Было ясно, что она не в силах заставить большевиков уважать себя. Ряды сторонников германской ориентации сильно поубавились. К тому же, в это время доходили раздутые слухи

об успехах чехо-словаков и все взоры обратились в их сторону, ожидая с востока избавления.

Наконец, в середине июля разнесся слух, что Государь убит.*) Слух этот был сначала опровергнут, а потом оффициально подтвержден в советских газетах и оффициально оправдан как мера, на которую местный Екатеринбургский совет вынужден, будто бы, был пойти из соображений государственной необходимости. При этом советская печать открыто высказывала свое удовлетворение и в своих оценках сближала покойного Государя с его родственниками среди европейских царствующих домов. Все это переполняло чашу. Продолжать отношения с правительством цареубийц Германия не могла безнаказанно и, если хотела перемены курса, она должна была, не обинуясь, это выявить.

Такого взгляда придерживалось большинство Правого Центра. Тем более неожиданным был демонстративный уход из него кадетов. Степанов, Астров и Федоров заявили, что не могут далее оставаться в Правом Центре, ибо считают недопустимою самую мысль о возможном соглашении с Германией, независимо от условий, на которых оно может состояться. Вместе с ними ушли П. Б. Струве и Белоруссов. Ушедшие образовали «Национальный Центр» с той же программой, какая была у Правого Центра, но они вступили в более деятельное сотрудничество с Левым Центром, из которого вскоре образовался «Союз Возрождения». Раскол в Правом Центре произошел по поводу необходимости ответить союзникам на их предложение о вмешательстве Японии.

Сторонники «политики свободных рук» относились отрицательно к этому вмешательству. Мы не верили, что Япония доведет его до конца. Мы думали, что она лишь воспользуется случаем, чтобы захватить наши территории и оставить за собой Приамурье, а к центру России не подойдет. Мы опасались тех ужасных результатов, которые могут произойти от повсеместного голода в России, когда она с запада будет сжата немцами, а с востока японцами, и когда линия фронта будет проходить посреди России. Кроме того, нас немало смущали лозунги, выкинутые чехо-словаками и теми центрами, которые возникали при их помощи. Чехо-Словакам необходимо было содействие местных общественных элемен-

---

*) Государь был убит в ночь с 16-го на 17-ое Июля 1918 г.

тов. Фактически, свергая большевиков, они нашли на местах эсэров, членов Учредительного Собрания. Последние образовали в Самаре «всероссийское правительство» и считали себя источником всей власти в России. С их легкой руки, в армии, которая стала набираться, водворились «демократические» порядки, которые, в сущности, были отрицанием настоящего войска, скованного дисциплиной. В земельном вопросе самарское правительство стояло за закрепление фактических захватов, словом, — вносило не порядок и успокоение, а дезорганизацию. По всем этим причинам мы несочувственно относились к восточному фронту. В то время мы надеялись на возможность разрешения русского кризиса внутренним переворотом. События показали, что это было ошибочным расчетом.

В Москве и других городах существовали тайные военные организации. До нас дошли вести о Добровольческой Армии, о том, что она снова окрепла после геройского похода, совершенного в невероятных условиях. На привлечение этих сил, на возможность собрать силы на Украйне и на Дону, который также был освобожден, мы и стали рассчитывать.

В Москве появился посланец Добровольческой Армии, генерал Казанович. От него мы узнали, что Ставка Добровольческой Армии находится в Тихорецкой, что после невероятного похода, во время коего был убит Корнилов, армия оправилась, получила подкрепления и в настоящее время бодро смотрит на предстоящие задачи. Казановича прислали Верховный руководитель армии ген. Алексеев и Главнокомандующий ее, ген. Деникин, с поручением войти в связь с политическими организациями. Он вез с собою наказы от обоих генералов. В этих наказах были формулированы основные пункты программы Добровольческой Армии. Принимая приказания начальства без рассуждения к исполнению, ген. Казанович ставил такие же условия политическим партиям, указывая, что он не уполномочен вносить никаких изменений в полученный им наказ. В числе пунктов был решительный отказ командования Добровольческой Армии вступать в какие-бы то ни было переговоры с немцами. Кажется, одним из пунктов был созыв учредительного собрания после освобождения России от большевиков.

Казанович бывал неоднократно в Правом Центре еще до происшедшего в нем раскола. Впоследствии он ближе стал

к Национальному Центру, который столь же решительно отвергал возможность разговоров с немцами, но сам по себе это был весьма «квадратный» генерал. Он твердо держался буквы своей инструкции и не хотел слушать ничьих доводов, если они не сходились с этой инструкцией. Впоследствии, когда я спрашивал в Штабе в Екатеринодаре, почему на такого человека пал выбор, мне ответили, что им вообще трудно выбирать, а что Казанович заявил себя, как храбрый генерал во время похода.

Хотя заявления ген. Казановича оставляли мало надежды на возможность привлечь на нашу сторону Добровольческую Армию, однако мы, т. е. сторонники «политики свободных рук», которые возобладали в направлении Правого Центра, не видели другого лучшего выхода и способа разрешения русского кризиса. Ждать избавления от немцев и принять германскую ориентацию безо всяких условий мы считали невозможным; равным образом, мы отвергали возможность отдаться союзной ориентации без оглядки и призывать к себе Японию на помощь. Единственное приемлемое для нас решение было освобождение Москвы и России русскими силами. Эти силы надо было искать за рубежом Совдепии, — на Украйне, на Дону и в Добровольческой Армии. Нам нужно было лишь техническое содействие Германии для доставления этих сил в Москву; только на этой почве мы и признавали возможным договориться с немцами, настаивая на условиях, о которых я уже упоминал.

Было признано необходимым послать членов Центра в Киев, Новочеркасск и в Ставку Добровольческой Армии. Я предложил свои услуги, ибо уже давно собирался пробраться с женой и сыном к остальным детям, о которых до нас дошли вести, что они живут в Персиановке, дачной местности под Новочеркасском. Их взяла на свое попечение вдова расстреленного Орлова-Денисова, у которой было три сына приблизительно того же возраста, что и мои сыновья.

Больше месяца прошло в хлопотах, чтобы устроить возможность выезда из Москвы. Требовалось разрешение различных большевицких учреждений, начиная с Центроплана и кончая Комиссариатом по Иностранным Делам. Без этого разрешения нельзя было получить визы от Германского Генерального Консульства на въезд в Украйну. Между тем, мне было рисковано испрашивать разрешение от Комиссариата

по Иностранным Делам, где меня могли арестовать как саботажника, тем более, что мое пребывание при Добровольческой Армии могло быть известным большевикам. В это время мы узнали, что мою жену разыскивают по обвинению в посылке Добровольческой Армии белья и платья еще до первой поездки нашей на Дон осенью 1917 года. Об этом было напечатано в советских «Известиях», но мы узнали об этом две недели спустя; розыск у большевиков был случайный и плохо организованный.

Приходилось снова прибегать к фальшивым паспортам. В это время в Москве так же неожиданно, как и мы, появилась моя сестра В. Н. Лермонтова. Ей тоже пришлось бежать из Новочеркасска; некоторое время она прожила в Эссентуках, потом с четырнадцатилетней дочерью Соней проехала в Москву по Волге, через Царицын. Она тоже оставила своих мальчиков в Новочеркасске и стремилась к ним, устроив свои дела в Москве. Ей и нам помог ее приятель по Новочеркасску Ермашев. Он занимал в Москве довольно видное положение, был помощником Командующего Московским Военным Округом Муралова, Начальником авиации и Председателем комиссии с сложным названием, — по ликвидации каких-то дел на юге России.

Как ни рационально переломали все существующее большевики, они были бессильны побороть одно из главных зол старого строя — бюрократизм и чиновничество. Наоборот, и то и другое усилилось до невиданных прежде размеров. Расплодилось множество учреждений, главная цель коих состояла в том, чтобы предоставлять хорошие оклады служащим. Так появились «центротекстиль», «центрожир» и неисчислимое количество других «центро», не говоря о комитетах. Многие тысячи людей кормились в этих учреждениях. Большевицкий режим заинтересовывал таким образом и в центре и на местах людей, попадавших в материальную от него зависимость. Большие массы стонали под гнетом этих учреждений, плодившихся, как грибы, и высасывавших деньги. Например, наш Веневский уездный комитет имел бюджет в сотни тысяч рублей. Волостные комитеты стоили десятки тысяч. Между тем, никто не знал, как следует, компетенции новых учреждений. Ограбив помещиков и буржуазию, комитеты для своего содержания должны были грабить уже просто все население. Когда брожение в деревнях при-

няло опасные размеры, большевики решили разслоить и деревню. Тогда созданы были комитеты бедноты из малоземельных и неимущих крестьян, зачастую из лодырей и всяких отбросов. Эти комитеты получали права отнимать у более состоятельных крестьян то, что им казалось излишком. Трудно было дальше идти в том же направлении. Междоусобная война переносилась в самую гущу деревни, между соседями. Но дьявольский план большевиков на этот раз не мог осуществиться. Они скоро поняли, что, если комитеты бедноты разовьют свою деятельность, то никто не будет сеять и вообще работать, зная, что у него все будет отнято бездельниками. Угроза голода давала и без того себя чувствовать слишком реально. Поэтому большевики через некоторое время сократили деревенские комитеты бедноты. Вместо этого они стали восстанавливать прежние помещичьи хозяйства и даже иногда округлять их за счет крестьян, сажая в эти имения своих управляющих. Они поняли, что иначе города не получат хлеба из деревни.

В сущности, большевики насаждали не социализм, а новую буржуазию. Во всех учреждениях крали немилосердно. Красноармейцы, особенно латыши и китайцы, на которых опиралось большевицкое правительство в Кремле, получали огромное содержание, были прекрасно одеты, обуты; их кормили до отвала и, кроме того, им предоставляли частные обыски, которые порою кончались благополучно для людей, но никогда не проходили без похищения денег и драгоценностей.

На бульварах ходила нарядная толпа «товарищей», щегольски одетые красноармейцы с дамами. Они швыряли деньги, катаясь на лихачах, когда не имели возможности кататься на автомобилях, которые получили название «хамовозов», потому что никто, кроме товарищей и дам их сердца, не мог на них ездить. За право пользоваться своей лошадью три раза в неделю надо было платить 800 рублей в месяц, остальное время ею должны были пользоваться большевики. Разумеется, мало кому это было по средствам.

Я уехал из Москвы в июле 1918 года. С тех пор почти каждый месяц оттуда приезжал кто-нибудь; из рассказов приезжавших можно было судить, как становилось все хуже и хуже, как все более сгущалась атмосфера голода и бесправия. Но и та картина, которую мне пришлось наблюдать до

отъезда, казалась достаточно яркой в этом отношении. Нам выдавали хлебный паек в одну восьмую фунта, и то не каждый день. Когда хлеба не хватало, выдавали селедки или овес. А сам хлеб был самого низкого качества, наполовину с отрубями. Продукты из продовольственных лавок выдавались также самые низкопробные. Мы столовались у сестры Ольги и почти ежедневно в тарелке супа находили несколько червей. Ели, конечно, впроголодь; толстые люди совершенно исчезли из Москвы. И при этом жили под постоянным гнетом, ежедневно узнавая о новом мероприятии для удушения буржуазии или об аресте кого-нибудь из близких. Большинство общественных деятелей запасались подложными паспортами, меняли постоянно ночлег, стараясь изменять свою наружность. Разговоры велись главным образом о том, откуда можно достать что-нибудь съестное. Кроме того, таинственно сообщали друг другу «из самых достоверных источников», что через две недели произойдет переворот. Иногда точно называли число, когда это будет. И хотя проходили все сроки и ничего не случалось, но все продолжали жадно прислушиваться ко всем слухам. Оно и понятно. Без постоянно возобновляющейся надежды нельзя было бы переносить того, что до сих пор переносят обитатели Совдепии. Кто мог, тот конечно старался бежать из этого ада.

От Ермашева мы получили фальшивые удостоверения, которые пригодились нам и до отъезда. По ним нам удалось без труда получить полностью деньги с наших текущих счетов в то время, как всем выдавали зараз не свыше тысячи рублей, и притом приходилось простаивать по нескольку часов в очередях, так что создалась особая профессия людей, доставлявших деньги с текущего счета.

В это время, при содействии немцев, в Москве учреждено было Украинское Генеральное Консульство. В него сразу кинулась масса народа, пожелавшая принять украинское подданство, чтобы избегнуть тяжелой лапы большевиков. Украинцами становились многие, ничего общего не имевшие с Украйной и считавшие себя коренными русскими, полагавшие, что режим Скоропадского есть временная комбинация и не видевшие ничего предосудительного в том, чтобы получить украинский паспорт, иметь возможность выехать из Москвы и оградить свой сейф в банке от взлома. На первых порах переход в украинство был очень легким. Этим мы

решили воспользоваться для моей жены, у которой в сейфе хранились драгоценности не только ее, но и Бутеневых. Большевики быстро поняли, какое количество буржуев может таким путем выскользнуть из их лап, и они поставили целый ряд ограничительных условий для принятия украинского подданства.

Во все время пребывания моего в Москве я уклонялся от свиданий с немцами. Но перед самым отъездом я решил пойти на свидание, чтобы сказать все, что находил необходимым им высказать, тем более, что опасался, что другие собеседники ведут с ними разговоры в недостаточно определенных тонах.

Я виделся с Рицлером, который стал Поверенным в Делах после убийства Мирбаха. Он произвел на меня впечатление тщедушного, милого человечка, агента второго разряда, не имевшего личной инициативы, — передатчика разговоров между Москвой и Берлином. Может быть, такая фигура наиболее подходила для неопределенной, нерешительной политики Германии.

После общих вступительных фраз Рицлер спросил, не имеем ли мы что-либо сообщить по поводу плана переворота в Москве, о котором незадолго до того он вызвал наших представителей на обмен мнений. — Тогда я высказал ему точку зрения, которую уполномочен был развить от имени нашей группы: раньше, чем говорить о перевороте, русскими силами, но при содействии Германии, надо было определенно договориться насчет общих условий. Мы не считаем возможным идти на один местный переворот, если он не будет сопряжен с последствиями в обще-русском масштабе: полный пересмотр Брестского договора, восстановление единой неделимой России, невмешательство немцев в наши внутренние дела, — а за это: строжайший нейтралитет России и экономические выгоды, которые подлежат обсуждению. На меньших условиях мы не можем идти на соглашение с Германией. — «Вы должны отдать себе отчет в том, как упал престиж Германии после попустительства всем мероприятиям большевиков и поддержки, им оказываемой. Мы можем пойти на соглашение с Вами, только если в состоянии будем оправдать его серьезными выгодами, реальной пользой». — Такова была сущность того, что я сказал Рицлеру. Как и следовало ожидать, последний ограничился ответом неопре-

деленным, обещая сообщить содержание беседы в Берлин, но высказывая сомнение, чтобы там приняли нашу точку зрения. «Кто нам поручится, что, когда мы все вам дадим, вы не повернете снова в сторону Англии?» сказал он. Я ответил, что пока Германия в свою очередь не примет определенной политики по отношению к нам мы конечно будем считать себя ничем не связанными. — На этом мы расстались.

При помощи общих знакомых нам удалось записаться в украинский санитарный поезд, который должен был провезти в Киев инвалидов. Моя жена ехала под своим настоящим именем, но с украинским паспортом, я же — с видом конторщика Терентьева.

Самой опасной минутой был просмотр документов в Москве на вокзале. У меня не было разрешения ни от одного из большевицких учреждений, и я был записан на поезд в последнюю минуту. Это самое обстоятельство оказалось для меня выгодным, и я проскочил при осмотре вполне благополучно. Мы ехали в вагоне третьего класса, с полным комфортом. В продолжение всего пути нас поили и кормили, у каждого из нас была койка и сенник, так что мы ехали за счет Украйны. В Киев мы прибыли на седьмой день, потому что поезд был задержан в Орше на двое суток.

V

Украина.

Орша была в руках немцев. Со вздохом облегчения мы покинули почву Совдепии, но смешанное чувство избавления и, в то же время, унижения мы испытали, увидев первую германскую каску. Как только подошел поезд, у вагонов стали сновать германские солдаты, продовавшие под полою вино, папиросы, шоколад. Скоро мы наслышались рассказов о том, как быстро германские солдаты и офицеры применились к российским нравам взяточничества и спекуляции. При переезде через границу в повозках была установлена правильная такса. И, начиная от границы, по всему району военной оккупации немцы пользовались случаем наживаться, где и как могли. Они вносили в это дело привычные им приемы методичности и аккуратности.

Мы приехали в Киев, должно быть, числа 19 июля по старому стилю. Город был переполнен, но нас приютила у себя наш старый друг Александра Владимировна Коссяковская. Она имела большую квартиру (Виноградная, 20, а, кв. 17); на этой квартире на началах коммуны жило несколько человек: Игорь Платонович Демидов, приехавший вначале в Киев в качестве представителя Алексеевской организации, а потом ставший редактором кадетской газеты «Русский Голос». Там же имел комнату П. Н. Милюков. Незадолго до нашего приезда он принужден был временно покинуть Киев, о чем я дальше расскажу. В его комнате мы и остановились. Кроме названных лиц, на той же квартире жила приятельница Дины Коссяковской, Катруся Мейендорф и жена Вас. Андр. Степанова, Магдалина Владимировна.

Когда мы въехали на Украйну, у нас глаза разбежались от непривычного зрелища — белого хлеба, который в обилии продавался на каждой станции. Все мы, беженцы, покупали вдвое больше, чем могли съесть, это лакомое кушанье. На первый обед по приезде Александра Владимировна угостила нас чудным малороссийским борщом, потом варениками с вишнями. Нам казалось, что никогда в жизни мы не ели ничего такого вкусного.

Киев поразил нас резким контрастом с только-что покинутой Москвой.

В Москве все общественные отношения были перевернуты вверх дном. Буржуазия, интеллигенция стали париями. Киев был реставрацией недавнего прошлого, но которое, казалось, давно и безвозвратно сдано в архив. Я пошел в Купеческий сад, который славится своим видом на Днепр. Был будничный день, но гремела музыка, по аллеям гуляли разодетые праздничные толпы беспечных и веселых буржуев. Я невольно сравнил картину с Пречистенским бульваром в Москве, по которому я проходил всего неделю назад, и где с такой же беспечностью гуляли щеголеватые товарищи, густо припомаженные, со своими дамами. И там и здесь ликующее большинство не думало о завтрашнем дне и спешило сорвать цветы удовольствия и наживы, где и как могло.

Аристократический квартал Липки был еще более жутким привидением минувшего. Там собирались Петербург и Москва, — почти все друг друга знали. На каждом шагу встречались знакомые типичные лица бюрократов, банкиров, помещиков с их семьями. Чувствовалось в буквальном смысле слова, что на их улице праздник. Отовсюду доносились рассказы о какой-то вакханалии в области спекуляции и наживы. Все, кто имел вход в правительственные учреждения, промышляли всевозможными разрешениями на вывоз и на продажу и на перепродажу всякого товара. Помещики торопились возместить себе за то, что претерпели, и взыскивали, когда могли, втрое с крестьян за награбленное. Правые и аристократия заискивали перед немцами. Находились и такие, которые открыто ругали их, и в то же время забегали к немцам с заднего крыльца, чтобы выхлопотать себе то или другое.

Все это благополучно держалось на немецких штыках, и каждый день на Липках передавали друг другу последнюю

новость, которая либо подтверждала надежду на прочность положения немцев, либо, наоборот, указывала на их намерение не засиживаться на Украйне. — Все эти русские круги, должен сказать, были гораздо противнее, чем немцы, которые, против ожидания, держали себя отнюдь не вызывающим образом. Простые рядовые были в большинстве случаев ландштурмисты, жители южной Германии, сорокалетние добродушные немецкие мужики, переряженные в военных. В них, однако, была сильна их национальная дисциплина. Офицеры и высшее начальство также держали себя скромно во внешнем обращении, хотя при этом брали взятки, где могли, особенно в провинции. Положение их было нелегкое. На громадной территории Украины полмиллиона войска было распылено и не в состоянии было совладеть с постоянно появлявшимися шайками партизанов и покушениями, которые систематически организовывались на союзнические средства.

В Киеве кипела политическая жизнь. Это был настоящий котел, в котором варились все направления, партии и разнородные интересы, враждовавшие между собою. Все это переплеталось сложными международными интригами, враждой между австрийцами и германцами, происками тайных агентов, которых оставили союзники, снабдив их значительными деньгами.

Правительственный курс определялся гласно торжествующей самостийностью, на которой делали карьеру ловкие дельцы. Негласно иногда те же люди уверяли, что все это — необходимый фасад, за которым скрывается будто бы то же стремление к воссозданию единой и неделимой России.

Украинские течения были представлены всевозможными течениями и оттенками. Крайним «украинизатором» проявлял себя беспринципный Кистяковский. Официально он числился кадетом, на самом деле он проводил определенно классовую и реакционную политику. Он хотел таким сочетанием убить двух зайцев: своим украинством угодить германо-австрийцам и парализовать левых самостийников, своей классовой политикой удержать симпатии русских помещиков и правых, которые были главными деятелями переворота. Видным русским бюрократом он втирал очки своей беспринципностью, которая сходила в их глазах за признак деловитости, и намекал на то, что ведь и проводя украинизацию, можно

добиться того же объединения России, которая может быть постепенно украинизована, ибо что такое та же Украина, как не закостюмированная часть подлинной России? — Мне, по крайней мере, приходилось не раз слышать отзвуки бесед с ним в этом духе. Сам я не искал с ним встречи.

Большинство настоящих самостийников принадлежало к левым партиям. Оно и понятно, потому что оправдание самостийности было в симпатии, которою она, будто бы, пользуется в народных массах. Чтобы привлечь на свою сторону эти симпатии, самостийники прибегали к грубой демагогии. Так в свое время Грушевский и Винниченко бросили в крестьянство те же большевицкие лозунги. Этим обусловливался успех и то, что он был весьма временный и переходный, ибо крестьянство было весьма равнодушно, а порою и враждебно относилось к самостийности, как таковой, но охотно усваивало себе разрешение грабить помещиков. Но на этой почве самостийники не могли конкурировать с настоящими большевиками.

Считаясь с веяниями времени у себя дома, немцы пытались несколько демократизировать гетманское правительство. Этим обусловливались их сношения с самостийниками и социалистами-федералистами; к тому же, с этими течениями совпадала линия германской политики, которая предпочитала расчленение и ослабление России ее объединению.

Русское направление было выражено также целой гаммой политических партий.

На крайнем фланге стояли непримиренные правые. Их было две группы, враждовавшие между собою по каким-то личным мотивам. Во главе правых стоял бывший Губернский предводитель дворянства Безак, кн. А. Долгорукий и другие. Эти первые стояли за восстановление самодержавия. Они больше всего ненавидели кадет и считали, что, когда восстановится порядок, то с них надо будет начать вешать, а то потом забудут, что наделали кадеты. Они исключили из будущего государственного строительства всех колеблющихся, всех, кто был как-нибудь замешан в русской революции. При них нельзя было называть имена Родзянки и Гучкова, — это были самые ненавистные для них люди. Крайние правые находили деятельную поддержку митрополита Антония. В Киеве была издавна развита сильная организация объединенных приходов, в духе Союза Русского народа.

Немцы, особенно военные, в душе больше всего сочувствовали правым и поддерживали с ними деятельные отношения, даже субсидировали их пропаганду. Но в то же время они чувствовали себя в силу обстоятельств вынужденными иметь дело и с левыми. Поэтому, конечно, ни те ни другие не могли им всецело довериться, а немцы роптали на коварство русских.

Особое положение занимала группа умеренных правых, с редактором «Киевлянина», В. В. Шульгиным, во главе. Когда немцы заняли Киев, Шульгин закрыл свою газету, заявив, что не может заниматься публицистической деятельностью, пока для русского направления не обеспечена свобода слова. Немцы тщетно старались примирить его с фактом своего пребывания в Киеве; молчание Шульгина было для них неприятнее его критики. Но Шульгин был непримирим. Он не допускал мысли ни о каком соглашении с немцами, хотя боялся, что оно может стать неизбежным вследствие крайней несостоятельности союзников. Больше всего он боялся восстановления монархии при содействии Германии. Как монархист он вынужден был бы подчиниться этому факту, но говорил, что в этом случае он отказался бы от всякой политической деятельности и отошел бы в сторону.

Совершенно иную позицию заняли в Киеве кадеты. Они не участвовали в гетманском перевороте, но считались с ним, как с совершившимся фактом, оценили его с положительной точки зрения. Восстановление единой России они представляли себе как собирание областей, в коих должен быть предварительно восстановлен порядок.

Поэтому они согласились участвовать в образовании правительства и вошли в него небольшой, но хорошо сплоченной группой. В качественном отношении они представляли, повидимому, наиболее ценную часть кабинета, особенно Василенко — Министр народного просвещения, и Гутник — финансов. Регулярно они собирались под председательством лидера своей партии Григоровича-Барского и намечали согласованный план действий и выступлений. Вскоре с Дона приехал Милюков, который стал на ту же точку зрения в оценке совершившегося переворота. Для киевских кадет одобрение главы партии было тем более ценно, что в этом вопросе они разошлись с московскими кадетами. Последние вынесли типичную для своей партии двусмысленную резолю-

цию, в которой стояли на почве неизменности союзным обязательствам, но в то же время делали оговорку относительно киевских кадет, что суждение о их отношении к перевороту на Украине, совершенному при содействии немцев, они откладывают до всестороннего ознакомления с местными условиями и мотивами, определившими их поведение. Однако московские кадеты в значительном большинстве были убежденными сторонниками союзной ориентации. Для них было большим ударом узнать, что с ними разошелся глава их партии, с которым они утратили связь со времени большевицкого переворота, вследствие коего Милюкову пришлось скрыться за пределы Совдепии. Как ни высок был авторитет Милюкова в партии, но в данном случае москвичи остались при своем мнении. Его отсутствием воспользовался хитрый и умный интриган еврей Винавер, чтобы повести за собой партию и укрепить за собой роль ее руководителя.

Правый Центр был осведомлен о позиции Милюкова в вопросе об ориентациях; едучи в Киев, я имел в виду завязать с ним тесные сношения. Приехав в Киев, я узнал, что Милюков принужден был его покинуть. Причины этого представлялись следующие.

Придя к убеждению, что при данных условиях нельзя не считаться с фактическим положением германской вооруженной силы в русских областях, Милюков полагал так же, как и Правый Центр, что в целях скорейшего освобождения от большевиков и восстановления единой неделимой России возможно соглашение с германцами приблизительно на тех же условиях, какие были определены Правым Центром. Украинский переворот их он одобрял только как первый этап к воссозданию единой России. Поэтому он оказывал всевозможное воздействие на кадетских министров в гетманском кабинете, чтобы они неуклонно проводили соответствующую линию поведения и противились украинизации.

Прямолинейная позиция Милюкова не пришлась по вкусу ни немцам, ни самостийным карьеристам вроде самого гетмана и Кистяковского. Под влиянием последнего Скоропадский написал Председателю Совета министров Лизогубу письмо, в коем преписывал ему принять меры к высылке Милюкова. «Высочайшее» повеление не пришлось по вкусу министров, они запротестовали, но сам Милюков, не желая, чтобы из-за личного вопроса были созданы трудности, а, может

быть, и кризис в министерстве, предпочел временно удалиться из Киева и выехал в имение г-жи Коростовец в Черниговской губернии. Сын ее, молодой человек, служил в Министерстве Иностранных Дел, и Милюков был хорошо знаком с семьей.

Желая повидаться с ним, я через несколько дней пребывания в Киеве, набравшись первых впечатлений о тамошней обстановке, выехал к нему на пароходе по Десне. На пароходе я набросал письмо в Правый Центр, с тем чтобы показать его Милюкову и получить его отзыв по поводу положения дел.

Привожу здесь эти письма, в которых и мной и Милюковым охарактеризовано в главных чертах общее политическое положение, как оно нам тогда представлялось.

Как видно из письма Милюкова, наши точки зрения совпали даже почти во всех подробностях. Такое совпадение взглядов людей, находившихся в Москве, и человека, приехавшего с юга России, само по себе указывало на то, что тут не может быть случайности, а есть общие серьезные основания. Во всяком случае для характеристики данного момента эти письма представляют известный материал.

Вот они:

I.

8 августа 1918 г.
(нов. стиля)

Пробыв около недели в Киеве, я выехал на пароходе в деревню, где временно поселился П. Н. Милюков, чтобы повидаться и переговорить с ним о наших делах. В Киеве все время проходило в непрерывных свиданиях и разговорах. Сидя на пароходе, постараюсь разобраться в своих наблюдениях.

Киев производит яркое и сильное впечатление сочетанием контрастов и своей противоположностью только что покинутой Большевизии. Непривычно для москвича обилие белого хлеба и всякого продовольствия на улицах. Впечатление в своем роде более резкое, чем когда бывало зимою вырвешься из снегов и попадешь за границу, куда-нибудь, где летнее солнце. Только при сопоставлении этого нового

впечатления с недавно пережитым, понимаешь, как тяжело и ненормально сложился весь уклад жизни на севере.

Второе впечатление — это благополучие и благоденствие тех, кто вкушают этот белый хлеб. Когда попадаешь в Липки или в Купеческий сад, где гремят музыка и гуляет веселая нарядная публика, то как-то не веришь глазам этой реставрации прошлого. Охватывает ощущение определенного класса людей, — сытых, довольных, беспечных, радующихся всему, что произошло; среди них пока только еще начинает зарождаться беспокойная мысль: насколько прочно это благополучие? Но пережито столько тяжелого, настоящее так приятно, что на Липках мало кто хочет останавливаться на легком обмане, омрачающем синее небо. Только когда темная южная ночь спускается на город и раздаются то выстрелы, то взрывы, докучное сомнение невольно стучится в дверь и портит сон счастливых и беспечных.

Кем охраняется все это благополучие?

От Орши до Киева я не видел ни одного хотя бы небольшого украинского патруля. Украинской силы в природе не существует. Зато на всех станциях и в городе вы видите германского часового в каске. Я готовился к этому и ожидал увидеть эмблему победоносной Пруссии — упитанного пивом и сознанием своего превосходства грубого фельдфебеля. Но впечатление совсем иное. В каске стоит старый ополченец, ландштурмист, обычно добродушный, вовсе не отталкивающий, но и вовсе не символизирующий стальную силу. Они скованы дисциплиной, долгом, они стоят на своих постах, но силы и уверенности в них вовсе не чувствуется. Их служба нелегка, немногим легче, чем на фронте. Они распылены на громадной территории, их не часто сменяют, они несут самые тяжелые караулы, и их подстреливают часто и много; от простого рядового до генерала-фельдмаршала никто из них не может быть обеспечен от выстрела в спину.

Как они на это реагируют?

Когда их достаточно, чтобы проявить силу, они сравнивают деревню с землей. Но еще вопрос: какое впечатление при этом сильнее — устрашения или озлобления? Налагают контрибуции на села и города, где совершились покушения. Но и это мало действительно. Где средства и сел и городов избавиться от злоумышленников? Аппарат власти разрушен и медленно восстанавливается, воинской силы нет, она толь-

ко у немцев, и против нее не прекращаются покушения, потому что ее немного и потому что те, кто совершают покушения, сумеют укрыться, а результат их покушения только усугубляется тем недовольством, которое производят германские кары на ни в чем неповинных.

Одному из германских генералов приписывают изречение: «наше положение блестящее, но безвыходное». Эта формула близка к действительности. Благодаря уничтожению помещичьего землевладения, которое далеко не восстановилось еще, и неизвестно, может ли восстановиться, хлеб выкачивать крайне трудно. Вычисляют, что вместо выговоренных 60 миллионов пудов из Украины вывезено всего 24 миллиона, притом большая часть по вольной, а не по твердой цене. Чтобы возместить разницу и продавать у себя дома хлеб по дешевой цене, немцы прибегли к двум средствам: они создавали особый род мешочничества, за который выдают поощрительную премию — чем больше каждый высылает продовольствия своей семье на родину почтовой посылкой, тем больше ему выдают премию по представлении квитанций. С другой стороны, весь привоз товаров из Германии централизован в правительственном германском учреждении; оно облагает этот товар пошлиной, чтобы пускать его по цене того же товара в России за самой небольшой скидкой. Разница идет на возмещение расхода по приобретению хлеба, чтобы дома продавать его дешево. Комбинация очень остроумна для целей данной минуты, но едва ли рассчитана на прочное и благоприятное развитие торговых и добрососедских отношений. Обыватель надеялся получить от немца порядок и дешевые товары. Порядок есть, но надолго ли? Дешевизна есть только в сравнении с Москвою на продовольствие, но здесь оно никогда не было так дорого, как у нас. Зато товары в общем дороже. Одна моя знакомая, вдова офицера, продала две пары его сапог в магазин за 1200 руб.

Острота отношений между германцами и их союзниками — явная, не скрываемая ни теми, ни другими, особенно между немцами и австрийцами. Генерал Лукомский мне рассказывал, что в Одессе австрийский генерал-фельдмаршал Бельц, случайно встретившись с ним у общих знакомых, с первых же слов начал прямо поносить Германию и ее политику. Так же отзываются об австрийцах здесь в германском Штабе. Приезжие из Австрии удостоверяют, что положение

там сгущается. Железные дороги забиты дезертирами. Станции будто бы напоминают то, что у нас делалось в декабре и январе. Буржуи испуганно жмутся от солдатчины, которая лезет во второй и первый классы. В Чехии будто бы открыто сепаратистское движение. Интересно, что совершенно одинаковую оценку я слышал от Шульгина и от кадетов германской ориентации. На основании сведений в военных кругах, Лукомский считает возможным, что Австрия выйдет из игры осенью.

Относясь с осторожностью к полной достоверности такой оценки, полагаю, что пройти мимо нее нельзя. Одновременно нельзя не признать значения успехов, одержанных союзниками за последнее время. Австрия на итальянском фронте, повидимому, понесла настоящее поражение, Германия — серьезную неудачу и значительную потерю сил. Все это несомненно ставит вопрос о возможности очищения всей левобережной Украйны германскими войсками после снятия урожая, а, может быть, и до этого, ибо реализация урожая — длительная вещь. В случае выбытия Австрии как активного фактора, напряжение германских сил должно стать невероятным. Помимо стратегических задач, ей понадобится оккупировать Галицию, чтобы обеспечить сообщение с той же Украйной.

Так рисуется, в общем, положение Германии на основании здешних впечатлений и осведомлений. Нет сомнения, что если оно соответствует действительности и так и сознается самими немцами, то можно ожидать, что они проявят наибольшую уступчивость в переговорах на условиях, признаваемых нами приемлемыми. Казалось бы, что из этого следует сделать только один вывод для нас: быть как можно тверже и неуступчивее в наших требованиях и пойти на соглашение только, если всего добьемся.

Но в решении этой общей проблемы Германия — только одна сторона вопроса. Другие факторы имеют не менее решающее значение.

Первый из них — это все тот же пресловутый восточный фронт. Нечего мне повторять, что я продолжаю стоять на той же точке зрения отрицательного к нему отношения. Оно усугубляется еще тем, что это все более и более фронт Учредительного собрания, т. е. всей этой слякоти, которая неспособна возродить Россию. Пусть призвание союзников и, в

частности, японцев, останется на совести кадетских Маниловых и их присных. Все это так; тем не менее, я не могу не считаться с возможностью осуществления этого фронта, как бы к нему не относился.

В связи с успехами союзников и общим ослаблением Германии, восточный фронт может приобрести значение гораздо большее, чем можно было еще недавно думать. В ту минуту, когда я пишу эти строки, здесь нельзя судить, насколько серьезны приготовления к высадке и сосредоточению значительных сил в Манджурии и Сибири. По мнению Лукомского, вопрос этот так или иначе выяснится в течение сентября. Если за это время не будут высажены достаточные первые силы, то всю операцию по климатическим условиям придется отложить до поздней весны будущего года. Это было бы равносильно тому, что мы не можем учитывать в этом случае восточный фронт как серьезный фактор в наших планах.

Если бы, наоборот, восточный фронт получил начало серьезного осуществления. тогда нельзя не поставить вопроса: в каком же положении оказалось бы правительство, опирающееся в Москве на соглашение с слабой Германией и с тылом в той части ныне оккупированных Германией губерний, где при помощи союзных денег вспыхнуло бы восстание? Где та сила, которая бы с этим справилась, и поможет ли в этом случае нам и Германия, хотя бы людям, стоящим у власти, пришлось бы молить ее о помощи?

Вот, что надо выяснить.

Я уже сослался на мнение Лукомского, что картина может выясниться в течение сентября. Это же время не пройдет, Бог даст, даром для укрепления и роста наших сил, — Добровольческой Армии и других новых формирований, о которых речь впереди. Есть и другие условия, которых я коснусь дальше, и которые делают желательным некоторую отсрочку до окончательного бесповоротного шага, который связал бы нас с Германией, причем пускай не останавливаются ни переговоры, ни приготовления.

Переворот в Москве может быть совершен только в общероссийском масштабе и произведен только русскими людьми и на русские средства — таковы отправные положения Правого Центра. Отсюда — необходимость заручиться содействием таких сил за рубежом Великороссии.

В первую очередь стоит вопрос о положении, которое при известных условиях может быть занято Добровольческой Армией. В Киеве я конечно не могу расчитывать на полное выяснение этого вопроса. Могу сообщить лишь некоторые предварительные данные.

Прежде всего я виделся с Н. Н. Львовым. По свойственной ему впечатлительности, он сам пережил уже несколько перемен в вопросе об ориентации. В настоящую минуту он главным образом увлечен самой Добровольческой Армией, что и понятно, ибо вместе с нею разделил все тягости и опасности похода, а два его сына сражаются в ее рядах. По мнению Н. Н. Львова, в Добровольческой Армии сосредоточены все задатки возрождения русской армии. Сохранив преемство нашей прежней армии, она одна ни на минуту не согнула шеи перед большевиками и пронесла в чистоте лучшие традиции боевой доблести и чести через все испытания. Так как возрождения России нельзя мыслить без предварительного возрождения армии, то Н. Н. Львову представляется, что в настоящую минуту все другие задачи и усилия общественных деятелей отступают на второй план перед этой главной задачей — укреплением Добровольческой Армии. Туда должны ехать все, кто словом или делом могут ей помочь. Если, оторванная от общественной среды, Добровольческая Армия приняла бы неверное направление, то вина легла бы, по его мнению, не на нее, а на тех, кто ее предоставили самой себе, кто не хочет делить с ней ее радостей и горя, а видят в ней только орудие для своих целей. Но такие люди не вправе притязать на какое-либо влияние на Добровольческую Армию, и она за ними не пойдет. Нужно много работать и отдать сердце на дело, которое ей дорого, и тогда, став сам членом той же организации, можно проводить те идеи, коими дорожишь.

В этих словах много правды. Необходимо более деятельное участие представителей Центра в судьбах Добровольческой Армии, более живая работа на месте, приезд свежих сил и постоянная связь, иначе влияние на Добровольческую Армию естественно перейдет в другие руки. Но, конечно, нельзя забывать, что, как ни важна и ни дорога Добровольческая Армия, она все же средство, а не цель главных наших усилий.

По приезде на Дон, я конечно прежде всего постараюсь выяснить себе, не связала ли себя уже бесповоротно Добровольческая Армия каким-либо обязательством по отношению к союзникам. Думаю, что психологически она очень близка к этому, но надеюсь, что фактически этого еще нет и что ее связь не выражается ни в чем ином, кроме материальной поддержки, которая обязывает лишь на тот срок, пока оказывается.

Моя позиция была бы конечно неизмеримо сильнее, еслиб я мог сказать: «Вот вам деньги, идите за нами». Теперь же я являюсь с пустыми руками, но наполненный просьбами и советами. В январе этого года я уже успел испытать всю тягостность и фальшь такого положения. Но что же делать? Во всяком случае я намерен говорить приблизительно так: «Сейчас у нас денег нет, но они будут, как только окажется возможным заключить приемлемое для вас и для нас соглашение. Деньги же будут не немецкие, но без соглашения с Германией нельзя заключить займа. В свою очередь, мы не пойдем на соглашение, если не будем уверены, что нас поддержат русские силы. Будьте с нами, при этом, тогда не замедлят найтись и средства».

Не знаю, насколько мои аргументы окажутся убедительными. Боюсь, что сейчас еще нельзя рассчитывать на переход Добровольческой Армии открыто на нашу сторону. Главные мои усилия будут направлены на то, чтобы удержать ее от разрыва с Германией, который ее бы погубил и тем более осложнил нашу задачу. Надо выиграть время. На этой почве я заручился содействием выехавших на Дон Н. Н. Львова и Лукомского. Это также ратует в пользу указанной мною отсрочки окончательного связывающего шага. Если психология Добровольческой Армии клонит ее в сторону союзников, то обстоятельства могут оказаться сильнее в другую сторону.

Во-первых, теперь существуют те же трудности, что и в январе, для материальной помощи со стороны союзников. Как провести денежные знаки? Я уже не говорю о материальном снабжении. В этом отношении Добровольческая Армия стала в невольное противоречие сама с собой непримиримостью к немцам. Она не хочет иметь с ними ничего общего, не допускает и мысли о помощи от них, и в то же время получает снабжение от Донского казачества, которое само по-

лучает его от немцев. Стоит последним прекратить это снабжение, и Добровольческая Армия сядет на мель. Еще труднее будет положение, если немцы займут Царицын. Они уже предлагали казакам свое содействие для взятия этого города. Пока казаки отклонили предложение, но если немцы настоят на своем, Добровольческая Армия будет фактически отрезана от союзников и от севера. С этой опасностью и с еще большею, а именно, что немцы пойдут на более решительные действия, если усилятся их подозрения на счет ориентации Добровольческой Армии, нельзя не считаться. Лукомский вполне сознает это. Он думает, что пока Добровольческая Армия очищает Кубань от большевиков, это скорее на руку немцам. Но как скоро она двинется на север, они ждать не будут.

Все это требует выяснения на месте.

В Киеве я узнал о формировании Астраханской армии, и мне удалось познакомиться с некоторыми представителями организации, которые рассказали мне, как она возникла.

Идея формирования добровольческого отряда с провозглашением определенного монархического принципа зародилась среди офицерства на румынском фронте. Мои собеседники жаловались на недостаток сочувствия к ним со стороны генерала Щербачева, будто бы боявшегося слишком определенного выявления монархизма. Как бы то ни было, дело пошло вперед благодаря поддержке союзников. Организаторы отряда исходили из убеждения, что восстановление фронта безнадежно и что их отряд должен служить задачам внутреннего возрождения России. Французы настаивали на том, чтобы отряд служил военным целям; они хотели им заткнуть где-то дыру. На этой почве произошла размолвка. Вместо помощи французы стали чинить препятствия. В конце концов, отряд под командой полковника Дроздовского ушел на Дон. По пути пришлось войти в соприкосновение с германцами. Со стороны последних была проявлена полная предупредительность. Они предложили группе, организовавшей отряд, переехать в Киев для продолжения той же работы, обещая полное содействие Германского Верховного Командования, что на самом деле и осуществилось.

В Киеве началось формирование Астраханской армии. Главным материалом для нее являются калмыцкие станицы. Между Астраханским и Донским казачеством установлено

полное соглашение. Штаб формируемой Астраханской армии находится в Новочеркасске; там же — заместитель Астраханского атамана, князь Тундутов. В сентябре месяце надеются образовать дивизию полного состава. Командование его принял известный кавалерийский генерал Павлов, имеющий боевую репутацию лихого военноначальника. В дальнейшем предполагается довести численность армии до 60 тысяч. Ведутся переговоры с одним из наиболее крупных вождей бывшей армии для принятия общего командования армиею.

Все снабжение — материальное и техническое — дают немцы. Они разрешили офицерам Астраханской армии носить в Киеве погоны и романовские нашивки на рукавах. Вербовочные бюро открыты в целом ряде городов Украйны и района оккупации. Лозунг армии: — восстановление монархии и единая неделимая Россия — признаются германским верховным командованием.

Я просил представителей Астраханской армии дать разъяснения по некоторым смущающим меня вопросам: 1) не представляется ли им опасным ввиду их фактической зависимости от немцев, что последние повернут Астраханскую армию на цели, ей чуждые? и 2) каковы взаимоотношения Астраханской армии с Добровольческою и не хотят ли немцы использовать астраханцев для разложения состава добровольцев, как мне пришлось это слышать?

Мне было отвечено: 1) «Мы не боимся, что нас могут использовать против наших целей, ибо когда армия сложится в определенную силу, то мы посмотрим, как можно повернуть ее туда, куда она не захочет пойти. Мы же от своих задач и целей не отступим так же, как это сделал маленький отряд Дроздовского, когда на него давили союзники.

2) Мы искренно желаем и надеемся установить полное соглашение и взаимодействие с Добровольческой Армией. На нашем пути следующие препятствия: Добровольческая Армия до сих пор не решается открыто провозгласить монархический принцип. Между тем, мы полагаем, что время для двусмысленностей прошло, и для нас это — основной вопрос. Поведение Добровольческой Армии объясняется тем, что при образовании в ее состав попала некоторая доля элементов явно противумонархических, и вожди боятся провозглашением лозунгов произвести раскол в ее рядах. Между

тем, мы полагаем, что в Добровольческой Армии должна быть произведена чистка. Кроме того, в составе командования имеются лица, противящиеся по существу провозглашению монархического принципа, например, генерал Романовский.*)

Добровольческая Армия кидает нам, астраханцам, упрек в том, что мы пользуемся материальной поддержкой германцев. Но разве она не делает того же самого, пользуясь снабжением, которое донцы получают и передают им от тех же немцев?»

Я не мог не признать, что в утверждениях моих собеседников много справедливого, но добавил, что я твердо надеюсь, что все эти недоразумения и трения удастся устранить и что это будет поставлено, как основная задача, астраханцами. Новая армия только еще начинает образовываться. Придавая самое серьезное значение ее укреплению и развитию, не следует упускать из вида, что Добровольческая Армия уже завоевала себе совершенно исключительный нравственный авторитет своей непрерывной доблестной борьбой с большевиками и славными именами своих вождей, известных всей России. Ее нельзя вычеркнуть из дела воссоздания и возрождения России, и надо все сделать, чтобы придти с ней к соглашению. — Повторив, что они так и понимают свою задачу, мои собеседники сказали, что находятся в постоянных сношениях с Добровольческой Армией через Дроздовского и ожидают на этих днях получить от него ответ на очень серьезные свои запросы. Ответ этот они мне обещали показать.

Выслушав сообщение представителей Астраханской армии, я, с своей стороны, ознакомил их с основными задачами Правого Центра. У них имелась уже наша программа. Единственный пункт, вызывавший у них сомнения, касался ответственности исполнительной власти перед Палатами. Они вполне удовлетворились моими разъяснениями и просили меня поставить их в непосредственный контакт с Правым Центром в Москве, на что я выразил, конечно, принципиальное согласие. Полагаю, однако, что только в Новочеркасске мне удастся определить удельный вес Астраханской армии

---

*) Хорошо зная генерала Романовского, я убежден, что это — недоразумение, что и высказывал представителям Астраханской армии. Г. Т.

и ее взаимоотношения с Добровольческой Армиею, о чем я постараюсь без замедления оповестить Правый Центр.

—

Одной из основных своих задач в Киеве я ставил освещение вопроса об общих условиях работы, возможной там. Я виделся с Шульгиным, имел с ним самый дружественный обмен мыслей и рад был констатировать, что расхождение в ориентациях не так остро воспринято им, как нашими недавними друзьями в Москве.

Все же на деятельное сотрудничество Шульгина рассчитывать не приходится. Он убежден в верности избранного им пути и, повидимому, вступил в деятельные сношения с той организацией, которая откололась от Правого Центра. Ввиду различия целей, он не считает возможным давать информации в обе организации, и настаивать на этом не приходится.

Думать сейчас об объединении русских течений в Киеве, к сожалению, нельзя. Этому мешает как вопрос об ориентациях, так и партийная грань, которая гораздо резче проходит здесь, чем в Москве. Здешние правые, повидимому, гораздо непримиримее московских. Правда, они грызутся между собою. — Я сам не входил с ними в сношения, но слышал отзывы, коим имею основание доверять, что наиболее влиятельная группа Безака стоит за восстановление самодержавия и считает, что при реставрации надо исключить всех, кто хоть как-нибудь был прикосновенен к перевороту. Они недовольны гетманом, который, видимо, при своем вступлении во власть пользовался их поддержкой и, может быть, даже дал им некоторые обещания. Правые будируют немцев, но разочарованы их слабостью. Ходят слухи, что они имеют в виду предъявить им ультимативные требования. С другой стороны, военная гетманская партия несомненно дорожит отношениями с правыми, в частности, с группой Безака. На этой почве говорят о возможной перемене Кабинета. Называют кандидатуру Кражановского. Перемена обозначала бы более определенный русский курс.

Лидер здешней Кадетской партии, председатель Судебной палаты Григорович-Барский, не отрицал возможности сюрпризов. К.-д. министры, входящие в состав Кабинета, действуют очень согласованно и устанавливают программу сво-

их действий в регулярных совещаниях под председательством Григоровича-Барского.

В продолжительной беседе последний ознакомил меня с позицией партии и к.-д. министров. Прежде всего, в основных целях можно установить полное совпадение программы киевских кадет с Правым Центром. Григорович-Барский пространно объяснил мне, почему к.- д. партия сочла нужным не уклониться от участия в перевороте. Отмечая крайне трудные условия для проведения русских идей и отстаивания независимости власти от контроля германцев вследствие полного отсутствия своей вооруженной силы, Григорович-Барский устанавливает, что им удалось, однако, уже достигнуть серьезных результатов. Крайняя украинизация не проводится в целом в правительственных органах, за исключением Ведомства Внутренних Дел, где хозяйничал Кистяковский, и Министерства путей сообщения, возглавляемого Бутенко. — Кистяковский вызывает общее раздражение своей беспринципностью и бесшабашным цинизмом адвоката, на все смотрящего с точки зрения биржевой сделки. В министры Внутренних Дел он попал с согласия кадет, за неимением других подходящих кандидатов и потому, что по нынешним условиям на этот пост находили нужным поставить человека, не брезгливого в средствах.

Я сказал Барскому, что самый факт переворота в Украйне был встречен сочувственно Правым Центром, но что последующие события вызывают наше смущение, а частью и осуждение. — Публичные заявления гетмана и некоторых министров произвели самое тягостное впечагление. Мы понимаем, что не все можно говорить, но не понимаем, чтобы можно и нужно было говорить так, как это делали Скоропадский, Кистяковский и Лизогуб в том духе, что Украйна стонала под игом России и пр. и пр.. Подобные заявления роняют достоинство тех, от кого исходят, и создают впечатление, что украинская власть — игрушка в руках немцев. С таким положением мириться нельзя. Я понимаю, какая трудная обстановка создается для власти, которая не может опереться ни на один свой язык, но надо учитывать и трудности самих немцев, и мне кажется, можно и должно разговаривать с ними смелее, вплоть до постановки вопроса об устранении партии от ответственности власти и переложения на немцев

одиума за все, что совершается. Кроме того, мне думается, что если у правительства нет своей вооруженной силы, то тем настойчивее для него необходимость укрепить свой базис на более широких основаниях, чтобы и в массах почувствовались благодетельные последствия местного переворота. Лично мне казалось, что местные условия требуют приступа к некоторым аграрным мероприятиям, которые возвещены, но не получают начала осуществления. Я не знаю, как иначе справиться с брожением в деревне.

Я получил впечатление, что Барский и его партия сами все это сознают. Не повидав пока еще к.-д. министров, что предполагаю сделать, я не могу судить, есть ли в их среде люди не только понимающие, но и достаточно решительные и энергичные. Не мог я также пока выяснить кардинальный вопрос о том, может ли украинское правительство рассчитывать в непродолжительном времени создать сколько-нибудь значительную силу. Первая попытка сформировать отряд всего лишь в 5 000 человек из состава хлеборобов делается в настоящее время. Осенью предполагают приступить к более широкому набору. Пока шаги представляются сомнительными. Людей, бывших в разложившейся прежней армии, считают опасным привлекать; имеют в виду производить наборы из молодых возрастов. Главная трудность иметь надежную армию заключается, мне кажется, в том, что готовность пролить кровь можно ожидать и требовать от людей, знающих или чувствующих, за что они ее проливают, а нынешнее правительство есть все-таки двусмысленная комбинация с репутацией представительства классовых интересов и зависимости от немцев. Где же та сильная национальная или монархическая идея или сочетание обоих начал, которое одно способно сплотить здоровые элементы в деле обороны?

Отрицать серьезные результаты, достигнутые новой властью при участии кадетов, нельзя. Постепенно восстанавливается правительственный аппарат, отстаивается в школе и жизни равноправность русского языка, а фактически — его господство, ибо министры и чиновники сами плохо знают по-украински, и законы пишутся и публикуются чаще всего по-русски, с обозначением, что это, будто бы, перевод с украинского; на самом же деле украинского подлинника часто не имеется. Ярый украинизатор Кистяковский в частных

разговорах сам смеется над украинским языком. Однако нельзя не признать, что если русский язык допускается, то на нем свободно разрешается высказывать только самостийные, а не русские начала. Самым ярким примером такого положения является то обстоятельство, что П. Н. Милюков был вынужден покинуть Киев. Вопрос об его удалении был резко поставлен гетманом, вероятно под воздействием германцев. Совет министров почти единогласно отказался проводить требование гетмана. Назревал конфликт, и, чтобы избежать на своем личном деле кабинетского кризиса, Милюков решил добровольно покинуть Киев на время. До сих пор ему еще предстaвляется неудобным туда вернуться.

Нельзя не отметить всей двусмысленности поведения немцев и положения в Украйне: с одной стороны, немцы дают деньги и средства на оборудование Астраханской армии под лозунгом единой неделимой России, возглавленной монархом, а с другой стороны, Киев должен покинуть лидер к.-д. партии, определенно высказавший эту самую программу на почве соглашения с Германией. Как же тут не закрасться сомнению в последовательности германской политики и степени ее добросовестности; ибо под лозунгом «единой и неделимой» немцы вероятно подразумевают: «кроме тех частей, которые мы не вернем». — В переговорах с кем следует необходимо настоять на устранении таких явлений.

Кончаю это затянувшееся послание, ибо пароход приближается к конечной пристани.

Впечатления мои от Киева еще не полны. Постараюсь их сообщить в следующем письме, так же, как и мнение П. Н. Милюкова. Теперь подвожу итоги тем выводам, которые пока могу установить:

1) Я считаю желательным не останавливать переговоров с немцами, постараться достигнуть возможно большей определительности всех нужных для нас гарантий, и вести эти переговоры со спокойной твердостью. Отнюдь не следует идти на местный московский переворот, а только во всероссийском масштабе. Надо бы привлечь к некоторым вопросам и экономистов.

2) Окончательно связать себя можно лишь, выяснив наши средства и силы, а также общую обстановку. Это едва ли

возможно ранее половины сентября. Отсрочку можно объяснить теми трудностями, которые созданы были отчасти самими немцами для приступа к работе. Они должны их устранить в Украйне и других местах.

3) Раньше, чем выяснится успех задания в связи с общей международной обстановкой, нельзя фактически осуществить призвание монарха. Достаточно провозглашение этого лозунга.

Г. Т.

VI

Письмо Милюкова.

—

11 августа (нов. стиля) 1918 г.

Из сообщения кн. Григория Николаевича я вижу, что не только в общих чертах, но и почти во всех подробностях наши взгляды на способы вывести Россию из настоящего положения совпадают. Подобно ему, я считаю восстановление государственности и объединение России первой и главной задачей; нахожу, что необходимо скорейшее осуществление этой задачи, чтобы не увеличились ее трудности; считаю, что такого скорейшего разрешения нельзя достигнуть без контакта с германцами и что предметом такого контакта должно быть создание в Москве не местного только «северного» правительства, а правительства национального, способного объединить Россию и для этого заручившегося согласием Германии на пересмотр **теперь же,** а не по окончании войны, Брестского договора.

Для выяснения возможности этого я — не по моей, а по германской инициативе — вступил в «необязательные» сношения с представителем Oberkommando и имел (впрочем, очень поверхностный) разговор с Муммом. В их лице я встретился с двумя течениями, которые и в Германии борются по вопросу об объединении России. Одно из них, представленное дипломатами и считавшее себя до сих пор в согласии с рейхстагом, стояло за разъединение России, создание Rendstaaten и сближение с Англией. Другое, представленное

влиятельными военными кругами, но теперь распространяющееся и в либеральных и даже в социалистических кругах, стоит за создание из России сильной союзницы в будущем для борьбы с Англией и с этой целью, а также и по принципиальным соображениям (на левом фронте), склоняется к пересмотру Брестского договора. Первое до сих пор считалось официальным, но перестает им быть после отставки Кюльмана. Второе имеет серьезные шансы сделаться официальным. Его успех сказывается уже теперь в том, что имеется течение компромиссное, — самое опасное для нас, — соглашающееся на **частичный** пересмотр Брестского договора и на неполное объединение России.

Германцы, искавшие до сих пор способа создать «совершенное правительство» без всякого пересмотра Брестского договора, будут, конечно, теперь добиваться соглашения на наиболее выгодных для себя условиях — с наиболее сговорчивыми. Но они понимают, что должны считаться с возможно широким фронтом общественного мнения, включая и неприятных для них к.-д. Этим нужно воспользоваться, чтобы этот наш фронт объединить на **одной** определенной программе, из которой уже ничего не уступать к моменту, когда переговоры начнуться серьезно.

Я предлагал бы для такой программы следующие положения:

1. Правительство должно быть национальным и объединительным с самого начала, с первых шагов. Для этого необходимо, чтобы оно явилось на свет сразу, как монархическое, и могло бы говорить от имени некоторого ядра объединяемой теперь же, а не в будущем, России. А для этого нужно:

   а) теперь же остановиться на определенной личности кандидата на престол и вступить с эитм кандидатом в непосредственные сношения, получив его санкцию действовать его именем. Я лично предлагал бы отыскать Великого князя Михаила Александровича, местопребывание которого должно быть известно его близким в Москве;

   б) так как при создавшемся положении вопрос территориального объединения не может быть предметом одностороннего акта нового правительства, а должен

быть решен предварительными переговорами с отдельными образовавшимися теперь правительствами, — успех же этих переговоров может быть обеспечен лишь при определенном отношении к ним германцев, — то я считаю необходимым ввести уже в самые переговоры с германцами условие, что **до** создания правительства будут выяснены благоприятные ответы, по крайней мере, главнейших из создавшихся правительств и будет выработан акт объединения, который мог бы быть опубликован новым правительством, **как национальный,** в первые же дни его существования.

2. Исходной точкой переговоров должна быть неприкосновенность всей прежней территории России, за исключением Финляндии, (но с стратегическими гарантиями со стороны последней)*) и Польши (в границах прежнего Царства Польского, без Холмщины и с этнографическим обменом севера Августовской губернии на части уездов Сокольского и Бельского). В моих («необязательных») переговорах трудность представляла лишь Курляндия, относительно которой я соглашался на «исправление границ». Не знаю, как мы можем уступить Либаву. Вопрос о Крыме и Закавказьи не был затронут, и я опасаюсь, что за умолчанием могут скрываться особые виды Германии на эти опорные пункты в будущей борьбе с Англией. Но этих территорий, конечно, мы пожертвовать не можем. При прежнем взгляде трудность представлял также вопрос об особых правах Украины, которую германцы хотели наделить правами Баварии. Я не отрицал возможности идти относительно Украины несколько дальше простой автономии, с тем чтобы это не служило образцом для других объединяемых частей, но не соглашался ни на особую армию, ни на остатки дипломатического представительства, ни на расширенных правах относительно железных дорог, почты и телеграфа и т. д. Основным требованием объединения я считал суверенитет центральных органов, единство территорий и гражданства, а также создание верхней палаты не по типу Bundesrat'a.

3. Так как при такой постановке вопроса Германия должна искать своих преимуществ не в территориальных приобре-

---

*) Если будут настаивать на выходе ее к Ледовитому океану, я предлагал бы (не трогая, конечно, Мурмана) обмен ближайшей к Норвегии полосы на Выборгскую губернию.

тениях, а в экономических выгодах, то необходимо теперь же привлечь наших промышленников к пересмотру этой части Брестского договора и просить их указаний, до каких пределов могут здесь простираться наши уступки, — вообще необходимые. Я обращался с этой просьбой к профессору Савину в Киеве и к А. И. Каминке в Петрограде, но надо, чтобы эта работа была предпринята в Москве — и немедленно.

4. Помимо общих уступок по торговому договору, придется сделать (или санкционировать) и временные — для территорий, ныне занятых германцами. Но при этом необходимо, во-первых, ввести в определенные правовые границы, не предусмотренные, кажется, в учебниках международного права, — власть германцев в области администрации и суда, теперь безграничную **фактически** даже на Украине, не говоря о Литве, и, во-вторых, оговорить, для ближайшего же времени, полную свободу сообщений и товарообмена для объединенных областей, единство валюты и помочь как вооружением (у нас же отобранным), так и денежным займом при немедленном восстановлении нашей армии.

5. Признание нейтралитета, по необходимости благожелательного, относительно германцев, но с прекращением всяких военных действий на территории восстановленной России. Национальное правительство, кроме единства, должно дать России действительный мир и выход из войны, чего не могли дать большевики: в этом будет его санкция в глазах населения.

—

Быть может, в Москве считают преждевременным говорить о началах будущей **внутренней** политики; но, мне кажется, и тут необходимо было бы заблаговременно сговориться; без этого трудно было бы приступить к группировке сочувствующих «правому центру» элементов на местах. Поэтому, предлагаю на обсуждение несколько пунктов, которые кажутся наиболее существенными.

1. Устройство коалиционной власти на основе программы «правого центра», но с устранением из ее состава сторонников самодержавия, с одной стороны, и сторонников ориентации «левого центра» и прежнего Учредительного Собрания, с другой стороны.

2. В интересах поддержки демографических слоев (крестьянство и кооперация) и восстановления социального мира, немедленный приступ к аграрной реформе, восстановляющей все нарушенные права, но имеющей целью найти решения, возможно близкие к сложившемуся фактическому положению землевладения. Восстановление свободы земельных сделок до реформы, без нарушения ее принципов и с принятием немедленных мер против перехода земли в собственность иностранцев.

3. Пересмотр избирательного закона для городских и земских органов самоуправления: введение возрастного ценза и ценза оседлости, двустепенность выборов в деревне, пересмотр вопроса о волостном земстве, но не возвращение к куриальной системе и не восстановление старых земств.

4. Установление переходного периода до начала функционирования правильного национального представительства. Созыв, в случае необходимости, для переходного периода, совещательного органа, вроде «совета республики», из общественных элементов, стоящих на государственной точке зрения, и вероятно, при его содействии, также и политическом представительстве.

Способов санкции основного Закона, октроированного монархом, я не касаюсь здесь, но обращаю Ваше внимание на то, что долженствующий быть опубликованным от имени монарха основной Закон должен быть готов ко времени создания нового правительства, и было бы очень печально, если бы он оказался похож на временные основные законы Скоропадского и Краснова. Надо теперь же засадить за эту работу наших юристов (Нольде, Лазаревского, К. Н. Соколова, В. М. Гессена).

—

12 августа (нов. стиля).

Моя оценка положения в Украине разделяется Павлом Николаевичем. По моей просьбе, он формулировал основные свои положения, которые пересылаются Вам за № II.

Я уже писал Вам, в силу каких условий он должен был покинуть Киев. Есть полное основание думать, что на Гетмана было оказано влияние со стороны германцев. Чрезвычайно важно добиться возможности для Милюкова вернуться

в Киев. Прежде всего, это будет для нас показателем искренности германцев. Всего больше, как я уже писал, следует опасаться, что под лозунгом восстановления России немцы хотят провести **частичное** разрешение вопроса, как это отмечает П. Н. — Нечего и говорить, что на такое решение мы идти не можем и не должны, а если они будут запрашивать нас, как мы бы отнеслись к другому правительству, которое согласилось бы стать на их точку зрения, то мне кажется, надо оговорить, что мы сохранили по отношению к нему полную свободу оценки, в зависимости от того, насколько его программа будет отвечать нашим целям, от коих мы отступиться не можем.

Если немцы стоят за **частичное** разрешение, тогда понятно, что пребывание Милюкова в Киеве для них весьма неудобно. В той же мере для нас существенно было бы иметь в его лице в Киеве представителя Правого Центра. Пока он был в Киеве, он участвовал в регулярных совещаниях к.-д. министров. Его участие служило для них и коррективом и импульсом к более энергичному отстаиванию русской точки зрения. — Положение к.-д. партии на Украине — преобладающее между всеми элементами, на которые может опереться власть. Я не особенно верю в удачу попыток составить правительство из правых, ибо для этого нет людей и такая власть рискует выдернуть из под своих ног окончательно всякую опору. Кроме партии, вокруг Милюкова может начаться группировка здесь и других элементов, как справа, так, может быть, и слева.

Не следует забывать, как все переменилось! Ведь, как это ни дико, но для Штаба Добровольческой Армии, например, позиция Милюкова — слишком правая, ибо они все еще не отделались от полинявших побрякушек, вроде Учредительного Собрания, и не высказались еще за монарха.*)

По мнению Милюкова, будущая власть должна быть коалиционной. Самый термин сначала смутил меня, ибо с ним связаны воспоминания о недавних экспериментах. Но добавление, что коалиция может быть только с партиями и людьми, принимающими программу Правого Центра, отстраняют вся-

---

*) По доходящим сюда сведениям, подавляющее большинство офицерства там — монархисты, и это обстоятельство заставляет, быть может, Штаб высказаться определеннее, но как в этом случае они примкнут к фронту Учредительного Собрания?

кое сомнение, ибо в таком смысле Правый Центр сам есть ничто иное, как коалиция. — Павел Николаевич полагает, что еслиб нашлись среди социалистов люди, готовые принять нашу программу, то их желательно было бы включить в состав правительства. Я с этим согласен, ибо если такое чудо случится, то такие социалисты перестанут быть социалистами, и надо будет их расценивать по их личному удельному весу и авторитету их имени.

Милюков касается вопроса о первоочередных реформах при образовании нового правительства. Я не знаю взглядов на этот вопрос Правого Центра, но с своей стороны, учитывая всю обстановку первого периода, считаю этот вопрос весьма существенным.

Надо все время помнить, как долго мы будем слабы. Хорошо, если в нашем распоряжении будет армия в несколько десятков тысяч человек, и то конечно не сразу. Но ведь это — капля в русском океане. Ведь у австро-немцев на Украйне 600 тысяч, и все-таки это вроде гомеопатии. А когда мы получим такую цифру вполне надежной для внутреннего употребления армии? — Можно ли рассчитывать на систему карательных отрядов?

Те, кто мечтают получить это от немцев и готовы ради этого поступиться многим другим, глубоко разочаруются. На Украине немцы прибегают к принуждению, чтобы получить хлеб, но они вовсе не расположены восстанавливать своей силой прежний уклад. Они сами настаивают на проведении аграрных реформ.

Можно спорить о целесообразности такой постановки вопроса с точки зрения государственно-экономической, — той, которая формулирована в нашей программе. Но с точки зрения политической, мне кажется гораздо разумнее нам самим взять в свои руки и повести дело, которое заставят нас иначе сделать или немцы или сила вещей.

Украинские наблюдения склоняют к мысли, что на первых же шагах желателен приступ к строительству не только **порядка,** но и социального **мира.** Что иное мы можем противопоставить пропаганде эсэров в деревне? Пусть здоровые элементы в деревне почувствуют, что от новой власти они получат хотя и меньше того, что им сулят пропагандисты, за то — крепче и вернее. — Это будет отвечать первой насущной необходимости для новой власти — выйти из тес-

ного классового и интеллигентского окружения и упрочниться на более широком базисе. — В ту меру, в какую удастся справиться с этой задачей, она сможет рассчитывать и на надежность и укрепление новой армии. Ведь придется строить разом все заново.

Что касается вопроса о местном самоуправлении, то, по мнению Павла Николаевича, лучше на самых первых порах обойтись вовсе без них, чем реставрировать старые земства с старыми этикетками. Высказал он это в ответ на мою мысль, что трудно составлять новые избирательные законы, когда в стране ничего еще не утряслось, как следует, и всякий эксперимент был бы скачком в неизвестность.

Высказанным предположениям Милюков придает характер первоначального отправного пункта для выработки окончательных положений. Он находит своевременным поставить их без замедления на обсуждение Правого Центра.

Вот те немногие дополнения, которые я имею сделать по поводу его сообщения. Он признавал бы желательным, — и я к этому присоединяюсь, — еслибы раньше подписания окончательного соглашения сюда мог приехать Н.*) Может быть, это совпало бы с окончанием намеченного мною объезда и я мог бы к тому времени снова быть в Киеве. Если Вы будете в постоянном контакте с Игорем Платоновичем Демидовым, то последний сообщит мне своевременно, куда следует, об этом.

Приехав к Коростовцам, я предполагал, переговорив обо всем с Милюковым, выехать в Киев обратно на следующий день, но гостеприимные хозяева настояли на том, чтобы я остался. От общей усталости и от чего-то съеденного на пароходе я заболел и задержался у них на несколько дней.

Усадьба Коростовцев была не реставрацией, а подлинным сохранением старого. Она осталась нетронутым оазисом среди общей разрухи. Владельцам усадьбы пришлось немало претерпеть за зиму во время хозяйничания большевиков, а потом — самостийников. Рядом с ними была зверски вырезана целая семья помещика.

Когда большевики захватили власть в Киеве и военные части начали расходиться по домам, молодой Коростовец завербовал себе в имение 10 солдат из стоявшего в Киеве Ки-

---

*) Барон Б. Э. Нольде, которому поручено было Правым Центром вести переговоры с германцами. Он жил летом в Павловске под Петроградом, и приезжал в Москву.

расирского полка. Три брата Коростовца, служащие в усадьбе и солдаты составили маленький отряд, который смело отстаивался от грабителей, хулиганов и крупных большевицких банд; последние неоднократно пытались овладеть усадьбой. Жены молодых Коростовцев были также вооружены. Когда они садились ужинать, у каждого мужчины рядом была винтовка, а подле своего прибора жены клали револьвер.

Благодаря такой стойкой обороне, усадьба и все хозяйство остались целы и невредимы. Хозяйка усадьбы, старушка мать Коростовцев, немного глухая, была добрейшее существо и олицетворяла гостеприимство. Она не знала, чем ублажить и как потчевать своих гостей. Она с такой доброй улыбкой угощала своими деревенскими изготовлениями, что невозможно было отказаться и приходилось всего пробовать по два раза.

В тот день, что я приехал, кончили убирать хлеб. Бабы с пением и венками из колосьев пришли к барскому дому. По старому обычаю, барыня венчала короной из колосьев женщину, которую выбрали царицей, и начался сельский бал, праздновали дожинок. Поздно, засыпая, я слышал звуки флейты и бубен.

Меня поселили, вместе с Милюковым, в отдельном домике, напротив главного дома, где жили хозяева. В окно комнаты врывались розы и весь сад был ими полон. Хозяйка особенно любила розы, у нее было громадное их количество и они цвели все лето.

В большой дом мы ходили на трапезы, за которыми собиралась вся семья. Переболев немного, я встал к Воскресенью и застал у хозяев целое общество соседей, преимущественно женщин и девушек. Приехала семья известного земского деятеля Хижнякова, гр. Милорадович и другие. — Это была милая нетронутая провинция, такая, как могла бы быть 30, 40 или 50 лет тому назад, — быт среднего русского помещичьего общества, одинаковый на севере, в центре и на юге России. Сначала музицировали. Милюков легко играл на скрипке. Ему аккомпанировала бойкая гимназистка. Потом присоединилась барышня, которая выводила мелодии на гребенке. Затем начался бал. И стар и млад плясали до упаду, от чистого сердца.

Насытившись танцами, начали играть конечно в secrétaire. Посыпались вопросы с лукавыми намеками и всем, что во-

дится в таких случаях и что вызывало взрывы смеха и подстрекало любопытство. На одной бумажке было написано: «Кого Вы больше любите, — Павла Николаевича или Григория Николаевича?» — и с деревенским радушием, так, чтобы всех угостить, было отвечено: «Павла Николаевича я люблю старой любовью, а Григория Николаевича — новой». — Наконец, когда все шутки и остроумие истощились, когда желудки были так полны, что уже не вмещали в себя новых явств, хозяева и гости разошлись спать.

На следующий день я уехал вместе с Милюковым, которого вызывали в Киев. Перед отъездом милая старушка Коростовец, которая видела меня в первый раз, серьезно упрекала меня, отчего я не приехал со всей семьей, и прямо тронула меня, когда, слегка покраснев, стала приглашать меня переехать к ней со всеми на житье. «Вы видите, что у нас всего много, мы вам предоставим весь дом, где Вы живете. Право, Вашим детям будет лучше в деревне, чем где-нибудь в городе. А мне просто стыдно, что мы одни всем этим пользуемся».

Милая, добрая старушка! Что осталось теперь от этой мирной идиллии? — Боюсь, что она не выдержала новых более серьезных испытаний и сметена волной петлюровщины и шедших по ее пятам большевиков. Второе водворение их на прежнем месте всегда обходится хуже первого.

Мы застали в Киеве Вас. Алекс. Степанова, который проездом в Добровольческую Армию хотел повидать Милюкова. Он ехал с французом Gaulquier, которого надо было тщательно прятать от немецкого наблюдения. Последний ехал с польским паспортом, но был очень неосторожен.

Свидание со Степановым, который раньше всегда беспрекословно подчинялся авторитету Милюкова, показало последнему, как разошлась с ним его партия. В Милюкове была ценная черта — его силы воли и самостоятельности суждения. Эта последняя особенность развилась у него с летами. В более ранние годы его упрекали в заигрывании с левыми, теперь такой упрек был бы положительно несправедлив. Он совершенно не считался с вопросом о личной популярности и с левыми течениями. Ему, конечно, было тяжело остаться в одиночестве, покинутым своей партией, в которой он играл роль непогрешимого папы, но в нем была большая доля упорства и много задора в характере. Это был человек бое-

вой и любивший бороться. Со времени переворота во мне не раз вызывал уважение его самостоятельный образ мысли, но я должен признать, что к этому ценному качеству прибавлялся и сильный недостаток чутья и такта. Он пересолил и в вопросах об ориентации и был неосторожен. Ибо одно было **допускать возможность** соглашения с Германией, если бы она пошла на приемлемые для нас условия, а другое — это **поверить,** что оно непременно осуществится, как это, по-видимому, и случилось с Милюковым. А произошло это потому, что он был мозговик и доктринер, и когда он приходил к выводу, что такое решение разумно, он мало учитывал, что в больших решениях последнее слово останется не за мозгом, а за другими факторами. Так было и в вопросе германской ориентации. Во всяком случае, ему, лидеру к.-д. партии, не следовало себя компрометировать слишком определенными открытыми заявлениями о желательности соглашения с Германией, которые производили особенно странное впечатление, после того что немцы выслали его из Киева.

Я пробыл еще некоторое время в Киеве. Новых впечатлений за это время не прибавилось. В Киев приехал из Москвы А. В. Кривошеин. Он скоро стал в самом центре политического водоворота. По его просьбе, я составил записку, в которой изложил главные основы возможного нашего соглашения с Германией. Записка была анонимна. Ее должен был передать немцам Ф. В. Шлиппе, бывший председатель Московской губернской земской управы, которому также пришлось бежать из Москвы. Он и там поддерживал с немцами отношения. Это был очень милый и верный человек, и хотя был убежденным сторонником соглашения с немцами, однако не был способен поступиться ради этого достоинством России. В мою записку, по его просьбе, я внес поправки, усиливавшие ее. Записка была прочитана и Милюковым, ее одобрившим. Впоследствии, когда в Киеве образовался Совет государственного объединения, он ее принял в качестве своей программы. Прилагаю здесь эту записку.

—

Нижеизложенное представляет посильную попытку добросовестно разобраться в преобладающих течениях умеренных кругов московского общества и подвести итоги их взглядам на современное положение вещей. Следует оговориться,

что события так быстро чередуются и изменяют общую обстановку, что пишущий эти строки не может быть уверен в том, насколько полно его взгляды отражают в данную минуту настроение Москвы, которую он покинул две недели тому назад.

Сторонники соглашения с Германией в Москве объединены двумя руководящими началами: 1) восстановление единства и территориальной целости России и 2) создание сильной независимой национальной власти на основе конституционной монархии.

Люди этих взглядов полагают, что многочисленные социальные, экономические и политические факторы создают благоприятную почву для возможно более тесного сближения между Россией и Германией. России нужны долгие годы для внутреннего строительства и водворения прочного социального мира. После всего пережитого, возрождение страны потребует упорной работы, в которой разумные либеральные реформы должны сочетаться со здоровым консерватизмом, и развитие страны согласовалось бы с национальными началами, отвечающими быту, характеру и религии русского народа. Такое направление государственной жизни России, в согласии с ее историческими традициями, сближает ее с теми началами, в которых росла и крепла сама Германия. Сродством этих начал объясняются узы традиционной дружбы между Россией и Германией, уходящие корнями в далекое прошлое. Казалось бы, что в настоящее время после всего пережитого Германии не приходится бояться со стороны России каких-либо опасных вожделений в области внешней политики. Армия нам нужна не для завоеваний, а для обороны и поддержания внутреннего порядка. Пережив безумные эксперименты крайнего социализма, народ увидел, в какую пучину бедствий, голода, анархии толкнули его непрошенные благодетели. Наше оздоровление может скоро начаться, как только сложатся для этого благоприятные внешние условия. Но борьба с крайними левыми течениями и анархией в такой степени представляет необходимость для победоносного германского правительства, как и для России, еще не оправившейся от пережитых испытаний. Здесь заложено внутреннее основание для сближения между обоими народами и государствами. Вот почему убежденные сторонники соглашения с Германией не могут руководиться изменчивыми настроениями данной минуты. Их убеждение в желательности тесно-

го сближения с Германией построено не на временных комбинациях и даже независимо от исхода войны, а на сознании длительных руководящих интересов и начал в общем государственном развитии России.

К сожалению, нельзя все же не признать, что за последнее время целый ряд факторов сложился неблагоприятно для общественного течения, возлагающего надежды на возможность соглашения с Германией. Пишущий эти строки, являясь убежденным сторонником такого соглашения, считает себя тем более обязанным не закрывать глаза на факты и с полной откровенностью их высказать.

Брестский договор никогда серьезно не учитывался общественным мнением России как факт окончательный и бесповоротный. С ним не только не мирится национальное чувство, но умеренные круги всегда исходили из убеждения, что сама Германия не может серьезно верить в возможность окончательного расчленения России и в жизнеспособность тех единиц, которые на бумаге признаны самостоятельными государствами. Чем больше времени проходит со дня подписания Брестского договора, тем больше в кругах, расположенных к Германии, возрастают сомнения и колебания. Политика Германии представляется неясной и порою двусмысленной. Сохранение добрых отношений с большевиками после убийства Государя, одобренного советской властью, равнодушное попустительство со стороны Германии массового расстрела русских офицеров — сильно охладило расчеты сторонников соглашения, которые полагали, что для монархической Германии продолжение подобных отношений с партией цареубийц совершенно невозможно.

Тяжелые меры по отношению к русской промышленности, как-то: «национализация промышленности», опечатание мануфактуры и проч. с основанием или без основания приписываются в Москве влиянию Германии, извлекающей из этого выгоды, с другой стороны — укрепление самостийности Украйны, — все это пошатнуло симпатии к Германии в кругах, еще недавно наиболее к ней расположенных.

При таких условиях серьезная политическая группа, которая взяла бы на себя ответственность создания власти на основах соглашения с Германией, не может этого сделать, если не будет иметь возможности, одновременно с образованием нового правительства, оправдать свой образ действий теми несомненными благами, которые даст это соглашение.

Мы обладаем только моральной силой. Мы не можем торговаться о тех или других выгодах с германским правительством, но тем более это обязывает нас только тогда пойти на соглашение с Германией, если мы при этом не потеряем, а укрепим наш моральный авторитет и докажем, что это соглашение есть не результат временной комбинации, а может стать началом новой здоровой ориентации всей государственной жизни России. Исходя из этого убеждения, московские умеренные круги (так называемый «Правый Центр») полагают, что соглашение с Германией могло бы формулироваться приблизительно в следующих общих чертах:

Установление независимой национальной власти с провозглашением принципа конституционной монархии. Главной задачей нового правительства было бы водворение порядка и упрочнение социального мира при помощи осуществления широких реформ, совместимых с принципом личной собственности. Новая власть должна иметь возможность в первом же акте по своем образовании опубликовать свою программу, в коей будет возвещено восстановление территориальной целости России, пересмотр Брестского договора в полном объеме и строжайший нейтралитет в продолжение нынешней войны.

Для сего необходимо, чтобы предварительно между особо уполномоченными лицами, имеющими войти в состав правительства, и официальными представителями германского правительства было заключено секретное соглашение. Сущность этого соглашения сводилась бы к следующему: прежде всего, как уже сказано, — восстановление единства и территориальной целости России, включая сюда области, занятые Германией и ее союзниками Австриею и Турциею, а также Румынией. Из этого было бы выключено независимое польское государство, в которое вошло бы бывшее Царство Польское, за исключением Холмской губернии. Возможны были бы некоторые исправления границ на основных этнографического принципа по взаимному договору.

Трудность возникла бы в вопросе о Финляндии, независимость коей пока признана Германией. Для нас Финляндия представляет интерес главным образом с точки зрения безопасности Петрограда. Если стратегический вопрос, который должен быть освещен военными экспертами, получил бы благоприятное разрешение, то можно было бы придти к согла-

шению и на счет основных условий особого положения Финляндии.

В германских кругах существуют, повидимому, некоторые виды на Курляндию. Не исключая возможности частичного исправления границы, если бы таковое было признано желательным, позволительно поставить вопрос: неужели целесообразно оставлять в русско-германских отношениях тяжелую занозу, которая конечно осталась бы, если от нас потребуется территориальная жертва, связанная с потерей Либавы? Быть может, для Германии было бы выгоднее в данном случае проявить мудрую умеренность и тем облегчить положение первого русского правительства, которое поставит своею задачею сближение с нею.

Если бы для осуществления намеченной программы выяснилось необходимость временного, хотя по возможности менее продолжительного пребывания германских войск в некоторых ныне оккупированных областях России, то в этом случае представляется целесообразным выработать особое соглашение, регулирующее права и обязанности различных органов власти как оккупирующих держав, так и России, с соблюдением военных интересов первых, и, с другой стороны, возвращение этих областей всецело под власть центральных русских органов управления, как только к этому представится возможность; в период же пребывания германских войск на русской территории соглашение имело бы также целью обеспечить права и обязанности, а также материальные интересы местного населения.

Воссоединению единства России предшествует обособление в настоящее время отдельных областей. С этим фактом нельзя не считаться. В интересах будущего государственного строя — поощрять развитие местной жизни и местного самоуправления. По отношению к Украйне в ее этнографических границах и Балтийским провинциям целесообразно установление особого автономного режима, с соблюдением, однако, всех прерогатив верховной власти управления России.

Кроме определения границ, Брест-Литовский договор подлежит пересмотру и в других отношениях, особенно в области экономических интересов. Ничто не может в той же мере способствовать упрочнению добрососедских отношений, как установление правильного товарообмена к выгоде обоих государств. Германия заинтересована в правильном снабже-

нии ее продовольствием, и новая власть приняла бы конечно все меры к упорядочению вывоза хлеба и других продуктов в Германию в размерах, совместимых с удовлетворением внутренней потребности самой страны. С другой стороны, Россия рассчитывала бы на содействие германского правительства к получению по нормальным ценам недостающих нам товаров и военного снаряжения. Наконец, чисто политическая сторона соглашения могла бы выразиться в открытом провозглашении новым правительством строжайшего нейтралитета во время настоящей войны. Кроме того, оно могло бы обязаться, что не вступит ни в какое политическое соглашение, направленное против Германии.

Таковы в самых общих чертах основы соглашения, которые конечно дожны быть разработаны и частью исправлены согласно указаниям сведующих и ответственных людей. Пишущий эти строки задался лишь целью свести в одно и набросать взгляды, в общем верно отражающие взгляды его единомышленников.

В беседах с германцами иногда приходится наталкиваться на следующее возражение: если мы дадим вам все, что вы хотите, какая гарантия у нас, что через два месяца ваше правительство не переменит ориентацию и не пойдет против нас.

Такое возражение можно делать вообще против всякого соглашения. Пусть одни письменные гарантии признаются недостаточными, но крепость всякого соглашения зиждется в основах, которые в нем заложены. Если оно обеспечивает жизненные интересы договаривающихся сторон, то какие более прочные гарантии могут быть найдены?

Надо отдать ясно отчет в положении: русский народ никогда не примирится со своим расчленением и унижением. Его стремление к воссоединению не может быть уничтожено никакими искусственными образованиями и принудительными мерами, что можно наблюдать уже и теперь, когда так ярко выступила несостоятельность раздробления России.

Россия будет стремиться к возрождению или против Германии, или при ее помощи. Мы верим в возможность и плодотворность второго решения. Если в минуту великого испытания Германия, пока еще не поздно, пойдет нам навстречу, она заложит основание тесного сближения гораздо более прочное, чем всякие гарантии. Соглашение должно быть пол-

ное. Нельзя оставить места идеям реванша, нельзя оскорблять национального достоинства и самолюбия несчастного, но великого народа.

Другой вопрос, который иногда слышится в устах германцев: вы хотите все получить, а какую выгоду извлечет из этого Германия?

Мы не в том положении, чтобы мы могли убеждать Германию, в чем ее выгода, но мы сами спросим себя, что для нее выгоднее: Россия в настоящее время — в состоянии анархии, хаоса, очага смуты и пропаганды, и далее, когда прекратится это состояние, которое не может быть вечным, Россия — униженная, расчлененная, затаившая непримиримую вражду к Германии? — или же Россия, возрождение коей пойдет в русле сближения с Германией, Россия, представляющая неисчислимые ресурсы естественных богатств, широкое поле для предприимчивости и приложения сил германских капиталистов и промышленников к обоюдной выгоде обоих народов?

Если искать выгоды в иной плоскости, в том, чтобы выкроить в свою пользу обширную территорию или в том или другом виде получить контрибуцию, то конечно сильная Германия может всего этого достигнуть в настоящее время от обессиленной России, но русские люди, думающие о возрождении своей родины под знаменем монархии, на такие жертвы пойти не могут. Они останутся пока зрителями бедствий, обрушивающихся на Россию, с крепкой верой, что попытка расчленить Россию так же не удастся, как в свое время не удалась попытка расчленить Германию. Время за нас — эта вера нас никогда не покинет, но для решения вопроса в русле соглашения с Германией настал, может быть, последний час.

В заключение, пишущий эти строки просит не посетовать на него за ту полную откровенность, с которой он высказал свои взгляды и опасения. Для него, как убежденного сторонника соглашения с Германией, представляется необходимой полная ясность и договоренность мыслей между обеими сторонами. Думать иначе значило бы не верить в правоту основной мысли, что соглашение и сближение с Германией отвечает жизненным интересам обоих государств. Пусть сильная Германия пойдет навстречу слабой сегодня России.

Киев, 8/21 августа 1918 г.

VII

Дон.
Атаман Краснов.

В этот приезд свой в Киев я остановился у Даруси Горчаковой. Моя жена и Костя уже уехали, первая — в Новочеркасск, второй — в Крым к Бутеневым. Восьмого августа я выехал в Новочеркасск через Екатеринослав. Туда ходили курьерские поезда и так скоро, как раньше никогда не ходили. Расписание было составлено немцами. Поезд качало из стороны в сторону от быстрого хода.

Вдруг, среди ночи, мы были разбужены сильным толчком. Вещи выскочили из сеток. Еще несколько ударов, и поезд остановился. Оказалось, что злоумышленники развинтили гайки из рельсов. По счастью, машинист оказался быстрым на соображение и при первом толчке затормозил поезд. Ехавший с нами инженер говорил, что, видно, в поезде едет счастливый человек, ибо по всем правилам должно было произойти крушение. Между тем, пассажиры отделались легким и коротким испугом. Пришлось прождать несколько часов в поле, после чего мы пересели в теплушки и двинулись в путь и без дальнейших приключений прибыли в Екатеринослав. Оттуда, через Таганрог и Ростов, я прибыл в Новочеркасск и дальше в Персинновку.

Семья моя поместилась на одной даче с Орловыми-Денисовыми. Я тут только узнал, как была добра с моими детьми Ольга Богдановна. Она почти нас не знала до этого, но после бегства моей жены перевезла наших мальчиков к себе и была к ним заботлива, как к собственным детям. Весной, одно время, большевики покинули Новочеркасск, но потом решили вернуться с новыми силами. Тогда все способные носить ору-

жие ушли из города в партизанские отряды. Ушел и старший Орлов — Петя и Николай Лермонтов, и бывший при наших детях учитель, Виктор Иванович Ильенко,*) воспитанник Московской духовной академии. Тогда то Ольга Богдановна и приютила наших ребят, оставшихся без всякого надзора.

Наши мальчики сдружились с Орлятами так, как это бывает только в эти годы. Орлята были старше их. Петя только что кончил гимназию, Пуньке было — 17, Юрке — 15 лет, но летом все развлечения были общие. Было приятно смотреть всю эту лестницу оживленных славных рож, когда по вечерам они усаживались на одну скамью и уплетали за обе щеки кашу. **)

Персиановка представляла мало прелести как дачное место. Деревьев было немного, была небольшая речка, в которой полоскались и удили рыбу наши мальчики. Но им было весело. Они проводили день в общей дружной компании. Там же, в Персиановке, жили Гагарины, Лермонтовы и молодые Осоргины.

После Украины Дон произвел на меня приятное впечатление. Здесь, в первый раз, я увидел трехцветный наш флаг, правда, — рядом с Донским. Здесь, также, я увидел впервые хорошие дисциплинированные части — результаты энергичной работы атамана Краснова. В Персиановке стоял Атаманский казачий полк, весь исчключительно из молодых новобранцев, не испорченных строем после революции. Это была настоящая часть, какие были в доброе старое время.

Новочеркасск сохранил свой прежний облик. Немцев не видно было на улицах. Словом, внешнее впечатление было вполне благоприятное. Я повидал кое-кого из старых знакомых, также министров, и, ознакомившись с внутренним положением, увидал, что не все так хорошо, как кажется.

Все и всех на Дону заслоняла властная фигура Краснова. Он был выбран Атаманом весною, когда Новочеркаск был освобожден от большевиков, и наступила естественная реак-

---

*) В эмиграции отец Виктор Ильенко.

**) Семейство Орловых-Денисовых особенно пострадало. Отец, граф Орлов-Денисов, был один из первых казаков замученных ГПУ. Он был замучен холодным оружием в «Красноярской роще». — Несколько месяцев спустя погиб Петр в партизанском отряде. При Краснове погиб Василий (которого мы называли Пулькой) в Лейб-Гвардейском казачьем полку. Младший сын, Юрий, потомства не оставил и род знаменитого атамана Орлова-Денисова прекратил свое существование. Сохранились только побочные линии — к ним принадлежит и моя жена. У нас висит портрет Атамана, зарисованный в Париже, когда его доицы стояли на Элисейских полях. *М. Г. Т.....*

ция. Это был тот самый Краснов, который вместе с Керенским совершил неудачный поход на Петроград после его занятия большевиками. Рассказывали, будто он торговался с большевиками, предлагая им выдать Керенского в обмен на Ленина и Троцкого.

Краснов был убежденный правый, монархист. Но в общем это был человек умный, честолюбивый, энергичный и неразборчивый в средствах. В сущности, для маленького Дона это был как раз подходящий человек при данных обстоятельствах, когда нужно было изворачиваться с немцами и вести во всю работу по созданию вооруженной силы и освобождению Дона от большевиков.

За несколько месяцев ему удалось достигнуть результатов, которыми он не мог не гордиться. Большая часть Донской области была освобождена. Были подготовлены в тылу новые свежие части на смену старых, сражавшихся с большевиками. Эта мера вскоре доказала всю свою благодетельность, ибо старым фронтовикам надоело воевать, и среди них скоро обнаружились опасные признаки разложения.

Краснову приходилось бороться с крайне неустойчивым настроением казачества. На их пыл никогда нельзя было положиться. Они быстро забывали горькие уроки, которые получили от большевиков. Притом последние недостаточно долго оставались в освобожденных от них южных округах Дона. Поэтому казаки еще не успели тогда вкусить всех прелестей большевицкой власти. Благодаря этому на Дону, как и вообще на юге России, не изжиты были туманные утопии социализма и народничества.

Самовластный режим Краснова раздражал многих местных деятелей, которые сами хотели бы играть роль. Среди военных, предводители партизанских отрядов, вроде Семилетова или Сидорина, чувствовали себя обиженными. Против Атамана были восстановлены местные кадеты, с Парамоновым во главе, который привык вершить за кулисами все дела. Ошибка Краснова была в том, что он не сумел привлечь к себе тех и других. Он предпочитал властвовать безраздельно и не брезгал никакими средствами, чтобы устранять нежелательных соперников.

С немцами он вошел в личные тесные сношения, и последние открыто его поддерживали. Краснову пришлось созвать Войсковой круг. Я приехал как раз к его открытию.

Краснов был великий мастер пускать пыль в глаза. Он выработал торжественный церемониал открытия Круга, извлек из музея старинные регалии — булаву, пернач, бунчуки, закатил парад молодых частей, после которого Круг, хотя и собрался в недружелюбном к Атаману настроении, произвел его из генерал-майора прямо в полные генералы. Правда, что за публика собралась в этом Кругу!

Я получил от председателя Донского кабинета, генерала Богаевского, разрешение посещать Круг. Одно зрительное впечатление было удручающим: это была в громадном большинстве серая полуинтеллигентная, а иногда и вовсе не интеллигентная масса; в тужурках защитного цвета, без погон, они напоминали Совет солдатских депутатов и по своему уровню были не выше его. Понятно, что люди эти совершенно не могли и не умели разобраться в политических вопросах и легко поддавались своеобразной демагогии какого-нибудь Аггеева, который снова занял руководящую роль. Ораторы льстили им, превознося без меры «Всевеликое войско Донское», — казаки падки на шумиху и самопревозношение. Этим пользовались враги Краснова, указывая на то, что он не признает Круга, а хочет самостоятельно царствовать на Дону.

У казаков не существовало никакого аграрного вопроса. Земли было у них вдоволь, все они были зажиточные хозяева. Но аграрный вопрос получил всю прелесть «ограбного» на Кругу. Было решено отобрать у помещиков без выкупа всю землю, и поделить ее между казаками. Докладчиком был популярный Аггеев. Он уже выступил по вопросу о государственном строе Дона, установив принцип народоправства и верховенства Круга. Была выработана целая конституция, ограничивавшая власть Атамана узкими рамками.

Незадолго до того немцы в Ростове арестовали Парамонова и выслали его из области. Осведомленные люди из состава самого Кабинета открыто обвиняли Краснова в том, что этот арест был подстроен им самим. Между тем, Краснов оффициально протестовал и требовал освобождения Парамонова. Противники Атамана раздували эти и другие истории и вели сильную интригу против него.

Правда, что Краснов постоянно подавал повод к неудовольствию. По своему темпераменту и беспринципности он во всем пересаливал. Решив опираться на немцев, он не огра-

ничился рамками необходимого, но возымел намерение связаться с самим Императором Вильгельмом и написал ему письмо, которое намеревался отправить с герцогом Лейхтенбергским. Последнего он назначил Атаманом Зимовной станицы (послом) в Берлин.

Письмо не было послано, но факт и текст его огласились и дали повод Председателю Государственной Думы Родзянко обратиться к Краснову с резким запросом. Краснов вспылил и после не нашел ничего, как выслать Родзянко из Новочеркасска. В письме предлагалось общее соглашение между Доном и Германией.

У Краснова был маленький чиновник Шульгин, который был посредником его личных переговоров с немцами. Это был ничтожный и сомнительный человечек. Один из донских министров предостерегал меня, якобы на всякий случай, что Шульгин шпион. — В переговорах с немцами Краснов несомненно интриговал и против Добровольческой Армии.

Между тем, на Царицынском фронте, откуда с часу на час ожидали известия о падении Царицына, произошла внезапно резкая перемена. Казаки были уже в пяти верстах от города, уже отданы были все распоряжения о вывозе оттуда ценного груза. — В это время казачьи полки замитинговали, отказавшись драться. На фронте произошел прорыв, и только посылкой молодых частей была предотвращена катастрофа, но фронт отодвинулся больше чем на 50 верст.

Разговоры о народоправстве на Кругу не могли продолжаться при прежнем благодушии. К тому же, немцы категорически заявили, что если Краснов уйдет, то они прекратят всякую помощь казакам. — Краснов при таких условиях снова стал хозяином положения и потребовал изменения конституции. Круг принужден был с ним согласиться и просил его остаться Атаманом. В сущности, большинство даже тех, кто ругали Краснова, сознавали, что при всех его недостатках он был незаменим. Это была единственная крупная фигура на Дону. Помощник его, генерал Богаевский, был прекрасный человек, но мягкий и нерешительный. Казаки потому и поддерживали его кандидатуру в атаманы, что рассчитывали при нем захватить бразды правления в свои руки. Остальные члены донского «кабинета» были по своему удельному весу не выше обыкновенных губернских чинов-

ников. С самостийностью на Дону, как и всюду, сплетались местные самолюбия, интересы и алчная нажива.

В этой серой провинциальной обстановке неприятно поражал лежавший в основе всех трескучих фраз и всей стряпни узкий шкурный эгоизм. До России мало кому было дела. «Моя хата с краю» — недаром эта поговорка родилась в казачией среде. Она была беспробудно темная, эта среда, по ней можно было составить себе представление, во что может вылиться принцип народоправства, если он получит применение в России: к засилию полуинтеллигентных вожаков и приспособлению социалистических теорий для удовлетворения низменных инстинктов толпы.

В конце августа я выехал в Екатеринодар и оттуда послал письмо в Центр в Москву, резюмируя мои впечатления от Дона. Вот это письмо:

Екатеринодар, 23 августа 1918 г.

Я надеюсь, что вы получили мои письма из Киева. С тех пор я побывал в Новочеркасске и приехал сюда лишь два дня тому назад. Хотя не успел еще как следует осмотреться, однако не хочу пропустить особого случая, который представляется в Москву.

Прежде всего, о Доне. Все эти маленькие центры отраженно напоминают Киев тем кипением страстей и страстишек, спекуляциями и интригами, словом, нездоровою атмосферою, которая вызывается новыми условиями политической жизни. Дон выгодно отличается от Украины тем, что в сердце области нет немцев, они только на окраинах, — Ростове, Таганроге и в Донецком бассейне, откуда они полагают вывести на-днях войска, о чем заявили Краснову. Такого постоянного повседневного контроля и вмешательства немцев в дела, как на Украине, здесь нет, но все же немецкий глаз и рука все время чувствуются. Всем верховодит умный, энергичный Краснов, честолюбивый, самовластный, неразборчивый в средствах и хамоватый, словом — как раз тип дельца, отвечающего современной большевицкой психике, которая переживает большевиков. Личные свойства Краснова гораздо больше, чем его политика, создали ему непримиримых врагов. По существу дела, Дон не мог не считаться с немцами, как с фактом, и должен был так или иначе определить с ними договорные отношения. Благодаря этому, он сохранил

за собою Ростов и Таганрог, который немцы временно занимают. Самое занятие этих пунктов, равно и на севере Донецкого бассейна, дозволило Краснову, пользуясь этим заслоном, заняться форсированием армии, вооружение коей он также получает от немцев. — За все эти выгоды Краснов связал себя известными обязательствами, за которые его ругают, — недопущения на территорию Дона врагов, борьбу с общими врагами, — но, в сущности, чего стоят эти обязательства!? — Как только обстоятельства изменятся и появится иная сила, так полетят и обязательства.

При таких условиях политика Краснова в общем своем направлении не нуждается в оправдании. Но форма, им усвоенная, невозможна. Он перестарался и перехамил. Самый факт письма его к Императору Вильгельму хуже его содержания. Письмо было незачем писать, и в конце концов оно даже не было передано по назначению, как заявил об этом на Круге Богаевский. Вокруг этого письма создалась шумиха, ибо оно послужило причиной высылке из Новочеркасска Родзянки. Не знаю, каким образом текст письма попал в руки противников Краснова, а от них Родзянке. Последний обратился с запросом к Краснову, между ними возникла резкая переписка, и в результате — высылка Родзянки; в этом инциденте обе стороны перещеголяли друг друга в безтактичности. — Бедный Родзянко переселился в Екатеринодар, где также пользуется весьма относительной популярностью.

С открытием Круга противники Краснова связывали больше надежды. За несколько дней до него немцы в Ростове арестовали Парамонова. Общее мнение приписывает этот арест интригам Краснова, который хотел устранить на Круге влияние одного из самых опасных по своему уму и положению противников. Наружно Краснов выказал все признаки протеста и настаивал на освобождении Парамонова, но, повидимому, тут действительно нет дыма без огня.

При открытии Круга, Краснов произнес очень ловкую речь; чувствуя, что в области растет антинемецкое настроение, он в разсказе о событиях, предшествовавших соглашению с ними, не скрыл все то зло, которое немцы причинили России, но потом с удвоенной силой изобразил бездействие союзников, покинувших Россию на произвол судьбы в отплату за те усилия и жертвы, которые мы ради них понесли в различные периоды войны. Отсюда он ловко обосновал

тяжелую необходимость считаться с немцами и указал, что Дон получил взамен того.

Речь Краснова произвела несомненно сильное впечатление на Круг. Повторяю, политика Краснова вызывает меньше раздражения, чем его приемы. Большинство казаков рады пользоваться результатами его политики, и в то же время иметь возможность его ругать.

Обстоятельства, возникшие на Царицинском фронте в первые же дни работы Круга, еще больше укрепили положение Краснова. Целый ряд казачьих полков отказался исполнять приказание о переходе границ области. Началось братание. Большевики прорвали фронт, и только благодаря тому, что их силы недостаточны, не произошло катастрофы. — На помощь послана вновь формируемая армия из призыва того же года. Казаки хотели обратиться за помощью к добровольцам, но последние заняты серьезными операциями на Кавказе и раньше, чем их кончат, не могут идти на Дон.

В ту минуту, как я пишу эти строки, еще неизвестно, удастся ли донцам ликвидировать прорыв собственными силами. Если молодые части дрогнут, то Дону останется ждать помощи только от немцев. Последние, вероятно, ее окажут. Им слишком важно занять Царицын, чтобы захлопнуть перед Добровольческой Армией дверь на соединение с союзниками.

При таких условиях, заявление, сделанное немцами, что переизбрание Краснова атаманом они ставят условием продолжения прежних отношений с Доном, будет иметь вероятно решающее значение. После смотра новой армии Круг произвел атамана из генерал-майоров прямо в полные генералы. Заслуги Краснова в деле формирования армии несомненно значительны.

Суммируя донские впечатления, я не могу не признать, что положение там весьма мало устойчиво. Казаки воюют с большевиками с прохладцею. Главной приманкою является возможность пограбить убитых большевиков, на которых всегда находят много денег, но в общем война надоела. Не исключена даже возможность новых успехов большевизма в области; большевики ведут умную пропаганду, уверяя казаков, что теперь не тронут их земли и порядков, но что им нужно только, чтобы в Новочеркасске сидели советские власти, дабы иметь гарантию, что казаков не поведут на чуж-

дые им цели. — Это отвечает слабым сторонам казаков. Я слышал на Круге, как один из офицеров говорил, что Дон не должен брать на себя монополию спасения России. Пускай сама себя спасает, тогда и мы поможем. — Ему сильно апплодировали, и его успех стал еще значительнее, когда он заявил протест против пропаганды монархизма в «Донском крае» — официозе Краснова. Круг постановил сменить редактора. Один казачий офицер утверждал, что номера «Донского края» приходится прятать на фронте, ибо они действуют сильнее большевицкой пропаганды, вызывая возмущение казаков.

Посудите сами, можно ли расчитывать на активную роль Дона в деле возрождения России? Самостоятельной силой они во всяком случае не будут, от монополии спасения России «спешат благоразумно отречься». Казаки, как всегда, в далеком и недавнем прошлом, подчинятся той силе, которую сочтут сообразной своим узким шкурным интересам, и скорее даже прогадают в этих своих интересах, чем пойдут на риск. Отечество давно заменилось у них родиной.

VIII

Кубань. Екатеринодар.

—

Екатеринодар, 29 авг. 1918 г.

Теперь о Добровольческой Армии и Кубани. — Численность армии приблизительно за 40 тысяч. Но эту цифру прошу считать **крайне секретной**. К тому же, она все время имеет тенденцию к возрастанию. С одной стороны, из Украины, где гораздо больше знают Добровольческую Армию, чем в Великороссии, все время идут добровольцы. Немцы за последнее время чинят препятствия, но их много легче обойти, чем большевиков.

Многие записывались в Киеве в Астраханскую армию, потом, переехав за немецкий счет на Дон, отправлялись оттуда в Добровольческую Армию. Вследствие этого, немцы, как мне сообщают из Киева, прикрывали вербовку Астраханской армии, но в их распоряжениях нет последовательности. Главный контингент пополнения Добровольческая Армия черпает в принудительном наборе, который растет по мере отвоевания новых территорий. — Основное добровольческое ядро армии сравнительно невелико. Поэтому невольно возникает вопрос, насколько остальные части могут быть использованы за пределами области? — Это — тот-же вопрос, что и на Дону. Я не знаю, как из него выйдут вожди Добровольческой Армии. В сущности, чтобы успешно бороться с большевизмом, нужно усвоить его же приемы властвования и диктаторства. Необходимо не считаться ни с какими га-

рантиями свободы печати и проч. в военное время, и в то же время уметь оправдать диктаторство реальной пользой. Но для этого нужна железная решимость и умение. — Наши военные вожди, бестрашные в боевом деле, конечно не приспособлены к вопросам политики и управления, и здесь гораздо менее решительны. Рядом с «Россией» Шульгина, открыто проповедующей монархию, здесь издается «Сын отечества» и «Кубанский край», где яростно нападают на Шульгина. — Последний вынужден был неоднократно напечатать в своей газете, что он не официоз Добровольческой Армии и проводит свои взгляды на свой страх, ибо вожди Добровольческой Армии находят несвоевременным выявлять монархические лозунги. — Они сами все, конечно, — убежденные монархисты, но считаются с местными настроениями в широких казачьих и интеллигентных кругах, которых вовсе не прельщает монархия, ибо в ней они видят возвращение ко всему старому. Кроме того, вождям Добровольческой Армии приходится считаться и с Восточным фронтом, с которым они в ближайшем будущем вступят в связь. Туда через некоторое время проедет Алексеев.

Я имел беседы со всеми генералами. С некоторыми из них, как Деникиным и Романовским, у меня прочные дружеские связи по прошлому. Это мне помогло рассеять сильное предубеждение, с коим меня встретили, как представителя Правого Центра, за которым упрочнилась репутация германофильства. — Я ознакомил генералов с тем, как обстояло дело ко времени моего отъезда из Москвы, объяснил, почему мы не считали возможным пока связаться ни с одной организацией. В то же время, я высказал все сомнения и опасения, связанные с принятием союзной ориентации и Восточного фронта. — Основательность этих сомнений сознается вполне и здесь, но вожди Добровольческой Армии надеются все же справиться с трудностями. Сюда приезжал с авансами представитель Самарского правительства. Алексеев категорически заявил ему, что ни о каком учредительном собрании речи не может быть, что их правительство, составленное из неизвестных людей, не может претендовать на авторитет, что армия должна быть построена на началах дисциплины, без заведенных ими комитетов и других «демократизаций». — По словам генералов, самарцы ни на что не претендуют, готовы во всем подчиниться и только настаивают на

том, что от земельной реформы не могут отказаться. — Это «только» достаточно велико, но генералы надеются, что, введя военное управление, и добившись от союзников, чтобы все субсидии шли исключительно через Главнокомандующего всем фронтам генерала Алексеева, можно будет, не предрешая коренных вопросов, а занимаясь лишь текущими делами, держать в руках все эти правительства. Вскользь, генерал Алексеев заметил, что некоторые отношения с правыми эсэрами придется иметь. — По этому поводу я высказал отрицательное отношение Правого Центра ко всякому соглашательству. Кроме того, я старался убедить генералов, что если они решатся в конце концов на соединение с Восточным фронтом, то во всяком случае необходимо им раньше договориться на чистоту с союзниками и получить от них гарантию, что они ни с кем иным не будут иметь дело в России, кроме генерала Алексеева, и за ним признают полноту военной и гражданской власти, иначе он попадет в число беспомощных правительств Восточного фронта, а он должен быть над ними и постепенно их ликвидировать. Сам Алексеев решительно высказался против идеи триумвирата и настаивает на объединении полноты военной и гражданской власти в своих руках. — Алексеев, видимо, сознает необходимость такого договора, но мне пришлось слышать такое мнение, что время не терпит, что надо ему туда поехать и на месте решить дело. Впрочем, как я уже писал, сентябрь весь уйдет на операции на Кавказе, и до этого Добровольческая Армия не тронется на Царицын. А не идти туда же нельзя, ибо только в Царицыне она получит снабжение, которого нельзя найти на Кавказе.

Генералы настроены в общем благоразумно в том смысле, что не желают провоцировать немцев. — В числе ближайших предположений Добровольческой Армии, отмечу приглашение некоторых лиц из бывшей бюрократии ведать своего рода министерствами при Добровольческой Армии. Выбор лиц неодинаково удачен, притом неизвестно, где некоторых найти. Намечены Пильц, Риттих, Феодосьев и, наконец, Сазонов.

Сюда приехал В. А. Степанов, находящийся в деятельных сношениях с Добровольческой Армией. Он тоже приглашен в Совещание. С ним же приехал и состоит при Добровольческой Армии Gaulquier.

Теперь о личном командном составе. Алексеев произвел на меня тяжелое впечатление своим болезненным видом; надолго его не хватит и, конечно, фактически он не в состоянии быть диктатором. Его помощником и безотлучно на всех приемах присутствует А. М. Драгомиров, свежий, крепкий человек. По убеждениям — монархист, щульгинского толка. С этой точки зрения, — хорошо, что ему придется подпирать Алексеева, с которым он в самых лучших отношениях, а впоследствии, быть может, заменит его. — Деникин — превосходный боевой генерал, военноначальник, олицетворение доблести и чести, с спокойным, здравым смыслом, но не имеющий государственного опыта. Он и Начальник штаба Романовский, тоже хороший генерал и прекрасный человек, — по преимуществу военные люди, мало сведущие в гражданских делах.*) — Кроме перечисленных генералов, есть еще Лукомский, ныне командированный в Новочеркасск на Круг. Он состоит помощником Деникина. Из генералов Добровольческой Армии он больше всех имеет понятия о государственных делах. Это — ясный, легко схватывающий положение ум, и, в то же время — человек решительный и любящий определенность. В этом отношении его нельзя не ставить выше других, и я надеюсь, что ему удастся сыграть полезную роль в Добровольческой Армии; в то же время он в родственных отношениях с Драгомировым, и оба будут вероятно вести общую линию.

30 августа

Теперь приступаю к общим выводам, полученным мною после моего пребывания на Украйне, на Дону и на Кубани.

Единственная серьезная сила, с которой нельзя не считаться, — это Добровольческая Армия. Она представляет и серьезную матерьяльную и, что еще вернее, нравственную силу, ибо изо всех территорий и образований в России она одна является носительницей русской государственной идеи во всей ее чистоте. Без нее и вне нее я совершенно не представляю себе работы по возрождению России. Добровольческая Армия, как мне сказал Деникин, гордится тем, что не связала себя пока никакими обязательствами ни с кем, —

*) Кстати, как я и думал, Романовский, которого почему-то ославили как республиканца, такой же монархист, как и другие.

ни с немцами, ни с союзниками. Она находится накануне решений, которые выведут ее на новую дорогу. Одно решение совершенно исключается, — это невозможность каких-либо соглашений с немцами. Эта тенденция настолько бесповоротна, что об этом не стоит и начинать разговора ни с одним вождем Добровольческой Армии. Но я этого не делал и по другим причинам.

Из Киева я вам писал, что всякое решение надо отложить до сентября, когда выяснится, состоится ли Восточный фронт. Если состоится, то я считал соглашение с Германией неосуществимым. Теперь можно считать выясненным, что Восточный фронт состоится, что с ним соединится и Добровольческая Армия. Это было бы достаточно, но сюда надо присоединить, что Германия видимо также приняла решение. С одной стороны, она подписала с большевиками соглашение, закрепляющее Брестский договор, с другой стороны, обмен тостов между Императором Вильгельмом и Гетманом в Берлине закрепляет самостийность Украйны, следовательно, — политику балканизации России.

Мы добросовестно и осторожно взвешивали все пути возрождения России. Не опасаясь упреков, которые навлекли на себя, останавливались и на возможности соглашения с Германией, как на самом безболезненном решении вопроса. Наша совесть чиста, но упорствовать дальше, настаивая на комбинации неосуществимой, невозможно. Ее надо снять с обсуждения, — таково мое убеждение.

Теперь другой вопрос: можно ли и должно ли принять союзную ориентацию? На это ответить гораздо сложнее. Решение надо зрело взвесить и постараться принять его сообща. Можно, конечно, уйти от всякой деятельности и ответственности, но допустимо ли это в такую минуту? Ведь предоставив широкое поле другим и оставив Добровольческую Армию с глазу на глас с «демократией», мы понесем такую же ответственность за бездействие, как и за работу, если от нее не устранимся.

Все это надо взвесить. Напишите мне, что думает Правый Центр. Я еду в Крым, где повидаюсь с А. В. Оттуда также постараюсь вам написать. Мой адрес: Ялта, Симферопольское шоссе, дача Эрлангера, Бутеневым, для меня. Между прочим, не найдете ли возможным прислать сюда поскорее матерьял, который был выработан по разным вопросам управления.

Меня очень об этом просили. Может быть, его даже привез бы сюда Д. М. Хорошо бы вступить в контакт с старыми друзьями. Должен сказать, что со стороны Степанова нашел искреннее желание сближения.

Если с рознью в ориентациях будет покончено, одной отравой в нашей жизни будет меньше.

Искренний привет всем.

Г. Т.

—

В Екатеринодар я попал в конце августа. Стояли жаркие душные дни. Город был переполнен. При помощи коменданта одного из городских районов я нашел себе угол в Кубанском войсковом собрании. Это был угол в буквальном смысле слова, ибо в одной, правда, большой комнате спали 6 человек и комната никогда не убиралась.

Екатеринодар в это время года производил недурное впечатление, хотя для южного города в нем было недостаточно зелени; про него нельзя было сказать, что «город утопает в зелени». Я любил ходить на базар. Приятно и красиво было смотреть на груды овощей, фруктов и винограда, которые ежедневно привозились из деревень. Ярко-красный лук и томаты, лиловые баклажаны, желтые дыни, зеленые грозди винограда и горы арбузов — все это напоминало своими красками восток и живо говорило о богатстве и обилии этого благословенного края.

Это обстоятельство было крайне важно для Добровольческой Армии, которая в Кубани имела прекрасную базу в области продовольствия, а также человеческого матерьяла. Кубанские казаки в военном отношении были устойчивее своих донских собратьев.

За эти выгоды, которые она находила на Кубани, Добровольческой Армии пришлось, однако, платить дорогую цену. Они создавали для нее невольную фактическую зависимость от области. К тому же, на первых же порах были допущены роковые ошибки, которые отразились в дальнейшем на всем характере отношений Добровольческой Армии и Кубани.

Когда Добровольческая Армия освободила Екатеринодар, она могла завести там, какие хотела, порядки. Всего проще было бы назначить генерал-губернатора для управле-

ния краем, задаваясь исключительно задачами временного управления в связи с главными военными задачами. В то время, освобожденные от большевиков, кубанцы не могли притязать ни на что большее. Вместо того, высшее командование решило на первых же порах показать себя освободителями, дать почувствовать всю разницу своей либеральной власти от власти большевиков. Кубанцам было обещено, что им предоставят самим устраивать свои дела, для чего будет создана Рада. Вместе с тем, не была даже в общих чертах определена компетенция этой Рады. Правда, в это время у командования совершенно не было людей, с которыми оно могло бы посоветоваться, как направить дело гражданского управления.

Либерализм Добровольческой Армии дал свои плоды с самого начала. В Екатеринодаре нашли себе приют местные эсэры, которые сразу повели кампанию против «реакционного» направления высшего командования и, в противовес ему, стали отстаивать кубанскую самостийность. — Приехавший из Киева Шульгин стал издавать газету «Россия», в которой поместил ряд блестящих статей, раскрывая сущность «народоправства» и противоставляя ему монархическое начало. Шульгин заявлял, что он не является официозом Добровольческой Армии, что он говорит исключительно за свой страх и риск. Это только облегчило эсэровским газетам производить яростные нападки на него, требуя закрытия его газеты.

При первом же свидании с Деникиным я спросил его, почему считают нужным так церемониться со всеми этими проявлениями оппозиции и интригами против Добровольческой Армии. «Не трудно, приехав на три дня, критиковать то, что делается», ответил мне Деникин, «а поживши, Вы увидите, что дело не так просто. Вот Вам пример. Когда мы взяли Ставрополь, я назначил туда военного губернатора. Признаюсь, выбор оказался неудачен. Он с места в карьер объявил, что отменяются все законы, изданные после февральского переворота 1917 года. Тотчас этим воспользовались враги Добровольческой Армии, чтобы повести против нее пропаганду, распространяя слух, что она поставила своей задачей полное восстановление старого строя и чуть не крепостного права. Через неделю полтора уезда было охвачено восстанием. Против нас было 40 000 вооруженных людей. Как же при таких обстоятельствах не соблюдать величайшую осто-

рожность? Надо всех огладить и успокоить и не ставить резко никаких вопросов».

Я не мог не согласиться, что в словах Деникина много справедливости, и не раз вспоминал их впоследствии, когда слышал упреки Добровольческой Армии в мягкотелости. До известной степени она была неизбежным последствием численной слабости Добровольческой Армии и необходимости, при огромных военных задачах и трудностях, поневоле лавировать между внутренними затруднениями и не ставить вопросов ребром.

Когда я уезжал с Дона, для меня было уже ясно, что вопрос о возможном соглашении с немцами в общероссийском масштабе надо считать конченым в отрицательном смысле. Немцы только что подписали соглашение с большевиками, закреплявшее Брестский договор. Кроме того, в это же время Скоропадский поехал на поклон в Берлин. В тостах между ним и Императором самостийность Украйны получила торжественную санкцию. Пусть германофилы продолжали утверждать, что все это ничего не значит, что это — фасад, а на самом деле немцы, будто бы, хотят совсем другого. Двусмысленная игра Германии и нерешимость с нею покончить делало соглашение с нею невозможным. К тому же, в это время стали доходить слухи о том, что на западном фронте далеко не так благополучно для немцев, как это хотели изобразить их официальные представители. Стало известным, что немцы потерпели неудачу в своей третьей по счету попытке идти на Париж. Из немецких же военных кругов стали проникать сведения о колоссальном действии американской техники, о новых приемах наступления, при помощи невероятного количества танков, аэропланов, аппаратов для наведения слепоты на противника при помощи особых зеркал и пр. и пр..

Повторяю, общая обстановка к началу сентября делала ясным вопрос, что о соглашении с Германией не может быть и речи. Но это были соображения утилитарного характера. В Екатеринодаре я встретился и с другой стороной дела.

Генералы, стоявшие во главе Добровольческой Армии, мыслили возрождение России и армии в прямой преемственности от той идеологии, которую они перенесли с фронта бывшей русской армии. Немец был враг, и притом нечестный враг, придумавший удушливые газы, а потом и самых боль-

шевиков. С этим врагом могла быть только борьба на жизнь и на смерть, и невозможны и недостойны никакие разговоры. Изменить союзникам было бы недостойным малодушием, и на всех, кто были заподозрены в германской ориентации, ложилось пятно.

У меня были старые добрые отношения с генералами, но я почувствовал, что мое поведение требует для них выяснения. Лично меня это мало смущало, и я с первых же слов заявил, что не чувствую никакой потребности в чем-либо оправдываться и не признаю за собой и своими единомышленниками никакой вины в том, что мы иначе мыслили пути к возрождению России, чем они, и надеялись найти более безболезненные для этого средства. Во всяком случае, все это, на мой взгляд, принадлежало уже прошлому, и в настоящее время ничто не мешало объединению усилий. Все эти взгляды нашли выражение в письме, которое было продолжением другого, в коем я говорил о Доне. В своих воспоминаниях я стараюсь по возможности не повторять того, что сказано в письмах, а только дополнить последние.

IX

Крым.

Великий Князь Николай Николаевич.

—

Я вернулся из Екатеринодара в Персиановку за детьми, Николаем и Михаилом и выехал с ними на пароходе из Ростова в Ялту, куда прибыл 16/29 сентября. Моя жена с младшими сыновьями Сережей и Петрушей выехала туда же двумя неделями раньше. В Крыму жили Бутеневы, старики и молодые, и мы решили поселиться вместе с ними. Местность, где мы жили, считалась в городской черте, но на самом деле отстояла от города на две версты, на Симферопольском шоссе, на горе над Ялтой. Мы поселились целой колонией, в близком соседстве одни от других: молодые Бутеневы — на просторной даче Эрлангера Бирджевис, в прекрасном саду. Мы жили наискось от них, через дорогу, на даче Эшлимана, еще поодаль — Гагарины и, наконец, ниже, в сторону Ялты, — старики Бутеневы, в имении Уч-Чам у княгини М. В. Барятинской.

Все мы, поселившиеся на этой горе, были очень довольны своим выбором. Гораздо приятнее было жить там, чем в переполненной жидами и спекулянтами Ялте. Мы жили вдали от всякой политики и сенсационных известий, которыми ежедневно питался город, среди чудной природы. Во все стороны были прелестные прогулки. Погода стояла прекрасная всю зиму, плохих дней было немного, и они были не сплош-

ными. Пройдет накануне дождь, все небо заволочет тучами, и кажется, что наступила безнадежная погода. Но на следующее утро выглянет солнышко, рассеет туман и тучи и высушит грязь на дороге. И дети, и взрослые, и старики — все наслаждались этим климатом и прогулками с чудными видами на море.

В Ялте я застал С. Д. Сазонова, который уехал в Добровольческую Армию, где его ждали с нетерпением. Ему не удалось, однако, сразу туда добраться, потому что его задержали немцы в Керчи, но вскоре, благодаря событиям на фронте и в Германии, его выпустили в Екатеринодар.

В Ялте находится и А. В. Кривошеин. Он также скоро ее покинул, направляясь в Одессу. Пока Кривошеин жил в Крыму, он был в частых сношениях с вел. кн. Николаем Николаевичем. Последний со времени своей отставки, вскоре после февральского переворота, жил безвыездно в имении своего брата вел. кн. Петра Николаевича «Дюльбер», рядом с Кореизом. В это время взоры многих были обращены на него. В Москве было решено, что с ним необходимо войти в сношения. Когда Кривошеин собрался уезжать, великий князь не хотел его пускать, не имея никого, с кем бы он мог посоветоваться в случае надобности. Кривошеин указал на меня, и вскоре я получил приглашение приехать в Дюльбер.

Дорога в Дюльбер шла через Ливадию, Орианду, мимо Айтодора. Это — самая красивая дорога на южном побережье Крыма. Все время она вьется вдоль моря, над нею громоздятся скалы, и вдали — волшебный Ай-Петри, с двумя зубцами на вершине, словно замок какого-то чародея. Не так давно эта дорога была одной из самых оживленных. По ней летели придворные автомобили и экипажи. Простых смертных не пускали через Ливадию. Теперь — все пустынно. Лишь утром и под вечер тянутся линейки и редкие коляски из Алупки в Ялту и обратно.

Дюльбер построен во вкусе татарского замка из ослепительно белого мрамора, похожий на сахарное украшение. Крымские архитекторы много изощрялись над всевозможными затейливыми дворцами и дачами. За исключением дворца в Алупке, все эти сооружения как будто задаются целью нарушить своим дурным вкусом красоту природы. В сравнении с другими такими же попытками, Дюльбер все-таки

сравнительно выигрывает, но при ярком солнце глазам больно от его белых стен.

Я был принят очень радушно обеими семьями, жившими в Дюльбере. Вел. князь вспомнил, как я приезжал к нему в Ставку в 1915 году, когда шла речь о занятии Константинополя. Его жена, Анастасия Николаевна, была пожилая толстая женщина, добродушная и мало интересная. Совсем иной была ее сестра Милица Николаевна, жена вел. князя Петра Николаевича. Она была всесторонне образована, имела живой, наблюдательный ум. В ней чувствовался сильный темперамент, честолюбие и опытность в интриге, вывезенная ею вероятно еще из Черногории, где к этому ее приучили маленький двор и большие претензии. Видно было, что она, будучи умнее всех своих родственников, вертит ими по-своему. Ее муж, вел. кн. Петр Николаевич, был простой, добрый человек, обожавший жену и старшего брата. У них были дети, — дочери: молодая княгиня Орлова и княжна Марина, миловидная и милая молодая девушка, уже не самой первой молодости, умненькая и способная; она очень недурно рисовала и писала стихи. Был еще сын, юноша лет двадцати — Роман, красивой и благородной внешности, совсем — молодой принц, но слабенький и изнеженный на вид.

Сам вел. кн. Николай Николаевич выглядывал гораздо более свежим и бодрым, чем когда я его видел в Ставке. Хотя ему было за 60 лет, он держался все также прямо и стройно, благодаря чему казался еще более высоким. В нем сохранилась какая-то юношеская быстрота в движениях.

Я приехал до обеда, в седьмом часу вечера, и потом просидел у него в кабинете до 12 часов ночи. Он неутомимо говорил о делах.

Прежде всего он подтвердил мне то, что конфиденциально я знал уже от генерала Лукомского, а именно, что генерал Алексеев доверительно довел до его сведения, что Добровольческая Армия мечтает, чтобы в известную минуту он стал во главе ее, и запрашивал его принципиального согласия, с тем чтобы оповестить его, когда такая минута настанет. Поручение дано было князю Петру Михайловичу Волконскому. Великий князь, решивший лично не принимать никого, кто являлся бы к нему с каким-либо политическим предложением, не сделал исключения и в данном случае, но через других лиц дал знать Волконскому, что принципиально

он на это согласен, но ввиду особых условий, при коих в свое время состоялась его отставка, он считает нужным, чтобы призвание его к власти состоялось не иначе, как по соглашению Добровольческой Армии с достаточно вескими общественными деятелями, и не носило какого-либо партийного характера. По этому поводу он ознакомил меня с этими условиями своей отставки.

Как известно, последним актом перед своим отречением Государь назначил Великого князя Верховным Главнокомандующим. Великий князь тотчас выехал из Тифлиса в Могилев. Сигнал к общему разложению был уже дан из Петрограда, но оно еще не докатилось до провинции. Всюду по пути Великому князю устраивались торжественные встречи, иногда овации. Когда он приехал в Могилев, его настигла там телеграмма или письмо от кн. Львова, которая должна была предупредить его приезд в Ставку. Князь Львов писал, что воля народа не допускает, чтобы ответственные места занимались кем-либо из семьи Романовых, и что поэтому он не сомневается, что Великий князь сложит с себя обязанности Верховного Главнокомандующего и не поедет в Ставку.

Великий князь остался в своем поезде и выехал на следующий день в Крым, ответив Львову, что его любовь к родине известна и, раз благо родины требует его удаления, он уходит и передает исполнение своих обязанностей Начальнику штаба ген. Алексееву. — Раз во имя «воли народа» и ради блага родины от него потребовали в свое время удаления, Великий князь считал, что теперь, когда его призовут, приглашение должно быть обставлено возможно более авторитетным указанием на то, что это отвечает благу народа и желаниям широких общественных кругов. Будучи неуверен в том, насколько точно в первый раз был передан его ответ, Великий князь просил меня довести обо всем этом, хотя бы в общих выражениях, до сведения Верховного командования, через генерала Лукомского, с которым я был ближе знаком, чем с другими.

«Я лично для себя ничего не ищу», сказал мне Великий князь, «но ко мне постоянно обращаются с разных сторон. Если я могу оказаться полезен для целей объединения, то моя совесть требует, чтобы я выполнял свой долг. Я не могу связывать этого дела с какой-нибудь партией, классовыми или личными интересами. Поэтому я избегаю кого-бы то ни

было принимать. Если Богу угодно будет, чтобы меня призвали, то я так смотрю на свою задачу: освободить страну от большевиков и стоять у власти вплоть до той минуты, когда народ может свободно высказаться о том, какую форму правления он предпочитает. Тогда я, как человек военный, — руку к козырьку и налево кругом марш, — кончил свое дело и ушел. Я не хочу провозглашать себя диктатором, мне это претит. Это — нерусское слово и нерусское понятие. И — еще одно условие: если меня призовет Добровольческая Армия, но против меня будет Сибирская армия, то я не пойду на братоубийственную борьбу из-за своей личности. Я считаю возможным вести борьбу только с большевиками».

Заявления Великого князя были, конечно, не случайными импровизациями среди разговора. Они носили характер долго и зрело обдуманных исходных положений. С своей стороны, я мог только порадоваться искреннему благородству и лояльности, которые в них чувствовались. Вообще, вынесенное мною от личности Великого князя впечатление было более благоприятное, чем я ожидал. В нем много рыцарства. Его первые суждения о людях, о том, как надо поступать в том или ином случае, были всегда просты и верны. В нем было сильно чувство долга и дисциплины. Конечно, в сложных государственных вопросах ему трудно было разбираться, но он останавливался на том, что подсказывало ему непосредственное чувство. Еслиб ему суждено было сыграть большую ответственную роль, то многое зависело бы от того, кем он был бы окружен. Когда он кому-нибудь доверял, то это было не наполовину, всецело, и отношения его к людям были отношениями честного солдата. В течение моего пребывания в Крыму, мне часто и много приходилось видаться с ним, и последующие впечатления только подтвердили то, которое я вынес при первом свидании. Это была простая натура, которую нетрудно было разгодать. Как-то раз он сказал мне про себя: «Я родился вскоре после смерти Императора Николая Павловича, и все мое воспитание прошло в его традициях. Я — солдат, который привык повиноваться и повелевать. Теперь мне некому повиноваться. Я сам должен в известных случаях решить, что должен кому-нибудь повиноваться, — например Патриарху, если бы он мне сказал, что я что-то должен сделать».

Основная черта Великого князя была религиозность. Он ко мне отнесся сразу с полным доверием, потому что узнал

от состоявшего при нем моряка, А. А. Свечина, с которым мы вместе были на Московском Церковном соборе, что я — член этого Собора и принял некоторое участие в учреждении патриаршества. Религиозность у него порою выражалась во внешних преувеличениях. Он постоянно в разговоре, иногда, как будто, без должного повода, осенял себя крестным знамением, ибо склонен был чуть не в каждом происшествии жизни видеть особое вмешательство Промысла Божия. У него был мистицизм, граничивший с суеверием. Он был способен слепо довериться какому-нибудь, старцу или монахине, не обладая чуткостью и уменьем разобраться в том, заслуживают ли они доверия. Поэтому он мог подпасть влиянию шарлатана. Обе черногорки — Великие княгини имели к этому, может быть, еще более преувеличенную склонность. Через них Распутин получил доступ в царскую семью. Впрочем, я думаю, что как ни прислушивался Великий князь к словам черногорок и как ни склонен сам внимать прорицаниям и советам старцев и монахов, однако в нем все же была и сила воли и здравый смысл, который не мог быть затемнен до конца. Я думаю, что он был бы неспособен подчиниться всецело режиму Распутина, как это случилось с покойным Государем.

Великий князь очень доверял протопресвитеру о. Шавельсккому, который был при нем в Ставке. Шавельский был прекрасный священник, но его вера была простая, солдатская. Может быть, поэтому он находил легко доступ к сердцам солдатской массы. Мисцицизма в нем не ночевало, и, как человек прямой, он откровенно предостерегал от него Великого князя и напоминал ему пример Распутина. Делал он это раньше и так же говорил и теперь; он приехал в Дюльбер из Киева, куда спасся из Совдепии, и прогостил несколько дней в Дюльбере, по дороге в Екатеринодар.

Мне довольно часто пришлось бывать в Дюльбере. Обыкновенно, Великий князь посылал за мной днем лошадей. Я приезжал к обеду и оставался ночевать. Всегда я встречал со стороны всех обитателей Дюльбера самое радушное отношение. Управляющий Двором барон А. И. Сталь был очень милый человек; его дочь в эту зиму стала невестой графа Ферзена. — Хотя все было очень просто, однако известный этикет соблюдался и все-таки чувствовалась атмосфера маленького Двора, которая для меня, непривычного человека,

отзывалась чем-то архаическим и затхлым. Все застыло в прошлом в маленьком Дюльбере, в то время как во всем мире бушевала буря, вырывавшая с корнем вековые монархии и учреждения. Не раз эта мысль приходила мне в голову, когда я возвращался из Дюльбера, не раз я думал, как мало такая обстановка придворного монастыря готовит к управлению людьми и событиями после нового всемирного потопа, но в то же время, тогда, как и теперь, я не могу себе представить Россию без царя, в виде какой-нибудь радикальной или буржуазной республики, которая выветрит все, что у нас есть русского, дорогого нам, и постарается снять на смарку все наше прошлое. Какими идеалами будет жить такое государство? — Идеалами сытого желудка или наживы кулаков под трескучими фразами о равенстве и братстве? — Стоит ли мечтать о воссоздании такой России, что в ней будет русского? — Если же нам нужен царь, то расчистить почву для монархии мог бы, как мне казалось, всего лучше именно Великий князь Николай Николаевич. Теперь, конечно, с вынужденным отъездом его и всей царской семьи из Крыма за границу, с признанием адмирала Колчака верховным правителем России, обстоятельства изменились и будущее остается темным и полным неизвестности.

Я приехал в Ялту 16 сентября старого стиля. — В это время события пошли одно за другим с ошеломляющей быстротой. — 24 сентября. В дневнике Папа Бутенева записано под этим числом: «Ошеломляющее известие. Вильгельм просит Вильсона передать союзникам свое согласие вступить в мирные переговоры на основании 14 пунктов Вильсона и тотчас начать перемирие». Через несколько дней пришло известие о новом министерстве в Германии во главе с принцем Максом Баденским и с участием Шейдемана и других социалистов. — В Ялте была германская книжная лавка для немецкого гарнизона — Feldbuchhandlung. Я покупал там ежедневно несколько газет различных направлений и читал их с захватывающим интересом. Особенно интересна была резкая перемена настроения с того дня, что Германия пошла на мир. Оно сразу стало революционным. Но Вильгельм сразу пошел на крупные уступки. У него, конечно, перед глазами был пример Государя, и он решил дать сразу и по доброй воле все, что способно было удовлетворить широкие массы. И нельзя не признать, что первые впечатления были в пользу правиль-

ности его рассчета. Социалистическая «Vorwärts» приняла тон сдержанного официоза, призывала рабочие массы к умеренности и осторожности, возбуждала в них чувство ответственности. — Удар монархии в Германии был нанесен извне Вильсоном, когда в одной из своих нот он ясно указал на необходимость не на словах, а на деле доказать, что отныне Германия — страна, где царит народоправство, а не режим личного произвола. Это было еще яснее повторено в следующей ноте. Когда перед немцами стала дилемма — что спасение Германии возможно лишь при отказе от монархии — участь последней была решена. Вильгельм отрекся и уехал с Кронпринцем в Голландию. Но ничего похожего на то, что было у нас, никакого хамского обливания помоями того, перед кем трепетали накануне, ничего этого в Германии не было. Было скорее чувство, что принесена тяжелая жертва для спасения родины и что Император так на это и посмотрел и сам не усумнился ее принести. — Вот впечатление, не знаю, — верное или нет, которое я вынес тогда из чтения газет.

Первого октября я поехал в Гаспру, имение графини Паниной. Там жил кадетский патриарх и ветеран Иван Ильич Петрункевич, женатый на матери графини Паниной. К ним только что приехали из Киева дочь его жены, Софья Владимировна Панина, — известная деятельница, и член к.-д. партии Николай Иванович Астров, — оба по дороге в Екатеринодар. Они пригласили меня к себе, и я совместил это с поездкой в Дюльбер, потому что Гаспра была расположена на горе как раз над Дюльбером. В Гаспре было созвано небольшое совещание. Приехали М. М. Винавер, В. Д. Набоков и А. В. Тесленко. Все это были кадеты. Из кадет, кроме меня, был приглашен только П. П. Рябушинский, живший в Алупке, да еще с ним приехал Сироткин, председатель Нижегородского биржевого комитета. — Говорили о международном положении. У кадетских лидеров были иллюзии насчет программы Вильсона. Они готовы были наивно поверить, что наступает новая эра в международных отношениях, конец войнам, «на земле мир, в человецех благоволение». Самые умные из них были все-таки теоретики и утописты!

Кроме международного положения, говорили и о внутреннем. — Из газет стало известно, что в Уфе образовалась какая-то директория из пяти лиц. В нее выбраны были Ан-

ксентьев и, между прочим, Н. И. Астров. Последний говорил, что узнал о своем избрании только из газет, но что, судя по этим газетным сведениям, то, что произошло в Уфе, близко подходит к основам соглашения, состоявшегося в Москве между Национальным Центром и левыми. Астров высказывал намерение через некоторое время проехать из Екатеринодара в Уфу и там решить, следует ли ему вступать в директорию. Сам он склонялся, видимо, к этому решению и просил присутствующих, в мере сил, поддержать новую власть. Кадеты, видимо, предварительно спевшиеся, имели в виду провести такого рода резолюцию, хотя собрание было так малочисленно и случайно, что в сущности резолюции его не могли иметь особого значения. Мы с Рябушинским запротестовали. Рябушинский выразил сомнение, чтобы многоголовая директория, в которой притом социалисты занимали, повидимому, господствующее положение, могла стать источником власти для России. Я высказывался в том смысле, что ядром государственного возрождения и строительства может быть только Добровольческая Армия, но что ее следовало бы возглавить лицом, авторитет коего был бы бесспорен и в то же время был бы популярен среди самой армии. Я назвал Великого князя, добавив, что для союзников его имя могло бы быть популярно хотя бы потому, что он первый провозгласил освободительные лозунги войны и обращении к полякам и австрийским славянам. На мои слова никто не отозвался. Но, к моему удивлению, старик Петрункевич, когда в частном разговоре коснулись того же вопроса, сказал: «Если действительно имя Великого князя способно одушевить армию и довести нас до Москвы, то я пошел бы на это». — В устах Петрункевича такое признание имело свою цену. Как я потом узнал, за несколько дней до того старику пришлось на примере собственной семьи убедиться в том, какие перемены происходят в настроении молодежи. У него был внук, молодой малый лет 26. В недавнее сравнительно время он был левым, чуть ли не эсэром. И вот он приходит и заявляет, что хочет ехать в Екатеринодар и поступает в Добровольческую Армию. — Дед обрадовался. — «Только я поступлю под одним условием», добавил молодой Петрункевич, — «если они хотят царя посадить. Если они этого не хотят, то мне с ними не по дороге». Старик был очень озадачен.

Я только потому несколько дольше, чем это само по себе заслуживало бы, припоминаю маленькое совещание в

Гаспре, что оно показывает, как в то время мысль еще бродила впотьмах и каждый искал по-своему выхода из положения. В Гаспре собрались самые видные представители к.-д. партии, но видно было, что они совершенно не знали, на чем остановиться.

Я ночевал в Гаспре, и у меня навсегда врезалась в память лунная ночь и волшебный вид, открывавшийся с верхней террасы на море и в противоположную сторону на горы. Ай-Патри, который с нашей горы виднелся издали, окутанный голубой дымкой, здесь казался близким и нависал прямо над нами.

Днем нас угощали великолепными персиками и таким виноградом, какого я нигде не ел в Крыму.

В октябре месяце состоялась поездка в Яссу русских общественных деятелей разных партий. Одно, на чем могли объединиться представители либерального направления и социалисты, — это на просьбе к союзникам о скорейшей помощи, а во внутренних делах — на единстве военного командования. Обе группы расходились на вопросе, быть ли единоличной диктатуре или директории. Самая постановка вопроса была совершенно отвлеченная, ибо ни у одной из групп не было силы и возможности привести свое решение в исполнение. Украйна завоевывалась Петлюрой, этим невольным подставным агентом большевиков. Одесса сама по себе была бессильна, а Екатеринодар не мог по отношению к ней и к Крыму предпринимать в то время никаких реальных действий. При общем бессилии, говорить о формах власти было по меньшей мере академическим занятием. Но само по себе бессилие невольно рождало попытки найти какой-нибудь выход из положения, и за неимением практической деятельности, время проходило в бесплодной, но порой ожесточенной полемике и бесконечных заседаниях. Меня звали и в Одессу и в Яссы, но я никуда не поехал, не видя для себя настоящего дела.

Оставаясь верным своему правилу писать лишь про то, чему я был свидетелем, я не буду говорить здесь о всем, что произошло зимой. В конце ноября я выехал в Екатеринодар по вызову С. Д. Сазонова. В то время предполагалось устроить под его председательством совещание по вопросам внешней политики. Об этом хлопотал Винавер, желавший играть роль, но вскоре он нашел применение для своего

тщеславия, ставши министром Иностранных Дел эфемерного Крымского правительства. Напоминаю, кстати, что при немцах в Крыму было образовано правительство генерала Сулькевича. При своем возникновении оно заявило о временном своем характере, впредь до воссоединения с Россией. В Крыму были восстановлены органы самоуправления по старой цензовой системе. Когда в Германии произошел переворот и у власти стали социалисты, то в Крыму решили также сделать свой маленький переворот, заставили Сулькевича уйти и образовали коалиционное правительство из кадет и левых. Во главе стали кадеты: Крым, Винавер и Набоков, — цвет партии. Те несколько месяцев, что это правительство было у власти, оно представляло жальчайшее зрелище. Оно беспомощно уступало давлению левых, готовило выборы в крымское учредительное собрание по сложной пропорциональной системе, совершенно не боролись с пропагандой большевизма, которая бесцеремонно развивалась у него на глазах, и цензовых Думы и Земства заменила самоуправлением по четыреххвостке. В этих думах и собраниях говорили все больше о политике и критиковали Добровольческую Армию и менее всего занимались вопросами местного хозяйства. Оно и понятно, — легче было болтать, чем поправлять дороги и мостовые, когда казна была пуста. Краткий эпизод Крымского правительства ярко иллюстрировал несостоятельность кадетской политики. Украшение к.-д. партии, Винавер, который раньше тешился званием сенатора, полученного им при Керенском, теперь был упоен званием министра, хотя бы Крымского. Ему доставляло детское удовольствие получать от иностранцев конверт с надписью: A Son Excellence..., и он не отказывал себе в удовольствии произносить речи и делать декларации не только от маленького Крыма, но и от имени России.

Итак, удовлетворенный этой ролью, Винавер забыл о совещании в Екатеринодаре. Другие лица из числа намеченных не приехали, и сожалеть об этом, конечно, не приходилось. Но мне, в сущности, нечего было делать в Екатеринодаре. Сазонов ехал в Париж; решено было, что я поеду вместе с ним ему на помощь. Я выехал неделей раньше его в Ялту, но по дороге заболел испанкой и возвратным тифом и так ослаб, что до половины февраля нечего было и думать о путешествии.

X

Екатеринодар.

Генерал Деникин и «союзники».

Во время моего пребывания в Екатеринодаре я набрался впечатлений, которые навели меня на некоторые неутешительные мысли.

Неприятно было, прежде всего, зрительное впечатление. Екатеринодар был полон офицеров. По главной улице, Красной, они слонялись праздные, целыми толпами, наполняли все кофейни и рестораны, сорили бешенные деньги, в то время как получали ничтожное жалованье, легко проигрывали тысячи рублей в карты. Все эти офицеры приезжали с фронта. Екатеринодар был Ставкой, но в то же время — ближайшим тылом для армии, куда приезжали отдохнуть и покутить. Начальство смотрело сквозь пальцы на все эти непорядки. Печально было то, что междоусобная война узаконила нравы грабежа и мародерства. На убитых большевиках находили десятки тысяч рублей. Их считали военной добычей участников сражения. Может быть, поэтому также не любили брать в плен большевиков.

Военные нравы дошли до крайней степени огрубения. Тяжести походной жизни были велики, особенно зимой, когда обувь и одежда совершенно износились, а приходилось воевать порою среди глубоких снегов и сильного мороза на Кавказских горах. Среди этих лишений войска совершали чудеса храбрости. Так они разгромили значительно превос-

ходившую их числом и вооружением большевицкую армию в Терской области. Но подвиги, награждаемые грабежом, зачастую оканчивались для офицеров диким разгулом. Жизнь человеческая утратила свою ценность. По малейшему поводу, иногда без всякого основания и всего чаще под пьяную руку, офицеры стрелялись между собой, иногда убивали кого-нибудь, кто в такую минуту неудачно подвертывался им на глаза. За две с небольшим недели моего пребывания в Екатеринодаре я слышал о трех таких убийствах.

Партизанская война рождала особые типы войск и вождей. Некоторые полки, например Корниловский, Марковский и другие, имели уже традиции неустрашимости и доблести, которые соблюдались неизменно. Люди в этих полках, когда шли цепью, никогда не ложились, а шли во весь рост. Конечно, они несли порою большие потери, но на смену одним храбрецам находились другие. Корниловским полком командовал офицер, которому не было еще 25 лет, когда его назначили. Зато эти же полки были немилосердные грабители и отчаянные скандалисты.

Громко прославились партизанские вожди Шкуро, Покровский и другие. Это были молодые люди, которые 26-27 лет попали в генералы, — безумно отважные атаманы разбойников. У Шкуро была особая «волчья сотня» из отчаянных удальцов, готовых пойти за своим командиром в огонь и в воду. Зато он щедро награждал их, не забывая и себя, из награбленной добычи. Это делалось открыто, но не было вождя, более популярного, чем Шкуро. Одно его имя наводило трепет на большевиков и создавало среди них панику. Он был вездесущий, сегодня — на одном фронте, завтра — на другом, всюду, где было жарко и требовалось нагнать страх. В освобожденных городах его забрасывали цветами.

— Понятно, что такой способ войны, возвращавший людей в средневековье, имел особую прелесть поэзии для смелых удальцов, как своего рода узаконенное разбойничество. Но с такими людьми и привычками нелегко придется при водворении порядка. И теперь, когда освобождаемые от большевиков города и селения подвергаются порою разграблению со стороны освободителей, едва ли это способствует задаче Добровольческой Армии.*)

При мне в Екатеринодар приехала английская военная миссия с генералом Пулем во главе. До большевицкого пе-

---

*) Писал в июне 1919 года.

реворота он жил в Петрограде и прекрасно изучил нашу армию и ее нужды. Перед приездом в Екатеринодар он командовал союзными войсками в Архангельске. Англичане были хорошо расположены к нам, но говорили, что на помощь живой силой нельзя рассчитывать ввиду утомления союзников от войны. Зато они обещали в полной мере материальную и техническую поддержку. В общем, следует сказать, что англичане сделали скорее больше, чем обещали. Совершенно иначе держали себя французы, которые в то время не скупились на обещания.

Это было время расцвета надежд на скорую помощь союзников. Французы начали приготовления к посылке десанта в Одессу. Это рисовалось, как начало образования большой союзной армии, которая заменит немцев, вышибит большевиков из Украины и обеспечит Добровольческой Армии продвижение на Москву.

В Одессе был французский Генеральный консул Энно, по всем отзывам — человек не только благожелательно относившийся к России, но и прекрасно ее понимавший. В Екатеринодаре были агенты третьего сорта. После молодого, симпатичного, но неопытного Gaulquier приехал также молодой, юркий и самоуверенный Эрлиш, судя по фамилии, не настоящий француз. Он давал понять, что обладает чрезвычайными полномочиями, приписывая себе особые заслуги в деле спасения России, словом, был маленьким Хлестаковым, довольным играть роль. Наши военные, конечно, не умели разобраться в том, какая кому цена, и, чем больше они поверили, что в награду за их верность союзники окажут им самую действительную помощь, тем сильнее и горче было очень скоро их разочарование и даже негодование.

Союзники, с своей стороны, не могли не обратить внимания на бросавшихся в глаза недостатки Добровольческой Армии, на ее распущенность. Англичане предлагали прислать своих инструкторов, но им ответили, что в Добровольческой Армии и без того избыток офицеров и что поэтому нет нужды в инструкторах.

С того момента как между союзниками и Добровольческою Армиею установилась живая связь, можно было наблюдать, как они старались оказать на нас воздействие в смысле демократизации. Видно было, что на Западе демократия подняла голову и союзным правительствам приходилось с этим

считаться. Всякие проявления монархизма в армии вызывали их осуждение. Они старались убедить высшее командование, что, чем яснее будет демократический характер Добровольческой Армии, тем легче будет союзным правительствам влиять на общественное мнение у себя дома, чтобы оправдать и усилить помощь, которая оказывается. Ничего не понимая в наших внутренних делах, союзники продолжали путать так же, как путали со времени февральского переворота. Для иных, например для французского правительства, быть может, для англичан, нужен был главным образом фасад, но для Вильсона и для тех течений, которые поддерживали его программу в русском вопросе, нужна была сущность; они боялись реставрации монархии в России, возможного в будущем союза ее с Германией. Все эти течения еще яснее обозначились, когда я снова поехал в Екатеринодар, по вызову Нератова, с тем чтобы ехать дальше в Париж. Это было в начале марта.

Я с сожалением покидал начало благоухающей весны в Крыму. Я настолько поправился, что уже сходил вниз в город. Особенно приятно было бывать на музыкальных вечерах у моей belle soeur Александры Владимировны Трубецкой. Ее дочь Люба Оболенская была серьезная пианистка. У них подобрался квартет очень недурной, они прекрасно сыгрались и отлично исполняли классическую музыку. Иногда приезжал муж Любы, Алеша Оболенский, у которого был редкий голос. Все они сами любили музицировать и не заставляли себя просить. В этом году мы слушали много хорошей музыки. Но перед самым отъездом в Екатеринодар я получил настоящее музыкальное наслаждение. У Петрункевичей в Гаспре гостила его племянница, известная певица Ян Рубан. Это была настоящая серьезная артистка с тонким художественным вкусом и сильным музыкальным темпераментом. Кроме того, она была примилая женщина. Она жила, кажется в гражданском браке, с неким Влад. Иван. Полем, большим оригиналом, тоже очень милым человеком и музыкантом; он аккомпанировал своей жене. Оба они согласились приехать к нам на гору и исполнили концерт в Уч-Чаме у кн. М. В. Барятинской. Репертуар был самый разнообразный. Но Ян Рубан с таким же мастерством исполняла старинные французские песенки, как русские романсы и Шумана и Шуберта и, наконец, Шопена. Она с таким захватывающим дра-

матизмом исполнила его Chant polonais, что действительно мурашки пробегали по телу. Такого мастерства в исполнении я не слышал ни у одной певицы. С маленькими голосовыми средствами и голосом, который при меньшем искусстве звучал бы порою скорее неприятно, она достигла верха прекрасного. Это было мос последнее чарующее впечатление от Крыма. На следующий день, кажется, я уехал в Екатеринодар.

Приехав в Екатеринодар, я застал полную перемену отношений к союзникам. В Управлении Иностранных Дел мне дали прочесть всю переписку за это время с нашими представителями в Париже, по телеграфу, и с союзниками в пределах России.

Англичане сосредоточили свое внимание на Кавказе. В самом начале их пребывания там, их политика не могла не внушать серьезных сомнений и опасений. Они заняли Баку и Батум, и казалось, что больше всего интересуются эксплуатацией наших нефтяных богатств. Совершив победоносный поход в Терской области, добровольцы торопились занять Грозный до англичан, — это им удалось. Англичане открыто покровительствовали всем самостоятельным маленьким государствам в Закавказье. Правда, полной последовательности и однообразия в их отношении к разным областям не замечалось. Различные генералы действовали каждый по своему усмотрению. Между английскими властями попадались люди, служившие в Индии и в Персии и вынесшие оттуда традиционное недоброжелательство к России. — Разницы в отношениях была, однако скорее в степени, чем по существу дела. Английские власти в Закавказье совершенно не признавали Добровольческую Армию и заявляли, что ей там нечего делать, что все ее задачи на севере. С легкой руки англичан, грузины заняли определенно враждебную позицию по отношению к русским вообще и Добровольческой Армии, в частности. Русские в Тифлисе подвергались настоящему гонению. Особенно потерпела русская Церковь. Главарями самостийности и отторжения от России, сначала при помощи немцев, потом — союзников, явились люди, в свое время возглавлявшие революцию у нас, — «вождь российской революции» Церетелли, Гегечкори, Чхеидзе и К°. Трудно себе представить более отвратительное зрелище, которое в достаточной мере могло бы вскрыть, насколько наша революция носила национальный характер! Но тут же вспомина-

ется самостийность Свиты Его Величества генерала Скоропадского, и тогда не знаешь, что более тошнотворно!

Действия англичан были настолько неприязнены, что они вызвали со стороны Деникина запрос в той простой солдатской форме, в которой он вообще привык выражать свои мнения. Он просил англичан разъяснить, имеем ли мы дело с союзниками или с врагами? В то же время, вначале, дело снабжения подвигалось крайне туго. Добровольческой Армии удалось получить лишь некоторое количество боевого снаряжения, оставшегося в Румынии, но румыны и на это смотрели, как на милость, и хотели, чтобы им было заплачено хлебом. Они предлагали помочь и в борьбе с большевиками, но за это требовали добровольной отдачи нами Бессарабии. Все это в достаточной степени охладило пылкое отношение к союзникам.

Пока англичане занялись обделыванием своих делишек на Кавказе, дело обстояло еще более остро с французами в Одессе. Туда были переброшены никуда не годные французские войска с Салоникского фронта. Французское командование само признавало, что с такими солдатами нельзя предпринять ничего серьезного. На помощь себе они взяли греческие, которые, по общим отзывам, выглядывали гораздо лучше французов и шли под лозунгом освобождения Православной церкви от гонителей ее. Союзники обещали грекам компенсации за участие в русской экспедиции.

Французы устали и не хотели воевать. Они быстро поддавались большевицкой пропаганде и разлагались. Во главе корпуса, находившегося в Одессе, стоял генерал д'Ансельм, квадратный генерал, ничего не понимавший в русских делах. Начальником его Штаба был полковник Фреденберг, еврей, который руководил всем делом. С самого начала между военным командованием и Генеральным консулом Энно возник резкий конфликт. Энно хорошо знал сложную политическую обстановку, ему доподлинно было известно, например, что Петлюровское движение содержалось на германские деньги. Тем не менее, первое, что решило предпринять французское командование по прибытии в Одессу, — это войти в сношения с Петлюрой. Можно, повидимому, с серьезным основанием утвердить, что сам Фрейденберг получил крупную взятку.

С Добровольческой Армией у французов сразу установились неприязненные отношения. Французы не хотели приз-

навать Деникина и вовсе не считались с теми, кого он назначил в Одессу. Правда, что и представители Добровольческой Армии были генералы, которые, получая распоряжения Деникина в свойственном ему солдатском стиле, заботились только о том, чтобы ничего не изменить в этом стиле. Во главе всей экспедиции был сначала назначен генерал Бертело, находившийся в Румынии, потом генерал Франше д'Эсперэ, Главнокомандующий всеми французскими силами на Востоке, который из Салоник переехал в Константинополь.

Между высшим французским командованием и Деникиным шла переписка в таком стиле, что можно было подумать, что обе стороны думают только о том, как вызвать окончательный разрыв между собою. Вместо этой переписки, конечно, самым простым и целесообразным способом положить предел недоразумениям было бы съехаться, столковаться и размежеваться. Между тем, генерал Бертело приезжал в Одессу, но свидания этого не состоялось. Бертело был в общем хорошо расположен к России. Потом его отставили и назначили Франшэ — грубого бурбона. Этот тоже приехал в Одессу, демонстративно отослал генерала Санникова, которого Деникин назначил генерал-губернатором, и Гришина-Алмазова, командовавшего добровольческими войсками. Объявив Одессу на осадном положении, он назначил Начальником крепостной обороны генерала Шварца, не спросив согласия Деникина. Из Одессы Франшэ проехал в Севастополь, где пробыл несколько часов, потом уехал в Константинополь.

Отношения достигли высшего напряжения. Если французы хотели предпринять серьезную экспедицию в Россию, то свидание между главными вождями было необходимо. Был целый ряд вопросов, по которым требовалось соглашение: разграничение территориальных сфер действий и области ведения французского командования. — Французы хотели организовать смешанные франко-русские части с своими инструкторами. Они настаивали на добровольной вербовке армии и на значительном увеличении окладов. Между тем, Деникин считал невозможным с этим согласиться. Он признавал необходимым соблюдать тождественные условия для русских частей, находящихся под французским командованием и в области Добровольческой Армии; увеличивать жалование у себя до пределов, которые французы признавали желательными, он не мог, и не допускал аукциона, который

вызвал бы переброску из одного лагеря в другой. Добровольческая Армия, перешедшая уже на систему принудительной воинской повинности, не могла согласиться с ничем не оправдываемой льготой на территории, где действовали французы. По словам генерала Санникова, эта мера не оправдывалась местными условиями. Наоборот, крестьяне близ Одессы, опасаясь, что большевики могут взять верх, говорили, что для них предпочтительнее принудительный набор, а что если они поступят добровольцами, то большевики вымстят им за это на их семьях. — Кроме этих вопросов, весьма важно было установить отношение гражданского управления в сфере действия французов к Добровольческой Армии. Деникин предлагал применение нашего военнополевого положения, в силу коего военные власти получали самые широкие полномочия и гражданские власти подчинялись им во всем, чего они требовали во имя военного интереса. Французы, видимо, хотели заводить свои порядки, не считаясь вовсе с гражданским управлением Добровольческой Армии.

Франшэ д'Эсперэ прислал Деникину телеграмму из Одессы. Как ни раздражен был на него последний, он понимал всю необходимость свидания и ответил в этом смысле в Константинополь. Чтобы смягчить остроту вопросов, подготовить почву для возможного соглашения, предполагалось, что я проеду вперед в Константинополь, переговорю с Франшэ и потом вместе с ним проеду в Севастополь, где, как предполагали, состоится свидание между обоими генералами, и затем уже поеду в Париж.

В это время положение на Крымском фронте стало внушать опасенья. Для Добровольческой Армии, Крым не представлял оссбенного интереса с военной точки зрения. Он был скорее обузой, потому что его приходилось продовольствовать.

Одно время Деникин думал о переселении Ставки в Севастополь. Были уже посланы квартирьеры, чтобы наметить помещения, но со стороны французов последовал резкий протест, — они считали, что Крым должен отойти в их сферу действий. С тех пор для Добровольческой Армии Крым стал еще более безразличчен. Между тем, в нем было очень мало добровольческих частей, и те, которые были, не отличались высоким качеством. Они образовались на месте из

офицеров, проживавших в Крыму. Многие из них не шли в Добровольческую Армию, пока она состояла из горсти героев, а теперь, когда она выросла в серьезную силу, сочли благоразумным оформить свое положение и записаться в ее ряды. Были, конечно, и хорошие офицеры, но большинство примкнуло к Добровольческой Армии, чтобы пристроиться на Крымском фронте, где ни что не предвещало серьезных действий. Много гвардейских офицеров стремились пристроиться к охране Великого князя. Жены и сестры офицеров, спокойно проживавших в Крыму, распространяли всякие небылицы про Добровольческую Армию, чтобы укрепить в своих мужьях и братьях удобную отговорку от поступления в «такую» армию, где будто бы только пьянствуют и грабят и где сражаются за учредительное собрание. Такие элементы не могли усилить те отряды, которые формировались в Крыму.

Штабы были всегда одним из самых слабых мест в организации Добровольческой Армии. В Симферополе и Севастополе организовались штабы, в которых сидело масса народа, уклонявшихся от фронтовой службы.

Все эти условия, как и антагонизм между армией и гвардией, привели к тому, что в серьезную минуту не создалось в Крыму настоящей военной силы.

Оборона Крыма облегчалась природными условиями. Если бы во время подумали об укреплении узких перешейков, соединяющих полуостров с материком, то для защиты его понадобились бы незначительные силы. Неизвестно чем занимались штабы, но в последнюю минуту за это дело взялся посторонний, энергичный инженер Чаев,*) но было уже поздно. И в эту минуту штабы выразили претензию, это мол, поздно. И в эту минуту штабы выразили претензию, что мол, дожны были сделать, но не сделали.

Когда положение в Крыму стало угрожающим, французы дали знать: подержитесь еще только всего две недели, и мы поможем. Вследствие этого, почти до конца существовала надежда, что Крым удастся отстоять. Французский представитель при Добровольческой Армии, полковник Корбейль, не

---

*) Талантливый инженер Чаев попал в Париж, как и все «без копейки», но вскоре основал крупное строительное предприятие: «solomite» (пресованная солома). В Парижском пригороде «Медон», стоит им построенная из пресованной соломы, чудная Православная церковь. М. Г. Т.

допускал мысли, чтобы французское командование не приняло нужных для того мер, ввиду значения Крыма с военно-морской точки зрения, и необходимости удержать его для обеспечения связи союзников с югом России. — Двух дней нехватало до окончания двухнедельного срока, назначенного французами, когда добровольческие части дрогнули и отошли от перешейков. Конечно, не в этих двух днях было дело. Добровольцев было мало и они были деморализованы. Солдаты перебегали к большевикам. Французов было достаточное количество в Севастополе. Туда только что прибыли тюркосы, ожидались новые подкрепления, но в Севастополе, как и в Одессе, французы не расположены были воевать.

По этому поводу я побывал у Деникина. Я сказал ему, что ознакомился со всей перепиской с союзниками и что ничего подобного по форме мне раньше не приходилось читать. Деникин улыбнулся и сказал: «А вам хотелось бы что-нибудь в Сазоновском стиле?» — Я ответил, что действительно я предпочел бы этот стиль. — «Да ведь это же не переписка между дипломатами», как бы удивляясь моей наивности, пояснил Деникин, «а между солдатами». — «Простите», возразил я, «еслиб я позволил себе что-нибудь сказать по поводу Вашего обращения к кому-либо из Ваших генералов, так это было бы конечно неуместно. Но в данном случае идет речь об обращении русского Главнокомандующего к французскому, все значение формы определяется международным характером этих отношений. Я хотел бы знать: нужны ли Вам французы или нет? — Если нужны, то, хотя я вполне понимаю искреннее негодование, возбуждаемое их поведением, я полагаю, что с своей стороны мы не должны давать повода к разрыву». — «Да, еслиб я только давал волю своему чувству», заметил Деникин, «так я давно приказал бы генералу Тимановскому выбросить их в море... Впрочем, их скоро выбросят из Одессы большевики». — «Неужели Вы можете этого желать» — «Нет, мне жаль имущества, находящегося в Одессе».

— «Если Вы полагаете, что с французами лучше придти к какому-нибудь соглашению», сказал я, «то не следует ли проявить к ним возможно большую предупредительность в формах, чтобы с тем большей энергией отстаивать то, что нам нужно по существу?» — Я высказал убеждение, что в Одессе, так же, как и в Париже, дает себя чувствовать настойчивая

работа масонов и евреев, которые всячески хотят помешать вмешательству союзников в наши дела и помощи для воссоздания единой сильной России. То, что прежде казалось мне грубым вымыслом, либо фантазией черносотенников, приписывавших всю нашу смуту работы «жидо-масонов», — с некоторых пор, начало представляться мне имеющим несомненно действительную почву. Вся история нашей революции и большевизма давала достаточно для того оснований, но я имел некоторое представление и о роли масонства во французской армии и об этом счел долгом сообщить Деникину. — Мне казалось, что роль Начальника французского штаба в Одессе, еврея Фрейденберга, которого обвиняли в том, что он подкуплен петлюровцами, среди коих в свою очередь немало было германских агентов, — эта роль весьма близко походила к целям масонства. Во франции и без того сильное течение против вооруженной помощи России. Не следовало облегчать задачи сторонников такого течения.

Деникин не возражал против этого, но он точно и резко определял условия, на которые готов был пойти. «Если Франшэ д'Эсперэ на это согласится, — хорошо, если нет, то я налево кругом марш». — Меня, конечно волновала перспектива свидания таких двух «носорогов», как прозвал Деникина мой брат после одного посещения. Но всем волнениям не суждено было осуществиться в действительности.

Как снег на голову пришло известие, что французы решили эвакуировать Одессу, оставив желающим 48 часов на приготовления к отъезду. В Екатеринодаре об этом узнали только по прибытии первого транспорта с беженцами в Новороссийск.

Рассказы этих беженцев, вскоре прибывших в Екатеринодар, вызвали чувство всеобщего негодования на предательство французов. Требовалось немало усилий, чтобы сдерживать слишком пылкое выражение этих чувств в общественных собраниях и печати. Одновременно распространялся слух, что Клемансо пал и что во Франции новое министерство с социалистами, чуть ли не революция. Защитники Франции говорили, что она погибла, поддавшись большевизму, как и мы в свое время.

Еще не успели освоиться с первым известием, как пришло второе: **большевики заняли Перекоп, и Крым со дня на** день будет весь в их власти.

Известие о том, что Перекоп взят, пришло, если не ошибаюсь, в четверг на Вербной неделе. Трудно передать волнение всех, у кого оставались близкие в Крыму. По счастью, высшее командование, которое сначала озаботилось вывозом казенного имущества, пошло навстречу представлению о необходимости принять меры к спасению тех остатков культурного класса, которым удалось бежать в Крым из Совдепии. Каждый час был дорог, и мы пережили немало волнений за всех наших, проживающих в Ялте.

Поведение французов возмущало англичан. Они старались доказать, что не все союзники такие же хамы. Англичане приняли самое деятельное и сердечное участие в вывозе беженцев из Крыма. Они отправили туда свои военные суда, которые оказались перегруженными семьями крымских жителей и их пожитками. Царская семья была направлена в Мальту, оттуда Императрица Мария Федоровна выехала, кажется, в Данию, а Великий князь Николай Николаевич — в Италию. Великий князь оставался на английском военном судне на ялтинском рейде до тех пор, пока не уверился, что все желающие получат возможность покинуть Ялту.

Все наши сели на пассажирский пароход «Посадник»,*) на котором был французский комиссар. Благодаря этому им пришлось испытать различные мытарства в пути. Французские агенты взыскали со всех пассажиров плату за проезд, хотя пароход был предоставлен для бесплатной перевозки беженцев. В пути пришлось закупить команду, дав ей 45 тысяч, иначе матросы угрожали бросить пароход в Севастополе, куда зашли за углем. Пассажиры сами должны были грузить уголь. Брожение с берега передавалось команде. К пароходу подъезжали агенты революционного комитета в Севастополе, подстрекавшие матросов не перевозить буржуев и угрожавшие их семьям. Остановка в Севастополе была чревата опасностями. Наконец, всякими правдами и неправдами удалось уйти из Севастополя. «Посадник» прибыл в Новороссийск в Вербное Воскресенье.

Новороссийск был уже забит беженцами, число коих было около 40 тысяч. В городе не оставалось ни одного свободного места. Нашим семьям предложили поселиться в ка-

---

*) Пароход «Посадник» — русское транспортное судно, конфискованное французами. Французы заставили нас грузить уголь. Грузил уголь и я, 14-летний мальчикъ, и грузил не только на «Посадник», но и на французские миноносцы.
М. Г. Т.

зенном имении «Мысхако» в 7 верстах от Новороссийска. В их распоряжение отвели казенную виноградную школу, где были устроенны мужской и женский дортуары. Всех родственников набралось человек 70: старые и молодые Бутеневы, моя семья, Ламсдорфы, Оболенские, Глебовы, Гагарины — Марина с семьей и Сережа Андреевич, — М. В. Барятинская, масса маленьких детей, нянюшки, домочадцы и проч. С нами был и товарищ Кости, Федя Булгаков, сын московского профессора С. Н., экономиста, прошедшего эволюцию от социал-демократа до священника; он принял сан год тому назад в Москве. Сам он с женою остался в Крыму, а сына отправил с нами.

Сам Бог привел наших из Крыма в Мысхако, лучше нельзя было выбрать места для временного поселения. Вся местность — открытая, на берегу моря, культуры сравнительно немного, самого недавнего происхождения. В умелых руках побережье давно стало бы благословенным уголком, настоящей жемчужиной. Природные условия и климат в Мысхако совершенно исключительные. Виноград там славится; слабые нуждающиеся в поправке люди в самое скорое время оживают, дети расцветают. Воздух напоен чудной смесью морских испарений и полевых цветов. Нигде я не видел такого обилия и богатства полевой растительности, как в Мысхако и окрестностях весною. Дорога до города была усыпана шиповником и жимолостью. Ярко-красные маки, дикая герань, красные, лиловые, голубые, синие, желтые цветы пестрели со всех сторон. Ветер свободно гулял на просторе, соловьи распевали, — словом трудно себе было представить более прелестного сочетания первобытной природы и моря, а вдали — новороссийский залив с уходящей вдаль линией гор.

Старики Бутеневы устроились у очень милой старушки Е. В. Ювжик-Компанец, которая жила на своей небольшой, но довольно поместительной даче в фруктовом саду. Вокруг дома шла крытая терраса, где можно было проводить весь день. Туда же переселились и М. В. Барятинская. В Новороссийске наши познакомились с священником, беженцем-законоучителем гимназии в Феодосии, отцом Соколовым. Они пригласили его в Мысхако. Благодаря этому, на Страстной можно было организовать богослужения, а в ночь на Пасху была устроена заутреня, с крестным ходом вокруг казенного училища. Оповестили население, пришло много народа. В

этой импровизированной обстановке, среди чудной природы, среди людей, только что спасшихся с кое-какими пожитками от серьезной опасности, пасхальная заутреня была отслужена с каким-то особенным благолепием и умилением. На всех присутствующих, я думаю, эта служба оставила неизгладимое впечатление, никогда так не чувствовалось светлое духовное торжество победы духа над смертью, и с разных сторон слышались голоса, что эта служба напоминала богослужения христиан первых веков.

Наши женщины постарались сделать все возможное, чтобы больше чувствовался праздник. Были устроены великолепные розговины. Пасху месили в детской ванночке, не шутка была приготовить розговины на 70 человек, и всего оказалось вдоволь.

На Святой начали разъезжаться. Моя belle soeur А. В. Трубецкая, для которой нашлись комнаты в Новороссийске, поехала в Батум, за ней туда же потянули дочери ее с семьями. Остались Бутеневы, Гагарины и мы. Для нас нашлась маленькая дачка в две комнаты. В Новороссийске достали антиминс и все, что нужно, для богослужения. На даче Е. В. Ювжик, на террасе, соорудили алтарь. Перед Престолом высился крест из полевых цветов. Пели все наши под управлением нашего учителя Виктора Ивановича Ильенко.*) Прибавилась новая прелесть и новое утешение в пребывании в Мысхако, — всенощные и обедни на террасе, куда врывалось пение птиц и воздух, напоенный весенними запахами.

Мне вскоре пришлось уехать с Полей Бутеневым в Новочеркасск, чтобы устроить наши денежные дела. Поездка в Париж, при новых условиях, была отложена, в ней не представлялось надобности. Мне пришлось делить время между Екатеринодаром и Мысхако.

Первое время после эвакуации Крыма и Одессы общее настроение было довольно угнетенное. Большевики наступали на Торговую, им удалось одержать успехи благодаря тому, что у Торговой были молодые части из наших новобранцев, мало обученных. Эти неудачи в связи с впечатлением, что союзники бросили нас, и создали тяжелое настроение, которое могло гибельно отозваться на Добровольческой Армии. Минута была переломной во многих отношениях. На-

*) В данное время Отец Виктор.

ши части были слишком разбросаны в разных направлениях. По счастью, Деникин быстро овладел положением, сосредоточил сильный удар на Торговой и погнал большевиков. С этой минуты начались непрерывные успехи Добровольческой Армии. Большевики были деморализованы и сдавались целыми частями. Были взяты Харьков, Екатеринослав, Царицын, очищен весь каменноугольный район. Все воспряли духом и вновь уверовали в Добровольческую Армию, способную творить чудеса.

Успехам Добровольческой Армии сильно содействовала помощь англичан, которые завалили Новороссийск боевыми грузами, — артилерией, снарядами, ружьями, танками, обмундированием. Особенно сильное действие на большевиков производили танки.

Англичане резко изменили свою политику. В то время как французы ушли, оставив по себе надолго самую скверную память, англичане, наоборот, с весны удвоили энергию в деле оказания всякой помощи. В Закавказье они также оставили политику колебаний, отрешились от всякой двусмысленности по отношению к самостийным образованиям и стали открыто и последовательно поддерживать Добровольческую Армию и лозунг единой, неделимой России.

В то время как Добровольческую Армию постигли неудачи, адмирал Колчак победоносно шел вперед, приближаясь к Волге. Он уже был на расстоянии каких-нибудь 70 верст от Самары и в таком же, приблизительно, от Казани. В это время на западе началась кампания в пользу признания его единой всероссийской властью. Наши представители в Париже сильно ратовали за то, чтобы Добровольческая Армия признала главенство Колчака. Они считали, что это сильно укрепит международное положение России и побудит союзников, признав Колчака, бесповоротно связаться в деле вооруженной помощи ему и Деникину. — О Добровольческой Армии среди союзников создалось почему-то впечатление, что она реакционна, тогда как правительство Колчака включало в себя социалистов и было более демократически настроено. В это время на западе и в Америке царило демократическое возбуждение, и в левых кругах сильно опасались, что восстановление единой России принесет с собою реакцию.

Из Парижа были посланы генералы Щербачев, Вырубов и Аджемов в Екатеринодар, чтобы убедить Деникина в необходимости признания адмирала Колчака.

Выехав из Парижа под свежим впечатлением известий о неудачах Добровольческой Армии и успехах Колчака, посланцы прибыли в Екатеринодар, когда картина совершенно изменилась: на всех фронтах Добровольческой Армии шли беспрерывные успехи, армия Колчака должна была отойти, и с востока шли к ней неблагоприятные вести. — В Екатеринодаре настроение было единодушно против срочности признания Колчака главой всероссийского правительства. И Особое совещание и общественные круги, за ним стоявшие, полагали, что объединение власти должно последовать, как только состоится смычка между армиями, и что в этом деле недопустимо давление союзников. Помощи от последних живой силой все равно нельзя было ждать. Припасов, доставленных уже англичанами, могло хватить на четыре месяца интенсивной войны. После предательства французов и одержанных нами успехов в Добровольческой Армии возникло бодрое настроение веры в собственные силы и нежелания допускать вмешательства союзников в наши внутренние дела. Подчинение Колчаку представлялось возможным и желательным, но пока несвоевременным. Настроение это, как всем казалось, разделялось и Деникиным. Тем более неожиданным для всех явилось его заявление на обеде в честь уезжавшего английского генерала Бриггса, что им издан приказ, в коем он подчиняется Колчаку, признавая необходимость объединения верховной власти военной и гражданской. — Впечатление от этого заявления было столь неожиданное, что на минуту все ошалели, но потом общее движение был... неописуемый энтузиазм. Все бросились к Деникину, обнимали его, кто-то целовал ему руку. Импонировали благородство и красота его жеста. Деникин признал Колчака в минуту, когда развертывались блестящие успехи Добровольческой Армии, а Колчака постигли неудачи. Он это сделал также в ту минуту, когда вокруг него, на Дону и на Кубани, интриги самостийников, врагов единой России, достигли наибольшего развития и замышлялся южно-русский союз Дона, Кубани и Терека. Свое решение Деникин объяснил, между прочим, необходимостью подать пример патриотизма и жертвы личными интересами в присутствии того предательства, которое разыгрывается в тылу.

Я никогда не видал, чтобы под влиянием решения вождя так быстро и радикально изменилась оценка общего положения. Кадеты, ратовавшие накануне в пользу отсрочки признания Колчака, теперь стали убежденными сторонниками решения, принятого Деникиным. Для меня так и осталось невыясненным, путем каких заключений он к нему пришел; скорее всего, Деникин принял свое решение нутром, а не путем чуждых ему рассуждений, в которых он не любит запутываться.

Как никак, решение было принято. Тотчас представилась необходимость представителям Особого совещания выехать в Париж, откуда легче было вступить по телеграфу в сношения с адмиралом Колчаком, чтобы определить дальнейшие взаимоотношения и программу действий. В Париж выехали ген. Драгомиров, Нератов, Астров и Соколов (начальник Отдела пропаганды).

—

С этого времени прошли два события в нашей жизни: уехал мой сын Костя, выдержав экзамен зрелости, на фронт, — он поступил в Конногренадерский полк вместе с Николаем Лермонтовым.

Второе событие, касающееся меня лично, — мне предложили организовать Ведомство исповеданий и войти в состав Особого совещания. Этому предшествовало мое участие в Церковном соборе в городе Ставрополе в конце мая. — С этого начинается, может быть, новая полоса моей жизни, и поэтому постараюсь с нынешнего времени начать запись вроде дневника, предпослав ему несколько слов о Соборе в Ставрополе.

Мысхако, 15 июля 1919 г.

Очеркъ взаимоотношеній
Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи
и
Представителей
Французскаго Командованія.

Совершенно секретно.

№ 43

ОЧЕРКЪ ВЗАИМООТНОШЕНІЙ

Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи
и
Представителей Французскаго Командованія.

Издано Управленіемъ Генерала Квартирмейстера Штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами на Югѣ Россіи.

Май 1919 года.

Г. ЕКАТЕРИНОДАРЪ.
Типографія Канц. Главн. Нач. Снабж. воор. с. на Югѣ Россіи.
1919.

Всѣ даты приведены по старому стилю.

XI

Очеркъ взаимоотношеній Вооруженныхъ силъ Юга Россіи и представителей Французскаго Командованія.

—

Часть I.

Добровольческая Армія, непосредственная преемница нѣкогда грозной Русской вооруженной силы, выдержавшей долгую и упорную борьбу съ сильнымъ врагом, отвергла всякую мысль о соглашеніи съ прежнимъ противникомъ, оставаясь вѣрной до конца всѣмъ договорамъ съ Союзными Державами.

Въ серединѣ апрѣля 1918 года, послѣ окончанія перваго Кубанскаго похода, когда германцы заняли Ростовъ и другіе пункты Донской области, а Добровольческая Армія сосредоточилась въ раіонѣ юго-восточнѣе Ростова, вопросъ объ отношеніи къ нѣмцамъ, находившимся въ столь близкомъ сосѣдствѣ, сталъ особенно острымъ. Всѣ попытки германцевъ войти въ переговоры съ Командованіемъ Добровольческой Арміи были категорически отвергнуты, несмотря на то, что этими отказами Армія закрывала себѣ пути къ полученію до нельзя необходимыхъ ей боевыхъ припасовъ.

Позднѣе, высшее германское командованіе въ лицѣ своего представителя при Донскомъ Атаманѣ — Маіора Кохенгаузенъ, тоже неоднократно пыталось завязать сношенія. Не находя отклика со стороны Главнокомандующаго Добровольческой Арміей, Маіоръ Кохенгаузенъ по одному изъ вопросовъ обратился уже съ ультимативнымъ требованіемъ къ

Командованію Добровольческой Арміи, которое также было оставлено безъ послѣдствій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ занятіемъ германцами Грузіи и Сочинскаго округа и съ этой стороны началось давленіе на Добровольческую Армію. Дружественныя отношенія, установившіяся между Добровольческой Арміей и грузинскими частями, боровшихся съ большевиками въ Сочинскомъ округѣ, рѣзко измѣнились. Грузины начали подготовлять оборонительную позицію въ Сочинскомъ округѣ, при чемъ осматривать и руководить работами пріѣзжали германскіе офицеры. Сзади грузинскихъ войскъ появились германскія войска.

Таковы были отношенія Добровольческой Арміи къ врагамъ Россіи и Союзникамъ ко времени побѣды Державъ Согласія.

***

10 ноября въ Новороссійскъ прибыла Союзная эскадра, а 14 ноября пріѣхали въ Екатеринодаръ представители Англіи и Франціи.

На официальномъ пріемѣ, въ цѣломъ рядѣ рѣчей, представители Франціи подчеркнули, что всѣ дѣянія, направленныя къ созданію Единой Великой Россіи, встречаютъ полное сочувствіе Союзниковъ, признающихъ лишь Единую Россію, единый русскій фронтъ, единое русское командованіе; что всѣ борющіеся открыто или путемъ интригъ противъ этой идеи являются не только врагами Россіи, но и врагами Союзниковъ, что русскимъ Главнокомандующимъ является Генералъ Деникинъ и что нынѣ, когда Дарданелы открыты, Союзники всѣмъ, чѣмъ могутъ придутъ на помощь братской и союзнической Добровольческой Арміи.

Генералъ Щербачевъ, командированный Главнокомандующимъ въ качествѣ представителя Добровольческой Арміи къ Главнокомандующему Союзными арміями въ Румыніи, Трансильваніи и на Югѣ Россіи — Генералу Бертело, въ письмѣ своемъ отъ 3 ноября изъ Бухареста писалъ: «Я посѣтилъ Генерала Бертело въ его Главной Квартирѣ въ Бухарестѣ для предварительныхъ переговоровъ о своемъ проѣздѣ въ Главную Квартиру Генерала Франше д'Эспере и далѣе въ Парижъ, съ цѣлью ускорить прибытіе союзныхъ войскъ и средствъ войны — въ Россію.

Въ Бухарестѣ мнѣ удалось достигнуть результатовъ, которые значительно превзошли мои предположенія. Путемъ непосредственнаго общенія и обмена мнѣній съ Генераломъ Бертело, съ коимъ насъ связывала и прежняя общность идей и дѣйствій, нынѣ удалось придать переговорамъ въ Бухарестѣ форму исчерпывающе-рѣшительную настолько, что временно отпала надобность проѣзда въ Парижъ и къ Генералу Франше д'Эспере,

Генералъ Бертело, имѣющій идейную сильную поддержку Г. Клемансо, Предсѣдателя Союзныхъ Совѣщаній, облеченъ полною мощью «Главнокомандующаго арміями Союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на Югѣ Россіи» и въ качествѣ такового лица имѣетъ возможность проэктировать и осуществлять всѣ вопросы политическіе и военные, касающіеся Юга Россіи и спасенія его отъ анархіи. Мнѣ удалось подвинуть этотъ вопросъ настолько, что нынѣ уже едва-ли остается желать въ этомъ отношеніи чего либо сверхъ предположеннаго на совѣщаніи моемъ съ Генераломъ Бертело.

Рѣшено же нижеслѣдующее:

1) Для оккупаціи Юга Россіи будетъ двинуто, настолько быстро, насколько только это возможно, 12 дивизій, изъ коихъ одна будетъ въ Одессѣ на этихъ же дняхъ.

2) Дивизіи будутъ французскія и греческія.

3) Я буду состоять, по предложенію Союзниковъ и Генерала Бертело, при послѣднемъ и буду участвовать въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ.

4) База Союзниковъ — Одесса; Севастополь будетъ занятъ также быстро.

5) Союзными войсками Юга Россіи первое время будетъ командовать Генералъ д'Ансельмъ съ Главной Квартирой въ Одессѣ, гдѣ буду находиться и я съ состоящими при мнѣ Вамъ извѣстными лицами.

6) Генералъ Бертело, до времени, со своей Главной Квартирой остается въ Бухарестѣ.

7) По прибытіи союзныхъ войскъ, кромѣ Одессы и Севастополя, которые будутъ несомнѣнно заняты ко времени полученія Вами этого письма, Союзники займутъ быстро Кіевъ и Харьковъ съ Криворожскимъ и Донецкимъ бассейнами, Донъ и Кубань, чтобы дать возможность Добровольче-

ской и Донской арміямъ прочнѣе соорганизоваться и быть свободными для болѣе широкихъ активныхъ операцій.

8) Подъ прикрытіемъ союзной оккупаціи, необходимо немедленное формированіе русскихъ армій на Югѣ Россіи, во имя возрожденія Великой Единой Россіи. Съ этой цѣлью теперь же долженъ быть рѣшенъ и разработанъ вопросъ о способахъ и раіонахъ формированій этихъ армій по мѣрѣ продвиженія Союзниковъ. Только при такомъ условіи будетъ обезпечено скорѣйшее наступленіе всѣхъ русскихъ южныхъ армій подъ единымъ командованіемъ на Москву.

9) Въ Одессу, какъ главную базу Союзниковъ, прибудетъ огромное количество всякаго рода военныхъ средств, оружія, боевыхъ огнестрѣльныхъ запасовъ, танковъ, одежды, желѣзнодорожныхъ и дорожныхъ средствъ, аэронавтики, продовольствія и проч..

10) Богатые запасы бывшаго Румынскаго фронта, Бессарабіи и Малороссіи, равно какъ и таковые Дона, можно отнынѣ считать въ полномъ нашемъ распоряженіи. Для сего осталось сдѣлать лишь небольшія дипломатическія усилія, успѣхъ коихъ обезпеченъ, такъ какъ онъ опирается на все могущество Союзниковъ.

11) Относительно финансовой поддержки намъ, у Союзниковъ вырабатывается особый, спеціальный планъ».

29 октября Главнокомандующій Союзными силами на Востокѣ Генералъ Франше д'Эспере въ письмѣ на имя Генерала Эрдели, представителя Добровольческой Арміи, командированного къ нему Главнокомандующимъ, писалъ:

«Г-нъ Генералъ. Я былъ особенно счастливъ сегодня Васъ принять и познакомиться, такимъ образомъ, со столь выдающимся представителемъ русской арміи Генерала Деникина.

Будьте увѣрены, что Франція, которая была всегда вѣрна и лойяльна Союзникамъ, достойнымъ этого имени, не забудетъ истинно русскихъ и не оставитъ Добровольческую Армію.

Тотчасъ же, какъ это будетъ возможно, я прикажу направить въ Новороссійскъ военное судно и прислать боевые припасы и матеріалы, въ коихъ Вы нуждаетесь и о которыхъ Вы мнѣ говорили.

Я прикажу, кромѣ того, доставить Вамъ, немного погодя, всѣ полезныя указанія по этому поводу, первый очеркъ коихъ Полковники Энкель и Песоцкій передали Генералу Деникину.

Прошу принять, Г-нъ Генералъ, увѣреніе въ моемъ отличномъ уваженіи. Фраше д'Эспере».

Такимъ образомъ, все, казалось, указывало на то, что Союзники будутъ всемѣрно оказывать помощь Добровольческой Арміи.

***

Съ цѣлью наиболѣе полнаго оріентированія Союзнаго Командованія, въ серединѣ ноября 1918 года, Штабомъ Главнокомандующаго былъ составленъ подробный докладъ о политическомъ, стратегическомъ положеніи на Югѣ Россіи и объ основномъ планѣ развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ для наступленія вглубь страны.

Въ докладѣ были указаны:

а) Общая задача армій — разбить совѣтскія войска и овладѣть центромъ Россіи — Москвой, съ одновременнымъ ударомъ на Петроградъ и вдоль праваго берега Волги.

б) Ближайшія задачи:

1) Недопустить противника занять Украину и Западныя губерніи и, прикрывъ ихъ на протяженіи прежней демаркаціонной линіи, Совдепіи и Австро-Германцевъ, создать плацдармъ для будущихъ формированій и для наступленія вглубь Россіи съ цѣлью ликвидаціи большевизма.

2.) Использовать фронтъ, занимаемый Донской и Добровольческой арміями, для наступленія въ Россію и для окончательнаго очищенія отъ большевиковъ Сѣвернаго Кавказа.

Въ виду того, что части Россіи, оккупированныя нѣмцами и лежащія къ западу отъ бывшей демаркаціонной линіи, уцѣлѣли отъ разгрома большевиками, онѣ пріобрѣли особо важное значеніе являясь:

1) Плацдармомъ для нашего наступленія внутрь Россіи.

2) Источникомъ комплектованія формируемыхъ здѣсь частей Добровольческой Арміи.

3) Раіономъ, обезпечивающимъ возможность выполненія этихъ формированій и снабженія ихъ.

Для выполненія общей задачи предположено было вести наступленіе по 8-ми операціоннымъ направленіямъ съ фронта Псковъ — Царицынъ на линію Петроградъ — Казань, при чемъ было высказано пожеланіе о необходимости, съ цѣлью обезпеченія развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ, занять строго минимальнымъ количествомъ союзныхъ войскъ раіоны, прикрывавшіе главнѣйшія направленія и важнѣйшіе въ мобилизаціонномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Силы эти исчислялись въ 18 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ дивизій, при чемъ было указано, что онѣ ни въ какихъ активныхъ дѣйствіяхъ участвовать не будутъ и лишь обезпечатъ операціи русскихъ армій.

Одновременно былъ представленъ подробный перечень всего необходимаго снабженія для существующихъ (Добровольческая и Донская) и формирующихся армій.

20 ноября докладъ этотъ со всѣми приложеніями былъ посланъ Командующему союзными войсками въ Румыніи Генералу Бертело и офицеру для связи съ Французскимъ Командованіемъ Генеральнаго Штаба Капитану Фуке для передачи Генералу Франше д'Эспере.

Отвѣта на этотъ докладъ не послѣдовало.

***

Событія разыгравшіяся къ этому времени на югѣ Россіи, въ связи съ очищеніемъ германцами занятыхъ ими областей и началомъ движенія Петлюры, диктовали необходимость приступить къ проведенію намѣчаннаго плана въ жизнь, хотя бы только въ своихъ основныхъ чертахъ, — безотлагательно. Поэтому, когда въ серединѣ ноября, вновь образовавшееся Крымское Правительство, въ лицѣ своего Предсѣдателя, обратилось съ просьбой къ Главнокомандующему Добровольческой Арміей о присылкѣ на Крымскій полуостровъ небольшихъ отрядов достаточных для обезпеченія спокойствія и безопасности въ краѣ, оставляемомъ германцами, по приказанію Главнокомандующаго, Крымъ былъ занятъ Добровольческими войсками.

Въ связи съ эвакуаціей германскихъ войскъ изъ Украины и начавшимися тамъ волненіями, становилось крайне важ-

нымъ оградить отъ большевизма Малороссію, какъ раіонъ гдѣ въ будущемъ должно было быть произведено развертываніе Добровольческихъ армій; поэтому 24 ноября Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Чтобы сохранить Югъ Россіи богатый продовольствіемъ и военными запасами, необходимо какъ можно скорѣе двинуть хотя бы двѣ дивизіи союзныхъ войскъ въ раіонъ Харькова и Екатеринослава», а 1 декабря обратился съ просьбой къ Французскому Командованію объ отдачѣ надлежащихъ распоряженій для оставленія германскихъ войскъ въ Харьковѣ съ цѣлью сохраненія порядка.

Въ отвѣтъ на это, офицеръ для связи съ Генераломъ Франше д'Эспере Генеральнаго Штаба Капитанъ Фуке вручилъ Главнокомандующему копію телеграммы Генерала Франше д'Эспере, въ которой указывалось, что одна французская дивизія 5 декабря начнетъ высаживаться въ Одессѣ.

Ко времени прибытія французскихъ войскъ, въ Одессѣ обстановка складывалась такъ: весь городъ былъ занятъ «петлюровцами», за исключеніемъ небольшой зоны, прилегавшей къ порту, которая была подъ охраной французскаго флага. Гетманскія войска частью перешли къ петлюровцамъ, частью распылились въ городѣ. Сосредоточившееся въ Одессѣ русское офицерство еще не успѣло пріобрѣсти нужной организаціи, поэтому находившійся тамъ Генералъ Гришинъ-Алмазовъ принялъ на себя командованіе Добровольческими частями и началъ приводить ихъ въ порядокъ. Полномочный представитель Державъ Согласія въ г. Одессѣ французскій Консулъ Энно, занималъ въ отношеніи украинскаго вопроса позицію опредѣленную и твердую: украинцы всѣхъ направленій признавались имъ элементомъ вреднымъ для созданія Единой Россіи, а Добровольческая Армія считалась единственнымъ здоровымъ государственнымъ началомъ на Югѣ Россіи.

4 декабря въ Одессѣ высадился первый эшелонъ французскихъ войскъ, состоящій изъ четырехъ ротъ 156 дивизіи подъ командой Генерала Боріуса. Генералъ Боріусъ вызвалъ къ себѣ Генерала Гришина-Алмазова и передалъ ему, что онъ намѣренъ завтра вступить со своими войсками въ городъ съ музыкой. На это Генералъ Гришинъ-Алмазовъ возразилъ, что **въ виду враждебнаго настроенія петлюровцевъ, эта операція** невозможна и что сперва слѣдуетъ очистить городъ

отъ петлюровскихъ бандъ. Генералъ Боріусъ согласился съ этимъ доводомъ и рѣшилъ совмѣстно съ Генераломъ Гришинымъ-Алмазовымъ на слѣдующій день занять весь городъ французскими и добровольческими войсками.

5 декабря съ утра началась операція по овладѣнію городомъ. Петлюровцы встрѣтили Добровольческіе отряды ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ; стоявшіе на рейдѣ французскіе военныя суда и транспорты были обстрѣляны изъ города артиллеріей.

Цѣлый день и всю ночь шелъ ожесточенный бой между добровольцами и петлюровцами, закончившійся полнымъ пораженіемъ послѣднихъ. Наши потери исчислялись въ 24 офицера убитыми и около 100 ранеными.

Такимъ образомъ, выполняя въ точности предложенныя Французскому Командованію условія о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ, Добровольческая Армія грудью своею проложила путь для союзныхъ войскъ, которыя вступили въ Одессу и заняли городъ — безъ потерь.

7 декабря Г. Шульгинъ сообщая, что Генералъ Боріусъ, съ согласія Генерала Эрдели и его, Шульгина, возложилъ на Генерала Гришина-Алмазова обязанности Военнаго Губернатора Одессы, просилъ объ утвержденіи этого назначенія. Главнокомандующій назначеніе утвердилъ.

Генералъ Боріусъ получилъ приказаніе отъ своего Высшаго Командованія занять лишь Одессу и, несмотря на всѣ увѣренія Генерала Гришина-Алмазова о необходимости немедленнаго выдвиженія впередъ, съ цѣлью занятія важнѣйшихъ тактическихъ пунктовъ, обезпечивающихъ оборону города, и для захвата въ сферу своего вліянія нѣсколько близлежащихъ селеній, питающихъ Одессу, Генералъ Боріусъ не только самъ не продвигался впередъ, но категорически запретилъ это дѣлать и Добровольческимъ частямъ. Результатомъ этого было немедленное вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ въ Одессѣ и почти полное исчезновеніе ихъ съ рынка.

Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ наши Союзники, съ которыми впервые вошли въ соприкосновеніе части Добровольческой Арміи, не только не оказали имъ помощи, но и затормозили необходимое развитіе ихъ боевого успѣха, вызывая тѣмъ самымъ осложненіе въ тылу и справедливое недовольство населенія.

Обо всемъ изложенномъ Генералъ Гришинъ-Алмазовъ своевременно доносилъ Главнокомандующему, а 13 декабря вновь поднялъ этотъ вопросъ передъ Французскимъ Командованіемъ, передавая Генералу Боріусу и Консулу Энно памятную записку за номѣромъ 230, гдѣ указывалъ на необходимость: 1) расширенія занимаемой союзными войсками зоны до линіи Бѣляевка — Севериновка — Антоно-Кодинцево и 2) дальнѣйшаго продвиженія, къ срединѣ января, на линію Тирасполь — Раздѣльная — Николаевъ, къ каковому времени предполагалось закончить формированіе дивизіи военнаго состава Добровольческой Арміи.

Съ пріѣздомъ новаго Командующаго Генерала д'Ансельма, Генералъ Гришинъ-Алмазовъ 1 января вторично подалъ Французскому Командованію памятную записку за номѣромъ 393 о необходимости расширенія зоны до линіи Тирасполь — Раздѣльная — Березовка — Николаевъ — Херсонъ, указывая, что занятіемъ этой линіи достигнется связь съ Бессарабіей и ликвидируется наступившій въ Одессѣ продовольственный кризисъ.

Выполненіе указанной операціи предлагалось произвести наличными силами, занявъ Тирасполь, Раздѣльную и Березовку союзными войсками и возложивъ обезпеченіе Херсоно-Николаевскаго раіона на 15 германскую ландверную дивизію.

Однако Французское Командованіе, склоняясь къ предложенію представителей партіи Петлюры, къ «системѣ мирнаго ввода французовъ на украинскую территорію», и предпочитая въ вопросѣ расширенія зоны дѣйствовать дипломатическимъ путемъ, попрежнему тормозило выполненіе этого мѣропріятія.

Лишь 3 января, Генералъ Гришинъ-Алмазовъ донесъ Главнокомандующему о полученіи отъ Генерала д'Ансельма отвѣта въ томъ смыслѣ, что Атаману Грекову предложено очистить зону до линіи Тирасполь — Раздѣльная — Березовка — Николаевъ — Херсонъ, при чемъ было заявлено, что въ случаѣ не исполненія указаннаго требованія, французы заставятъ петлюровцевъ подчиниться — силой.

5 января Главнокомандующій Вооруженными силами на Югѣ Россіи телеграфировалъ Генералу Бертело:

«Общее положеніе на Украйнѣ съ каждымъ днемъ начинаетъ ухудшаться. Вслѣдъ за выступленіемъ Петлюры, въ разныхъ мѣстахъ Украйны начали организовываться шайки

грабителей, руководимыя своими главарями. Дѣйствія этихъ шаекъ носило чисто мѣстный характеръ, но теперь они начинаютъ объединяться и ихъ дѣятельность принимаетъ угрожающій характеръ. Петлюровское движеніе выливается постепенно въ форму опредѣленнаго большевизма, въ результатѣ чего передъ нами можетъ возникнуть новый большевицкій фронтъ, борьба противъ котораго будетъ уже сложнѣе. Для подавленія этого движенія необходима возможно скорѣйшая присылка союзныхъ войскъ на Украйну, что дастъ намъ возможность перейти къ активнымъ дѣйствіямъ и прекратить дальнѣйшее развитіе событій, явно вредныхъ для общаго дѣла и грозящихъ обратить въ пустыню богатѣйшій край».

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало.

Въ то время, какъ въ раіонѣ Одессы, съ такимъ трудомъ, встрѣчая цѣлый рядъ препятствій со стороны Французскаго Командованія, осуществлялись ближайшія задачи Добровольческой Арміи, въ Крыму происходило слѣдующее.

Части Добровольческой Арміи, занявъ въ серединѣ ноября Крымскій полуостровъ, выдвинулись въ раіонъ сѣверныхъ уѣздовъ Тавріи съ цѣлью прикрытія отъ большевиковъ побережій Чернаго и Азовскаго морей, поддержанія связи съ войсками, занимающими Донецкій каменоугольный бассейнъ и образованія плацдарма для дѣйствій вновь формирующихся частей.

28 декабря въ Севастополѣ высадился полкъ французской пѣхоты и былъ оставленъ въ этомъ городѣ.

Къ серединѣ января регулярныя совѣтскія войска выдвинулись на фронтъ Луганскъ-Гришино-Гуляй Поле. Становилась ясной полная вѣроятность ихъ дальнѣйшихъ активныхъ дѣйствій въ направленіи Крымскаго полуострова и отсюда — крайняя необходимость : а) срочно использовать призывы сѣверныхъ уѣздовъ Тавріи и занятой части Екатеринославской губерніи, б) немедленно сосредоточить въ сѣверной Тавріи для усиленія фронта всѣ части арміи, выведя нѣкоторыя изъ Крыма, гдѣ онѣ занимали гарнизонами главнѣйшіе пункты. Въ Крыму велась усиленная большевицкая агитація; настроеніе всюду было крайне неспокойное и оставить Крымскій полуостровъ — тылъ арміи, безъ войскъ, было невозможно.

Учитывая все это, Главнокомандующій 19 января послалъ телеграмму Генералу Бертело:

«Регулярныя совѣтскія войска сосредоточены на фронтѣ Луганскъ, Бахмутъ, Рришино, Гуляй Поле и скоро можно ожидать активныхъ дѣйствій со стороны противника. Чтобы дать отпоръ большевикамъ и использовать призывъ сѣверныхъ уѣздовъ Таврiи и занятую часть Екатеринославской губернiи, необходимо вывести Добровольческія части изъ Крыма и сосредоточить ихъ на сѣверѣ Таврiи. Для обезпеченія порядка въ Крыму послѣ ухода Добровольческихъ частей прошу срочно занять хотя-бы маленькими союзными гарнизонами Мелитополь, станцію Сивашъ, Перекопъ, Джанкой, Евпаторію, Симферополь, Феодосію и Керчь. О Вашемъ рѣшенiи прошу поставить меня въ извѣстность».

Генералъ Бертело 4 февраля отвѣтилъ, что въ данное время, въ виду, малочисленности частей, находящихся въ его распоряженiи, онъ не можетъ исполнить эту просьбу, но съ прибытiемъ подкрѣпленiй обязательно все сдѣлаетъ.

Одновременно Генералъ Бертело указалъ, что большимъ тормозомъ въ дѣлѣ переброски войскъ является отсутствiе въ его распоряженiи транспортовъ, и что, сознавая серьезность положенiя, онъ отдалъ приказъ пріостановить распоряженiе Генерала Деникина, относительно запрещенiя фрахтовки русскихъ пароходовъ и просилъ передать таковые ему для перевозки войскъ.

Три русскихъ парохода: «Императоръ Александръ III», «Николай I» и «Петръ Великiй» были переданы въ Одессѣ въ распоряженiе Французскаго Командованiя.

2 февраля Главнокомандующій въ телеграммѣ Генералу Бертело вновь указалъ на крайнюю желательность скорѣйшаго занятiя союзными гарнизонами указанныхъ выше пунктовъ, за исключенiемъ Мелитополя, въ раiонѣ котораго мобилизацiя прошла успѣшно.

Просьбы эти до послѣднихъ дней исполнены не были, и лишь, 15 марта въ Симферополь прибылъ баталiонъ грековъ.

Такимъ образомъ, значительная часть Крымско-Азовской арміи, вмѣсто того, чтобы принимать участiе въ активныхъ операцiяхъ противъ большевиковъ, вынуждена была занимать гарнизонами главнѣйшiе пункты Крыма, гдѣ больше-

вицкая пропаганда все время усиливалась, и настроеніе населенія продолжало быть крайне неспокойнымъ.

При такихъ совершенно неожиданныхъ и мало благопріятныхъ условіяхъ, Добровольческая Армія распространяла свое вліяніе на Югѣ Россіи по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, стремясь къ выполненію ближайшей задачи, намѣченной основнымъ планомъ.

А между тѣмъ, большевицкія войска, постепенно проникая въ Украину, занимали уже Харьковъ, Кіевъ и продвигались все глубже. Петлюровское движеніе, почти полностью, выливалось въ форму опредѣленнаго большевизма и тяготѣло къ власти совѣтовъ.

И если, вскорѣ же послѣ эвакуаціи германцами Украины и Западнаго Края, всѣ эти громадныя области могли быть свободно, безъ выстрѣла, заняты ничтожнымъ количествомъ побѣдоносныхъ войскъ Державъ Согласія, то съ теченіемъ времени эта задача осложнялась все болѣе и болѣе.

Долгое отсутствіе на Югѣ Россіи союзныхъ войскъ начинало расцѣниваться большевиками какъ побѣда ихъ лозунговъ, какъ начало ихъ вліянія на «всемірную революцію», и тѣмъ самымъ, стремясь привлечь на свою сторону общественное мнѣміе, они становились все смѣлѣе и упорнѣе.

***

Неприбытіе ожидаемой помощи отъ союзныхъ войскъ невыгодно отразилось прежде всего на Донскомъ фронтѣ, гдѣ казаки, утомленные двѣнадцати мѣсячной безпрерывной борьбой, напрягая послѣднія усилія, больше всего ее ожидали. Но когда помощь эта не пришла, сила казаковъ, растлѣваемая большевицкой пропагандой, надломилась. Донская армія начала отступать, быстро рѣдѣя въ своемъ составѣ.

Уже 9 декабря, чтобы парализовать начавшуюся большевицкую агитацію на Дону, Главнокомандующій Добровольческой Арміей послалъ Генералу Франше д'Эспере и Генералу Бертело телеграмму: «Всѣ части Добровольческой Арміи находятся въ бояхъ и не могутъ приступить къ правильной организаціи. Поэтому изъ числа дивизій, которыя были испрошены ранѣе въ посланной Вамъ 20 ноября (3 декабря) за № 03955 запискѣ, а также чтобы показать казакамъ, что они борятся за правое дѣло вмѣсте съ Союзниками, прошу прислать по одной пѣхотной дивизіи для Донского и Кубан-

скаго фронтовъ. Въ случаѣ согласія Вашего, дивизіи эти могутъ быть высажены въ Новороссійскомъ порту».

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало, но 26 декабря была получена телеграмма, подписанная Генералом Бертело и скрепленная Французскимъ Консуломъ въ Кіевѣ Г. Энно, адресованная всѣмъ войсковымъ частямъ, всѣмъ учрежденіямъ, газетамъ и всѣмъ жителямъ Юга Россіи:

«Генералъ Бертело, Главнокомандующій войсками Согласія въ Румыніи и Южной Россіи, сообщилъ мнѣ для опубликованія во всѣхъ газетахъ и распространенія въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ нижеслѣдующее: Жители Южной Россіи! Вотъ уже почти два года, какъ ваша богатая страна раздирается нескончаемыми гражданскими войнами; истинные злоумышленники захватили мѣстами власть, угрожая жизни и имуществу всѣхъ мирныхъ жителей и друзей порядка, создавая такимъ образомъ въ вашей странѣ подлинную анархію, ведущую къ полному разоренію. Ваши Союзники, никогда не забывавшіе усилій, которыя вы приложили во имя общаго дѣла и желающіе вновь увидѣть вашу страну умиротворенной, процвѣтающей и великой рѣшили, что наши войска высадятся въ Южной Россіи, чтобы дать возможность благонамѣреннымъ жителямъ возстановить порядокъ. Окажите добрый пріемъ войскамъ Союзниковъ. Они приходятъ къ вамъ, какъ друзья. Всѣ Державы Согласія идутъ вамъ навстрѣчу, чтобы снабдить васъ всѣмъ въ чемъ вы нуждаетесь и чтобы дать вамъ наконецъ возможность свободно, а не подъ угрозами злоумышленниковъ, рѣшить какую форму правленія вы желаете имѣть. Итакъ, войска Союзниковъ направляются къ вамъ только для того, чтобы дать вамъ порядокъ, свободу и безопасность. Они покинутъ Россію послѣ того, какъ спокойствіе будетъ возстановлено. Дайте рѣшительный отпоръ дурнымъ совѣтникамъ, имѣющимъ интересъ вызвать смуту въ странѣ, и встрѣчайте Державы Согласія съ довѣріемъ. Генералъ Бертело. Съ подлиннымъ вѣрно, Консулъ Франціи въ Кіевѣ съ особыми полномочіями Энно».

Это сообщеніе быстро облетѣло всѣ части Донцовъ, но казаки отнеслись къ нему съ подозрѣніемъ, сомнѣваясь въ его подлинности: они уже не вѣрили въ то, что Союзники имъ помогутъ...

4 января, въ виду серьезнаго положенія на Дону и необходимости немедленной моральной поддержки Донской арміи, Главнокомандующій Вооруженными силами на Югѣ Россіи обратился къ Союзному Командованію съ просьбой спѣшно перебросить на Донъ бригаду или полкъ съ артилеріей, такъ какъ иначе положеніе Донской арміи и ея моральное состояніе могутъ стать непоправимыми, что осложнитъ наше и Союзниковъ общее дѣло.

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало.

15 января, не получивъ отвѣта на всѣ вышеприведенныя телеграммы, Главнокомандующій обратился непосредственно къ Маршалу Фошу, передавая свою телеграмму въ копію Генераламъ Франше д'Эспере, Бертело и Послу Сазонову: «Пока надъ еле живымъ тѣломъ Россіи идутъ споры и дебаты дипломатовъ, рушатся постепенно наши надежды. Въ грозной опасности Донъ, палъ Оренбургъ и Уральскъ, наканунѣ анархіи Малороссія, а центральная Россія умираетъ. Я обращаюсь къ Вашему солдатскому сердцу. Скажите Союзнымъ Правительствамъ, что время разговоровъ миновало, что мы истекаемъ кровью, что необходима немедленная реальная помощь, которой мы не видимъ. Мы не сложимъ оружія и ни минуты не сомнѣваемся въ конечной побѣдѣ. Но эта побѣда можетъ прійти послѣ гибели русской культуры и послѣ того, какъ волна кровавой анархіи захлестнетъ не только побѣжденныхъ, но и побѣдителей».

На эту телеграмму отвѣта не послѣдовало.

29 января Главнокомандующій вновь телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Цѣлымъ рядомъ телеграммъ я просилъ оказать содѣйствіе союзными войсками на Донскомъ фронтѣ. Значеніе этого фронта въ борьбѣ съ большевиками громадно, какъ прикрывающаго Донецкій каменоугольный раіонъ и пути къ богатому Сѣверному Кавказу и портамъ Азовскаго и Чернаго морей. Донскіе казаки въ теченіе года героически сражались и сопротивлялись превосходнымъ силамъ врага, но теперь усталые начинаютъ терять вѣру въ поддержку Союзниковъ, такъ какъ помощь дѣйствительно не прибываетъ, а со стороны большевиковъ идетъ пропаганда, что этой помощи и не будетъ. Если Союзнымъ Командованіемъ рѣшено помочь намъ въ борьбѣ съ больше-

виками, то эту помощь надо дать теперь же, чтобы поднять духъ казаковъ и сохранить Донскую область».

Такъ, въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ, послѣ установленія связи Добровольческой Арміи съ Союзными войсками протекла борьба Вооруженныхъ силъ Юга Россіи противъ большевиковъ и при такихъ условіяхъ началось выполненіе предложеннаго Союзному Командованію плана для наступленія вглубь страны.

Уже въ февралѣ Главнокомандующій Вооруженными силами на Югѣ Россіи телеграфировалъ Ген. Франше д'Эспере: «Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Югъ Россіи ждалъ реальной помощи Союзниковъ. Вооруженныя силы Союзниковъ за это время заняли нѣкоторые пункты территоріи Россіи, гдѣ ихъ присутствіе или вовсе не вызывалось русскими интересами, или силы эти могли быть значительно меньше. Въ частности, я нѣсколько разъ просилъ хоть небольшой отрядъ для Дона, гдѣ помощь именно Союзниковъ была психологически необходима. Отказъ въ этомъ привелъ къ разложенію Дона, къ потерѣ имъ почти половины его территоріи, къ возможности потери всей области, что отбрасываетъ всю нашу работу на полгода назадъ. Прошу Васъ оріентировать Ваше Правительство что эти обстоятельства вызвали полное недоумѣніе и поворотъ русскаго общественнаго мнѣнія не въ пользу Союзниковъ. 2 февраля № 182/П».

Не получивъ на эту телеграмму отвѣта, Главнокомандующій 19 февраля телеграфировалъ Маршалу Фошу и въ копіи Генералу Бертело: «28 января новаго стиля я обращался къ Вашему Превосходительству съ просьбой немедленной помощи. До сихъ поръ таковая прибывала только на второстепенные театры. На главномъ направленіи на Дону мы не получили ни одного солдата. Истощеніе продолжительной двѣнадцати-мѣсячной борьбой надломило нравственныя силы Донскихъ казаковъ, они безсильны удержать напоръ врага, занявшаго уже большую часть Донской области и приближающагося къ столицѣ Новочеркасску. Создается крайне тяжелое положеніе и для Добровольческой Арміи, занимающей Донецкій бассейнъ. Если мы не будемъ въ состояніи удержать угольный раіонъ въ своихъ рукахъ, то скоро весь Югъ Россіи и флотъ останутся безъ топлива. Посему вновь обращаюсь къ Вамъ съ просьбой ускорить присылку войскъ для Дона. Если помощь запаздаетъ, то скоро мы окажемся въ

томъ же положеніи, въ какомъ были годъ тому назадъ и всѣ героическія усилія, ознаменовавшія эту титаническую борьбу за право и цивилизацію пропадутъ даромъ. Промедленіе въ подачѣ помощи отразится прежде всего на интересахъ союзныхъ войскъ, которымъ придется начинать свои операціи съ расширенія раіона будущей базы, отвоевывая территоріи отъ большевиковъ вмѣсто того, чтобы закрѣпить за собою территорію, добытую нами цѣною безпримѣрныхъ 12-тимѣсячныхъ усилій. 19-го февраля (4 марта) № 275/II».

Отвѣта не послѣдовало.

Когда обнаружилось наступленіе большевиковъ на Крымскій полуостровъ, и для болѣе прочнаго удержанія его Главнокомандующій рѣшилъ перебросить туда часть Добровольческихъ войскъ, расположенныхъ въ Одессѣ, чтобы усилить слабыя числено части Крымско-Азовской арміи, то въ отвѣтъ на отданное распоряженіе, Генералъ Гришинъ-Алмазовъ донесъ: «Херсонъ послѣ боевъ очищенъ Союзниками. Николаевъ эвакуируется ими. Генералъ д'Ансельмъ, считая Одессу угрожаемой заявилъ мнѣ, что Генералъ Бертело приказалъ не выпускать Добровольческую Армію изъ раіона Одессы. Ожидаю Вашихъ указаній».

1 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Бертело: «Въ ноябрѣ прошлаго года моимъ штабомъ была составлена записка съ планомъ формированія, стратегическаго развертыванія и дальнѣйшаго наступленія войскъ Юга Россіи. Записка была послана Вамъ и Ген. Франше д'Эспере. Планъ, изложенный въ запискѣ, былъ расчитанъ на помощь союзныхъ войскъ. Просимая помощь осуществлена не была, но мнѣ не были сообщены и какія либо предположенія Французскаго Командованія, почему я вынужденъ былъ начать операціи, разсчитывая только на свои силы. Къ сожалѣнію здѣсь я встретилъ затрудненія со стороны Генерала д'Ансельма. Въ виду создавшагося труднаго положенія въ сѣверной Тавріи и въ Крыму и, считая раіонъ Одессы достаточно обезпеченнымъ имѣющимися тамъ союзными войсками, я отдалъ распоряженіе о спѣшной переброскѣ моремъ въ Крымъ части войскъ Добровольческой Арміи изъ Одессы. На это приказаніе Генералъ Гришинъ-Алмазовъ мнѣ донесъ объ оставленіи союзными войсками Херсона и Николаева, и что Генералъ д'Ансельмъ, считая Одессу угрожаемой, заявилъ, что Вы приказали не выпускать частей Доброволь-

ческой Арміи изъ Одессы. Настаивая на выполненіи моего приказа, прошу Вашего распоряженія о разъясненіи недоразумѣній, тормозящихъ переброску войскъ и мѣшающихъ выполненію намѣченныхъ мною операцій».

Генералъ Бертелло на эту телеграмму не отвѣтилъ.

Таковы были отношенія Французскаго Главнаго Командованія къ операціямъ русскихъ Вооруженныхъ силъ на Югѣ Россіи. Въ результатѣ не только не была оказана помощь для осуществленія, намѣченнаго Главнокомандующимъ и предложеннаго Союзному Командованію, плана борьбы съ большевиками, но во многихъ случаяхъ проведеніе этого плана въ жизнь встрѣчало препятствія.

***

Относясь такъ къ операціямъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, Французское Командованіе на мѣстахъ пыталось разрѣшить рядъ принципіальныхъ вопросовъ, касающихся организаціи и системы комплектованія русскихъ вооруженныхъ силъ.

Рѣшеніе этихъ важнѣйшихъ вопросовъ, затрагивающихъ условія русской жизни, представителями Иностранныхъ Державъ помимо Главнокомандующаго, влекло за собой разрушеніе единой власти и самой Добровольческой Арміи.

Французское Командованіе въ Одессѣ упорно противилось объявленію въ Одесскомъ раіонѣ мобилизаціи. Мотивомъ этого, повидимому, была боязнь безпорядковъ, которые, яко-бы, должны были возникнуть изъ за непопулярности, какъ казалось Союзникамъ, Добровольческой Арміи въ населеніи. Несомнѣнно, что впечатлѣніе это создалось подъ большимъ вліяніемъ партіи петлюровцевъ, преслѣдовавшей свои опредѣленныя цѣли.

Основываясь на такихъ соображеніяхъ, но въ то же время признавая необходимость увеличенія количества вооруженныхъ силъ для борьбы съ большевиками, французы, въ день пріѣзда въ Одессу Генерала Бертелло, подняли вопросъ о формированіи смѣшанныхъ бригадъ (бригадъ-миксъ) на слѣдующихъ основаніяхъ.

1) Офицерскій составъ этихъ бригадъ назначается властью Добровольческой Арміи, но комплектуется только изъ уроженцевъ Украины.

2) Солдаты пополняются путемъ добровольнаго найма съ жалованіемъ 200-300 рублей въ мѣсяцъ при казенномъ довольствіи.

3) Въ каждый полкъ, въ качествѣ инструкторовъ, придается небольшое количество французскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

4) Въ командномъ отношеніи эти части Добровольческой Арміи не подчиняются.

5) Форма одежды примѣнительно къ французской — безъ погонъ. Такъ какъ въ такомъ видѣ эта мѣра пріобрѣтала характеръ формированія какой-то другой, не Добровольческой и не Русской арміи, то Главнокомандующій 8 февраля телеграфировалъ Командующему войсками Юго-Западнаго края Генералу Санникову: «Категорически воспрещаю Вамъ дѣлать эксперименты съ русскими войсками по чужой указкѣ. Передайте, что я, Главнокомандующій, не допущу ничьего вмѣшательства въ вопросы формированія русской арміи. Если бы кто либо позволилъ себѣ сдѣлать это, объявите, что исполнившій незаконное распоряженіе будетъ преданъ суду».

Позже, Главнокомандующій писалъ Генералу Бертелло: «Идея формированія бригадъ изъ русскихъ людей съ иностранными офицерами и подчиненных исключительно Французскому Командованію, не можетъ быть популярна, такъ какъ она идетъ въ разрѣзъ съ идеей возсозданія Русской арміи, во имя чего борется лучшее офицерство и наиболѣе здоровые элементы страны.

Возможно лишь оперативное подчиненіе Французскому Командованію русскихъ формированій, возникающихъ или имѣющихся въ мѣстахъ преобладающаго развертыванія союзныхъ войскъ, въ случаѣ если создавшаяся боевая обстановка того требуетъ.

Опасеніе шовинизма со стороны Русскаго Командованія по отношенію къ населенію Украины и намѣренія укомплектовать формируемыя части мѣстными украинскими уроженцами, лишній разъ подчеркиваетъ насколько недостаточно Французское Командованіе въ Одессѣ оріентировано въ обстановкѣ. Русское офицерство, ясно отдавая себѣ отчетъ въ происходящемъ, не можетъ иначе относиться къ населенію

Украины, чѣмъ ко всему Русскому народу, съ которымъ она составляетъ одно цѣлое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ самостійныхъ кругахъ, находящихъ поддержку въ многочисленныхъ австрійскихъ и германских агентахъ, естественно стремленіе созданія особыхъ украинскихъ войскъ и, какъ ни странно, этотъ планъ, противный идеѣ возсозданія Единой могущественной Россіи, что казалось бы наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ Французскаго народа, находитъ сочувствіе и поддержку у Французскаго Командованія.

Отказъ въ Юго-Западном раіонѣ отъ принудительной мобилизаціи разрушитъ совершенно, созданную съ такимъ трудомъ, Добровольческую Армію, уже перешедшую къ принципу обязательной воинской повинности. Изъ областей, въ коихъ формируются части путемъ призыва, лица, желающія уклониться отъ службы, начнутъ уходить въ мѣста, гдѣ отъ этого принципа отказались.

Разовьется дезертирство и начнется развалъ частей, ибо на смежныхъ русскихъ территоріяхъ не можетъ быть двухъ различныхъ рѣшеній по одному и тому же вопросу. Практика же показываетъ, что при успѣхѣ и силѣ на нашей сторонѣ, мобилизація вездѣ проходитъ успѣшно».

Не меньшія затрудненія для Добровольческой Арміи вызвало отношеніе Французскаго Командованія въ Крыму къ вопросу о введеніи военнаго положенія.

Въ портовыхъ городахъ Крыма, въ особенности въ Севастополѣ, мѣстные большевики, видя что Краевое Правительство и Союзное Командованіе не принимаетъ противъ нихъ репрессивныхъ мѣръ, начали постепенно поднимать голову и открыто агитировать за совѣтскую власть выводъ Добровольческой Арміи изъ Крыма и т. д..

Дабы въ корнѣ пресѣчь подобное безобразіе, Главнокомандующій призналъ желательнымъ ввести въ Крыму военное положеніе, предварительно запросивъ по этому вопросу Командующаго Крымско-Азовской Арміей. На это, послѣдній донесъ, что Французское Командованіе, считаясь главнымъ образомъ съ мѣстнымъ правительствомъ, указываетъ, что Добровольческая Армія находится въ Крыму исключительно для поддержанія порядка и спокойствія и что оно противъ введенія военнаго положенія, считая однако вполнѣ возможнымъ, чтобы Министру Внутреннихъ Дѣлъ были предоставлены чрезвычайныя полномочія по принятію различ-

ныхъ мѣръ, равносильныхъ введенію военнаго положенія.

Такъ, Французское Командованіе съ трудомъ ріентируясь въ создавшейся сложной обстановкѣ на Югѣ Россіи, но пытаясь итти самостоятельнымъ путемъ, не считалось съ предложеніями Главнаго Командованія Вооруженныхъ силъ на Югѣ Россіи и, гипнотизируемое различными узко партійными заявленіями, тормозило организаціонныя мѣропріятія русскихъ вооруженныхъ силъ, энергичное и быстрое проведеніе которыхъ въ жизнь являлось крайне необходимымъ, какъ обезпечивающее возможность дальнѣйшаго выполненія основного плана.

***

Еще менѣе понятнымъ было отношеніе Французскаго Командованія къ вопросу матеріальнаго снабженія Добровольческой Арміи тѣми запасами, которые послѣ демобилизаціи Русской арміи, оказались сосредоточенными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Какъ прямая преемница Русской арміи, Добровольческая Армія несомнѣнно имѣла на нихъ всѣ права, не говоря уже о томъ, что нужда въ предметахъ снабженія всякаго рода особенно въ снарядахъ и патронахъ была большая. Отношеніе это становится тѣмъ болѣе досаднымъ, что послѣ отступленія союзныхъ войскъ изъ раіона Одессы всѣ огромные матеріальные запасы, не будучи использованы, достались большевикамъ.

Наиболѣе крупные склады военнаго имущества, собранные при демобилизаціи Русской арміи находились въ Тирасполѣ, Николаевѣ и на островѣ Березань — близъ Очакова. На первую просьбу Генерала Санникова оказать содѣйствие вывозу имущества изъ Тирасполя, Французское Командованіе письменно увѣдомило его, что Тирасполь не находится въ зонѣ Добровольческой Арміи и что имущество впослѣдствіи будетъ правильно распредѣлено. Такая постановка вопроса вызывала недоумѣніе, такъ какъ это имущество, какъ уже указывалось, цѣликомъ составляло собственность Русской арміи и о какомъ бы то ни было распредѣленіи его, казалось бы, не должно было быть и рѣчи.

Когда съ подобной же просьбой Генералъ Санниковъ обратился къ Французскому Командованію въ отношеніи Николаева, то въ отвѣтъ послѣдовало извѣщеніе, что имущество

это, какъ не находящееся въ зонѣ Добровольческой Арміи, принадлежитъ Директоріи.

Такой отвѣтъ былъ полученъ за недѣлю до эвакуаціи Союзниками Николаева и все цѣнное и многочисленное имущество складовъ попало въ руки большевиковъ. Впослѣдствіи, при отступленіи изъ раіона Одессы, попали въ руки большевиковъ и склады на островѣ Березани.

Ко всему изложенному надо добавить, что въ Одессѣ Союзники захватили въ свои руки оставшіеся тамъ германскіе авіаціонные ангары, о передачѣ которыхъ въ Добровольческую Армію было уже условлено съ германскимъ командованіемъ.

Точно также Французское Командованіе поступило и съ остатками Русскаго военнаго флота. Прибывъ въ Севастополь, французскій Адмиралъ Леже заявилъ, что ни одинъ способный плавать корабль Черноморскаго флота, даже самый незначительный, не будетъ переданъ русскимъ, пока въ Россіи не установится окончательный порядокъ, такъ какъ нѣтъ увѣренности въ томъ, что суда эти не попадутъ въ руки большевиковъ и не нанесутъ вреда сообщеніямъ Союзниковъ.

Въ серединѣ декабря всѣ годныя суда Черноморскаго флота были уведены Союзниками въ Константинополь.

Такъ, въ стремленіи обезпечить свои морскія сообщенія, Французское Командованіе неизбѣжно наносило ущербъ Добровольческой Арміи, потому что впослѣдствіи, когда этой Арміи пришлось защищать Крымскій полуостровъ, отсутствіе военныхъ судовъ, могущихъ содѣйствовать этой защитѣ ощущалось въ сильной мѣрѣ.

Кромѣ того, когда подъ натискомъ превосходныхъ силъ противника слабыя части Добровольческой Арміи начали очищеніе большей части Крыма, Французское Командованіе не допустило разрушить желѣзнодорожную линію Симферополь — Севастополь и оставило неповрежденнымъ весь подвижной составъ, который въ большомъ количествѣ и достался большевикамъ.

При всемъ этомъ, французы, раздѣливъ сферы вліянія и снабженія между собой и англичанами, за всѣ эти четыре мѣсяца не только не доставили Русской арміи ни одного пуда груза, но даже заставили Русское Командованіе снабжать изъ

Новороссійска части Добровольческой Арміи, находившіяся въ Одессѣ и въ оперативномъ отношеніи бывшія въ подчиненіи Французскаго Командованія.

***

Политика французовъ на Югѣ Россіи и отношеніе ихъ къ вопросамъ русской государственности поражали своей запутанностью и неправильнымъ пониманіемъ обстановки.

Выше было указано, что всѣ представители Французскаго Главнаго Командованія подтвердили стремленіе Франціи возстановить Единую и Недѣлимую Россію, но ихъ ближайшія мѣропріятія сплошь и рядомъ расходились съ этой основной идеей, влекли за собой непоправимыя ошибки и волновали русское общество, тревожно задававшее себѣ вопросъ: — «съ чѣмъ пришли къ намъ Союзники, на помощь ли истекающей кровью Россіи или съ цѣлью оккупаціи со всѣми проистекающими изъ нея тягтяйшими для насъ послѣдствіями».

Представитель Французскаго Командованія въ Екатеринодарѣ Капитанъ Фуке велъ довольно своеобразную политику въ отношеніи Дона, политику обѣщаній и намековъ. Сначала вопросъ о присылкѣ союзныхъ войскъ въ Донскую область онъ ставилъ въ зависимость отъ признанія Донскимъ Атаманомъ единаго командованія въ лицѣ Главнокомандующаго Добровольческой Арміей. Единое командованіе было окончательно признано Донскимъ Атаманомъ 26 декабря и тогда же объ этомъ былъ поставленъ въ извѣстность Генералъ Бертело. Между тѣмъ 27 января, то-есть ровно черезъ мѣсяцъ, Капитанъ Фуке, по какимъ то причинамъ, предложилъ въ письменной формѣ Донскому Атаману подтвердить достигнутое соглашеніе и признать въ лицѣ Генерала Франше д'Эспере «высшее командованіе и власть по вопросамъ военнымъ, политическимъ и общаго характера». Тогда же Капитанъ Фуке обусловливалъ присылку союзныхъ войскъ на Донъ согласіемъ Донского Атамана на удовлетвореніе изъ Донской Казны лицъ и общества французскихъ и союзныхъ подданныхъ Донецкаго бассейна, какъ на территоріи въ предѣлахъ Донского войска такъ и въ сосѣднихъ раіонахъ», за погибшія человѣческія жизни и за всѣ понесенные убытки, происшедшіе отъ занятія раіона большевиками. При чемъ, все это было подтверждено слѣдующей телеграммой 28 янва-

ря № 717 на имя Донского Атамана «...Исполненіе военной программы начнется не ранѣе того, какъ я буду имѣть документы въ рукахъ. Капитанъ Фуке».

Это заявленіе, облеченное въ столь категорическую форму, было предъявлено Атаману въ ту минуту, когда на Донскомъ фронтѣ создавалось чрезвычайно тяжелое положеніе: половина области была уже въ рукахъ большевиковъ, а Донскіе казаки, истомленные боями и постепенно терявшіе надежду на помощь Союзниковъ, продолжали отступать.

Всѣ эти документы, которые Капитаномъ Фуке были составлены заблаговременно, Генералъ Красновъ подписать отказался и, оставивъ ихъ у себя, увѣдомилъ объ этомъ Главнокомандующаго, который всецѣло раздѣлилъ точку зрѣнія Донского Атамана.

Въ Крыму, вскорѣ послѣ высадки французскихъ войскъ въ Севастополѣ, представители Французскаго Командованія, повидимому, не будучи вполнѣ оріентированы, что Крымское Правительство является лишь мѣстнымъ, областнымъ, не имѣющимъ общегосударственнаго значенія, сплошь и рядом обсуждало съ членами указаннаго правительства вопросы чисто военные.

Начальникъ Штаба Главнокомандующаго, въ сношеніи отъ 19 декабря на имя Генеральнаго Штаба Капитана Фуке, поставилъ объ этомъ послѣдняго въ извѣстность, дабы онъ оповѣстилъ представителей Союзниковъ въ Крыму и далъ имъ возможность вполнѣ правильно оріентироваться въ современномъ политическомъ положеніи Крыма.

Въ Одессѣ до начала 1919 года, политика Французскаго Командованія не оставляла желать лучшаго.

Позиція занятая полномочнымъ Представителемъ Державъ Согласія на Югѣ Россіи Французскимъ Консуломъ Энно, хорошо знакомымъ съ Россіей, вѣрно оцѣнивавшимъ украинское движеніе какъ наносное, субсидированное австрійскими и германскими деньгами, отличалась твердымъ стремленіемъ проводить чисто русскую національную политику и вести борьбу съ украинскимъ вліяніемъ. Отношенія его къ Добровольческой Арміи были самыми благожелательными, въ ея лицѣ онъ признавалъ единственное здоровое начало на **Югѣ Россіи.**

Генералъ Боріусъ и его штабъ совершенно не вмѣшивались во внутреннюю жизнь Одесскаго раіона и въ гражданское управленіе города.

Съ пріѣздомъ въ Одессу Генерала д'Ансельма и его Начальника Штаба Полковника Фрейденберга, Консулъ Энно былъ устраненъ отъ должности и политика французовъ рѣзко измѣнилась.

Душою новаго политическаго курса сталъ Полковникъ Фрейденбергъ, дѣятельность котораго поразительно совпадала съ работой нѣмецкихъ и большевицкихъ агентовъ.

Высадивъ въ Одессѣ сравнительно небольшое количество войскъ, Французское Командованіе не считало ихъ положеніе достаточно прочнымъ и потому стремилось усилить обороноспособность Одесской зоны путемъ использованія мѣстныхъ силъ. Несмотря на то, что вопросъ этотъ, казалось бы, наиболѣе естественно разрѣшался совмѣстной работой съ Добровольческой Арміей, особенно въ случаѣ оказанія послѣдней энергичной помощи въ дѣлѣ формированія и организаціи, Французское Командованіе, плохо освѣдомленное и недостаточно понимающее сущность украинскаго движенія, стало на путь переговоровъ съ Директоріей, не имѣвшей ни силы, ни власти, ни даже, подъ конецъ, территоріи, въ надеждѣ при посредствѣ ея осуществить желаемую цѣль.

Однако Одесса являлась городомъ который за все время украинскаго движенія былъ къ нему наиболѣе оппозиціонно настроенный, поэтому Французское Командованіе, вступая въ тѣсное общеніе съ Директоріей, сразу же отшатнуло отъ себя наиболѣе здоровые элементы населенія.

Убѣжденнымъ сторонникомъ этой политики былъ Полковникъ Фрейденбергъ, сильно вліявшій на Главное Французское Командованіе и отрицавшій главенствующую роль Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, которыя въ его глазахъ казались непопулярными среди населенія и не разсматривались имъ, какъ имѣющія право преемства во всѣхъ отношеніяхъ отъ старой Русской арміи.

Несомнѣнно, что Французское Командованіе въ Одессѣ отрицало и право Вооруженныхъ силъ Юга Россіи на объединеніе занятой территоріи въ гражданскомъ управленіи, и своей политикой разбивало только что создавшееся съ такимъ трудомъ объединение власти въ лицѣ Главнокомандующаго Вооруженными силами.

Такая политика французовъ проводилась въ Одессѣ и Крыму тогда, когда въ Екатеринодарѣ, въ Ставкѣ Главнокомандующаго, Представители Франціи и Англіи, сознавая необходимость концентраціи всѣхъ силъ для борьбы съ большевиками и, видя въ этомъ одинъ изъ главныхъ залоговъ успѣха, напрягали всѣ усилія, чтобы содѣйствовать Вооруженнымъ силамъ Юга Россіи въ достиженіи этого объединенія возможно быстрѣе и въ наиболѣе полной мѣрѣ. Получалось необъяснимое и загадочное противорѣчіе между заявленіями и работой Представителей Франціи, находившихся въ Екатеринодарѣ, и отношеніемъ къ Вооруженнымъ силамъ Главнаго Союзнаго Командования, противорѣчіе, которое явилось несомнѣнной и главной причиной потери Николаева, Херсона, Березовки и которое, въ концѣ концовъ, закончилось катастрофой въ Одессѣ и Крыму.

Полковникъ Фрейденбергъ, и все Французское Командованіе разчитывало опереться на Украинскую Дирекцію. Однако именно украинцы, менѣе всего были жизненны и, конечно, не могли служить опорой въ рѣшеніи вопросовъ большого государственнаго масштаба. Несомнѣнно должно бы было настать время, когда эта убогая опора должна была надломиться и вся постройка рухнуть.

Это тѣмъ болѣе должно было быть яснымъ, что всѣ болѣе или менѣе значительныя политическія партіи въ Одессѣ, въ большинствѣ, сознавали безпочвенность петлюровцевъ и безплодность политики Фрейденберга, поэтому, если последняго и поддерживали единичныя лица, то они менѣе всего были заинтересованы въ благѣ Россіи, а преслѣдовали свои эгоистическія цѣли, часто близкія къ авантюризму. Къ сожалѣнію, Полковникъ Фрейденбергъ сознательно велъ политику разрушенія и, когда его ставленникъ Андро, личность весьма сомнительная, сдѣлался главою новаго правительства въ Одессѣ, онъ оказался одинъ — ни одна политическая партія его не поддержала, а Генералъ д'Ансельмъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, оказался безсильнымъ провести въ жизнь намѣченные планы и реформы, касающіяся, главнымъ образомъ, формированія новой арміи.

Уже съ первыхъ дней пребыванія въ Одессѣ Генерала д'Ансельма, Французское Командованіе начало постепенно забирать въ свои руки гражданское управленіе раіона. Началомъ этого послужило запрещеніе ввести русскую админист-

рацію въ расширенной Одесской зонѣ и оставленіе въ ней управленія Директоріи. Результаты не замедлили сказаться. Такъ, въ Николаевѣ началась полная анархія, потому, что власть одновременно принадлежала демократической полубольшевицкой думѣ, комиссару Украинской Директоріи, Совѣту рабочихъ депутатовъ, Совѣту депутатовъ германскаго гарнизона и наконецъ Французскому коменданту. Очевидно, что подобной обстановкѣ и во всемъ Одесскомъ раіонѣ, трудно было разсчитывать на возможность проведенія въ жизнь какихъ бы то ни было мѣропріятій, связанныхъ съ вопросами обороны. Указанія на это Русскаго Командованія — успѣха не имѣли.

Постепенно обстановка усложнялась и потребовала пріѣзда въ Одессу Генерала Бертело. Къ этому времени Командующимъ войсками Юго-Западнаго края былъ назначенъ Генералъ Санниковъ. 2 февраля 1919 года Генералъ Бертело назначилъ Генерала д'Ансельма Командующимъ Союзными войсками въ Южной Россіи. На Генерала д'Ансельма возлагалось руководство всѣми вопросами военной политики и администраціи. Генерала Санникова въ дѣлахъ политическихъ и административныхъ Французское Командованіе подчиняло Генералу д'Ансельму, который, однако, не имѣлъ права вмѣшиваться въ подробности предпринимаемыхъ мѣръ, а долженъ былъ всецѣло согласовать ихъ съ вопросами военнаго характера.

Генералъ Санниковъ признавался Командующимъ Русскими войсками, но поскольку дѣло касалось примѣненія этихъ войскъ, Генералъ Санниковъ былъ всецѣло подчиненъ Генералу д'Ансельму.

Въ связи съ введеніемъ этой новой системы подчиненности въ Одесскомъ округѣ Главнокомандующій, телеграфировалъ Генералу Санникову:

1. «Во всѣхъ отношеніяхъ: военномъ, политическомъ, гражданскомъ Вы подчинены мнѣ и только отъ меня можете получать приказанія.

2. Предлагаю Вамъ всемѣрно координировать свои дѣйствія съ Французскимъ Командованіемъ.

3. Въ виду численнаго преобладанія союзническихъ войскъ, русскія части Одесскаго раіона только въ оперативномъ отношеніи подчиняются Французскому Командованію.

4. Детально взаимоотношенія наши будутъ установлены при свиданіи моемъ съ Генераломъ Бертело, который сдѣлалъ это предложеніе. 8 февраля № 219 Деникин».

Вскорѣ послѣ полученія донесенія изъ Одессы о неразрѣшеніи организаціи гражданской власти на мѣстахъ, Главнокомандующій писалъ Генералу Бертело: «Несогласованныя дѣйствія въ области гражданскаго управленія приведутъ къ нежелательнымъ результатам. Гражданская власть должна быть въ рукахъ лица назначеннаго мною, которое дастъ всѣ гарантіи нормальной жизни Союзнымъ войскамъ и будетъ координировать свои дѣйствія съ Союзнымъ Командованіемъ. Вынужденный къ сожаленію отложить мое личное съ Вами свиданіе, считаю необходимымъ предупредить Ваше Превосходительство о тѣхъ непоправимыхъ и грозныхъ послѣдствіяхъ, которыя повлекутъ за собой мѣропріятія, намѣченныя Французскимъ Командованіемъ и надѣюсь, что они не получатъ осуществленія до выясненія всего вопроса при личномъ нашемъ свиданіи».

***

Уже въ концѣ февраля 1919 года начали сказываться плоды своеобразной политики французовъ. Союзныя войска понесли пораженіе подъ Херсономъ.

Къ этому времени гарнизонъ Херсона состоялъ изъ 1 баталіона грековъ и роты французовъ при двухъ горныхъ орудіяхъ. Изъ этихъ войскъ одна рота грековъ занимала станцію, отдѣленную отъ города двухверстнымъ открытымъ полемъ. Большевики повели наступленіе на станцію съ фронта и праваго фланга со стороны Б. Снѣгиревки. Греки, утомленные безсонницей и томимые жаждой, долго держались, но обойденные справа, подъ мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ противника устоять не могли, и, чувствуя недостатокъ въ патронахъ, начали отходить къ городу. Видя успѣхъ совѣтскихъ войскъ, мѣстное населеніе, большею частью рабочіе, выступили съ оружіемъ въ рукахъ. Прибывшая на поддержку Херсона рота 176 французскаго полка сперва не хотѣла высадиться, а потомъ вступивъ въ городъ, отказалась идти въ бой и только послѣ угрозы командира и мѣткихъ разрывовъ непріятельскихъ снарядовъ двинулась впередъ. Съ крейсера былъ открытъ огонь по предмѣстьямъ, въ которыхъ начался пожаръ.

Союзному Командованію стало ясно, что при такомъ положеніи наличными силами удержать городъ не удастся и войскамъ было приказано отходить къ кораблямъ для посадки.

Большевики, видя это, старались отрѣзать Союзниковъ отъ рѣки. Положеніе ихъ было спасено ротой грековъ, успѣвшей высадиться съ подошедшаго изъ Одессы транспорта. Тогда большевики открыли ураганный огонь по всей площади передъ судами и Союзникамъ приходилось подъ этимъ огнемъ грузиться.

Утромъ 25 февраля (10 марта) послѣднее судно подъ огнемъ отошло въ Одессу.

Неудача эта произвела тягостное впечатлѣніе на французовъ. Въ этомъ бою Союзники потеряли около 400 человѣкъ, изъ нихъ 14 офицеровъ.

Потерпѣвъ неудачу подъ Херсономъ, Союзники по совершенно непонятнымъ причинамъ рѣшили эвакуировать и Николаевъ, и вывезли оттуда всѣ свои войска на судахъ непосредственно въ Одессу, отдавъ безъ всякаго сопротивленія весь богатѣйшій раіонъ Херсонской губ. между Днѣпровскимъ и Телигульскимъ лиманами. Въ этотъ раіонъ входила крѣпость Очаковъ и островъ Березань, на которомъ находился громадный складъ артиллерійскихъ снарядовъ. Лишь энергичнымъ выдвиженіемъ Добровольческих частей въ сторону Херсона удалось временно закрѣпить за собой Очаковъ и сохранить Березань.

Положеніе въ Одессѣ становилось все болѣе тревожнымъ, но Французское Командованіе, не сознавая своихъ ошибокъ, продолжало проводить въ жизнь свою политику сепаратизма въ отношеніи Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

5 марта Начальникъ Французской Военной Миссіи въ Екатеринодарѣ Полковникъ Корбель сообщилъ Главнокомандующему: «Телеграммой переданной Севастопольской радіо-телеграфной станціей 17/3 — 19. Генералъ д'Ансельмъ поручаетъ мнѣ увѣдомить Васъ, что въ виду серьезности положенія и трудности сношеній съ Вами, онъ долженъ былъ объявить осадное положеніе и принять командованіе, назначивъ себѣ помощникомъ по гражданской части Его Превосходство г. Андро Ланжерона. Онъ проситъ меня Васъ увѣдомить, что это, разумѣется, лишь временныя мѣропріятія.

Примите Генералъ, увѣренія моего глубокаго почтенія и преданности. Начальникъ Французской Военной Миссіи Полковникъ Корбель».

Такимъ образомъ совершился «переворотъ» и Французское Командованіе, вдохновляемое Полковником Фрейденбергомъ, окончательно вышло на самостоятельный путь рѣшенія задачъ борьбы съ большевиками, оккупируя Одесскій раіонъ. Несомнѣнно, что «переворотъ» этотъ подготовлялся уже давно и исходилъ, повидимому, изъ стремленія французовъ достичь единства командованія и созданія энергичной и всецѣло подчиненной военному командованію гражданской власти. Къ представителямъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи въ этомъ отношеніи они относились критически.

Желая подчеркнуть настоятельную необходимость этого «переворота» и естественность его происхожденія, Французское Командованіе и въ частности Полковникъ Фрейденбергъ, искуссно воспользовалось интригами мѣстныхъ политическихъ партій и нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ. Въ этомъ отношеніи въ лицѣ Г. Андро, Полковникъ Фрейденбергъ нашелъ себѣ подходящаго помощника.

Крайнія правыя и лѣвыя политическія партіи Одессы не вполнѣ доброжелательно относились къ Добровольческой Арміи. Первая (хлѣборобы) мечтали о возвращеніи своихъ земель, а вторыя (соціалисты) находили Добровольческую Армію реакционной.

Настроеніе этихъ партій и должно было явиться главнымъ козыремъ въ рукахъ Фрейденберга и Андро, которые, стремясь использовать ихъ интриги противъ Добровольческой Арміи, мечтали объ образованіи «кабинета» коалиціоннаго характера, долженствующаго, какъ имъ казалось, удовлетворить широкіе русскіе общественные круги.

Однако, какъ уже говорилось, когда Андро вступилъ въ фактическое исполненіе своихъ обязанностей Помощника Генерала д'Ансельма по гражданскимъ дѣламъ, его не поддержалъ никто. Сразу же обнаружилось, насколько широкіе общественные круги были чужды его политики, а крайнія правыя и лѣвыя партіи, тоже вышедшія изъ «кабинета», не усматривали въ ней залога своего будущаго благополучія.

Получивъ донесеніе о введеніи осаднаго положенія, Главнокомандующій 5 марта телеграфировалъ Генералу Бертело: «Сообщаю Вамъ для свѣдѣнія телеграмму, посланную мною Генералу Санникову по поводу полученной мною депеши Генерала д'Ансельма: «Одесса Генералу Санникову. Передайте Генералу д'Ансельмъ слѣдующее: я совершенно недопускаю установленія никакой гражданской власти, кромѣ назначенной мною. Поэтому приказываю: 1) Ни въ какія сношенія съ Андро не вступать, никакихъ распоряженій его не выполнять ни Вамъ, ни гражданскимъ властямъ. Какого бы то ни было участія въ управленіи краемъ Андро, какъ лица незаслуживающаго довѣрія, не допускаю. 2) Вамъ, сохраняя полную гражданскую власть, надлежитъ всемѣрно согласовать свои дѣйствія съ Французскимъ Командованіемъ въ интересахъ соблюденія порядка и обезпеченія союзныхъ армій 3) Въ интересахъ борьбы съ большевиками Вы, какъ Командующій войсками, исполняете оперативныя указанія Французскаго Командованія, но помимо Васъ ни одно распоряженіе не можетъ быть отдано русскимъ войскамъ. 4) Въ случаѣ полнаго перерыва связи предоставляю Вамъ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ отъ моего имени съ соблюденіемъ достоинства Россіи, интересовъ Добровольческихъ Армій и края. 5) По поводу дѣйствій Генерала д'Ансельма дѣлается сношеніе съ Французскимъ Правительствомъ».

Если Генералъ д'Ансельмъ и Полковникъ Фрейденбергъ вели свою кампанію противъ Добровольческой Арміи, все же ощупью и осторожно, то пріѣхавшій въ Одессу Генералъ Франше д'Эспере пошелъ противъ Добровольческой Арміи открыто, рѣзко и рѣшительно. Прибылъ онъ, повидимому, уже съ предвзятыми мнѣніями и готовыми рѣшеніями и прежде всего имѣлъ бесѣду съ Андро, совершенно не интересуясь мнѣніями представителей тѣхъ круговъ, которые стояли на позиціи поддержки Добровольческой Арміи и считали ее единственной основой спасенія и возрожденія Россіи.

Вскорѣ Генераламъ Санникову и Гришину-Алмазову было предложено уѣхать въ Екатеринодаръ, а военнымъ губернаторомъ Одессы былъ назначенъ Генералъ Шварцъ, ничего общаго съ Добровольческой Арміей не имѣвшій и служившій ранѣе у большевиковъ. Однако и Генералъ Шварцъ, повидимому учитывая шаткость своего положенія, обратился съ

просьбой къ Главнокомандующему объ утвержденіи своего назначенія.

14 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Генералъ Шварцъ донесъ мнѣ, что онъ назначенъ Генералъ-Губернаторомъ и Командующимъ войсками Одесской зоны. Устраненіе назначенныхъ мною властей повергло меня въ полное недоумѣніе. Я убѣжденъ, что и Вы признаете необходимость нашей совмѣстной согласованной работы. Полагаю, что въ этомъ дѣлѣ кроется недоразумѣніе, которое можетъ вызвать серьезныя послѣдствія. Поэтому считаю особенно желательнымъ скорѣйшее свиданіе. Положеніе на фронтѣ лишаетъ меня возможности, къ крайнему моему сожалѣнію отлучиться изъ моей Главной Квартиры хотя бы на сколько нибудь продолжительный срокъ. Вотъ почему я предлагаю Вамъ назначить свиданіе въ одномъ изъ портовъ, не очень отдаленномъ отъ Новороссійска, если возможно не далѣе Севастополя. Если Вы раздѣляете мое мнѣніе, я прошу Васъ назначить мѣсто и день свиданія».

Въ то же время Начальникъ Штаба Главнокомадующаго телеграфировалъ Командующему Добровольческими войсками въ Одессѣ Генералу Мельгунову: «Главнокомандующій въ виду происшедшихъ событій приказалъ Вамъ оставаться на мѣстѣ, занимая выжидательное положеніе и донося обстановку сюда. Въ оперативномъ отношеніи подчиняться Французскому Командованію, оберегая Добровольческія части».

Одновременно Главнокомандующій приказалъ Генералу Драгомирову: «Прошу сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ официіальныя сношенія съ Одессой дѣлались не съ самозванцами, а съ лицами, назначенными ранѣе Командованіемъ, или черезъ Бернацкаго. Въ частности по военнымъ вопросамъ — съ Генералами Мельгуновымъ и Тимановскимъ».

Такая, совершенно не отвѣчающая обстановкѣ и подрывающая престижъ Добровольческой Арміи, политика французовъ, несмотря на цѣлый рядъ предупрежденій и указаній со стороны Главнокомандующаго Вооруженными силами на Югѣ Россіи, незамедлила повлечь за собой неизбѣжныя послѣдствія.

Уже 6 марта произошло неудачное для Союзниковъ столкновеніе съ большевиками подъ Березовкой.

Въ этомъ бою участвовали 2-ой и 3-ій эскадроны Сводного кавалерійскаго полка Добровольческой Арміи. По донесеніямъ командировъ эскадроновъ, у Союзниковъ было три баталіона грековъ, одинъ баталіонъ зуавовъ, 6 орудій и 5 танковъ. Большевики, обстрѣлявъ Союзныя войска изъ 2-хъ орудій — одного легкаго и одного тяжелаго, развернули жидкую цѣпь и повели наступленіе на центръ расположенія французовъ. Въ это время въ мѣст. Березовка, въ тылу позиціи, раздалась безпорядочная стрѣльба. Французы и греки дрогнули. Начальникъ отряда Капитанъ Жэ пытался остановить бѣгущихъ, но тщетно. При отступленіи Союзники бросили весь обозъ, оружіе, снаряженіе и даже шинели. Незначительная часть отступающихъ Союзниковъ была остановлена подошедшимъ изъ резерва греческимъ баталіономъ у ст. Славяносербскъ, остальные отошли прямо на Одессу. Особенно сильна была паника на мосту черезъ реку Березовку, гдѣ были оставлены всѣ орудія и всѣ танки.

Вскорѣ послѣ этого большевики сосредоточили свои войска для наступленія на Одессу.

Политика Французскаго Командованія въ Одессѣ, такъ настойчиво стремившагося въ своемъ конечномъ результатѣ къ увеличенію обороноспособности Одессы и ради этого не брезговавшаго никакими путями, въ концѣ концовъ въ этомъ отношеніи ничего не достигла.

Всѣ распоряженія Французскаго Командованія вносили лишь путаницу и подрывали престижъ какъ Франціи, такъ и Добровольческой Арміи.

Въ результатѣ подобной политики, Генералъ д'Ансельмъ по приказанію Генерала Франше д'Эспере, которое, яко-бы, послѣдовало изъ Парижа, 23 марта 1919 года очистилъ Одессу, эвакуируя французскія войска частью моремъ, частью сухимъ путемъ въ Румынію. Въ Румынію же отошли и Добровольческія части.

Оставленіе Одессы произошло внезапно и должно было быть совершено въ теченіе 48 часовъ, при чемъ Главнокомандующій Вооруженными силами на Югѣ Россіи не былъ объ этомъ предупрежденъ вовсе.

Вскорѣ Одесса съ ея многолюднымъ населеніемъ и огромными запасами, принадлежащими какъ французскимъ, такъ и русскимъ войскамъ, была занята большевиками.

26 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Только вчера 26 марта я узналъ, что французскія войска оставляютъ Одессу, давъ невыполнимый срокъ на ея эвакуацію, а Добровольческая бригада направлена въ Аккерманъ. Французское Командованіе не нашло даже нужнымъ предупредить меня объ этомъ. Теперь трудно предугадать даже огромныя историческія послѣдствія этого шага. Во всякомъ случаѣ полагаю, что Добровольческая бригада имѣетъ нравственное право на всякую помощь и прежде всего на немедленную отправку ея моремъ въ полномъ составѣ съ артиллеріей и обозами на присоединеніе къ русской арміи въ Новороссійскъ».

Часть II.

Эвакуація Одессы.

—

Къ 22 марта въ Одесскомъ районѣ находились:

а) Части Вооруженныхъ силъ Юга Россіи: Бригада Генерала Тимановскаго — 3350 штыковъ, 1600 сабель, 18 легкихъ орудій, 8 гаубицъ, изъ нихъ половина шестидюймовыхъ, и 6 броневыхъ машинъ. Бригада находилась на фронтѣ въ 30-40 верстахъ отъ Одессы и лишь небольшой отрядъ, около 400 штыковъ, былъ расположенъ въ самомъ городѣ.

б) Союзныя войска: двѣ французскихъ, двѣ греческихъ и часть румынской дивизіи, — всего до 30-35 тысячъ штыковъ и шашекъ.

Этихъ силъ, какъ показывалъ опытъ Добровольческой Арміи, было совершенно достаточно не только для удержанія Одесскаго раіона, но и для овладѣнія всѣмъ Юго-Западнымъ краемъ съ Кіевомъ. Но по заявленію самихъ французовъ войска ихъ были не надежны, и у Французскаго Командованія не было полной увѣренности, что боевые приказы будутъ ими выполняться.

Что же касается грековъ, то настроены они были отлично, но не имѣли своей артиллеріи, средствъ связи, находились въ подчиненіи Французскаго Командованія и были въ общемъ совершенно не самостоятельны.

Противъ этихъ войскъ со стороны большевиковъ дѣйствовали лишь два совѣтскихъ полка мѣстнаго формированія

и рядъ многочисленныхъ. наскоро организованныхъ отрядовъ, — всего не болѣе 15 тысячъ штыковъ и шашекъ.

Благодаря крайней инертности Французскаго Командованія, — большевики одержали рядъ частныхъ успѣховъ, несмотря на численное превосходство Союзниковъ.

Страшась потерь и неустойчивости своихъ войскъ, Французское Командованіе рѣшило по опыту Салоникскаго укрепленнаго раіона создать и въ Одессѣ «укрѣпленный лагерь».

Немедленно послѣ этого было приступлено къ инженернымъ работамъ.

Такимъ образомъ до 20 марта не было абсолютно никакихъ признаковъ, которые могли бы указать на возможность экстренной эвакуаціи союзныхъ войскъ изъ Одесскаго раіона.

Вечеромъ 20 марта Французское Командованіе въ Одессѣ получило директивы изъ Парижа.

На слѣдующій день Начальнику Штаба Юго-Западнаго Края Генералу Мельгунову, Французское Командованіе сообщило о перемѣнѣ политики Франціи въ русскомъ вопросѣ, указавъ на то, что Министерство Клемансо пало, вслѣдствіе отказа Парламента въ кредитахъ на восточныя операціи и что отъ Пишона получена телеграмма о выводѣ всѣхъ войскъ изъ предѣловъ Россіи въ трехдневный срокъ.

Во исполненіе этого распоряженія Генералъ д'Ансельмъ, Командующій союзными войсками въ Южной Россіи, приказалъ закончить эвакуацію Одессы въ 48 часовъ, каковой срокъ былъ также данъ для эвакуаціи расположенныхъ въ городѣ Одессѣ Русскихъ войсковыхъ частей и тыловыхъ учрежденій.

Бывшая на фронтѣ бригада Генерала Тимановскаго находилась въ подчиненіи Начальника 30 -ой французской дивизіи Генерала Нерель. Согласно инструкціи Главной Квартиры № 2 отъ 20 марта за № 7486 § 3, — войска Генерала Нерель должны были отходить къ Румынской границѣ, по путямъ сѣвернѣе Одессы, минуя самый городъ. Въ § 5-той же инструкціи было указано, что въ случаѣ отступленія къ Днѣстру, задача возложенная на Русскую Добровольческую Армію будетъ дана дополнительно.

Русскимъ частямъ и учрежденіямъ, расположеннымъ въ городѣ Одессѣ Французскимъ Командованіемъ были назна-

чены три направленія: на Новороссійскъ, Константинополь и Констанцу, причемъ оба послѣднихъ пункта должны были явиться лишь этапомъ для дальнѣйшаго направленія ихъ въ Сибирь къ Адмиралу Колчаку, что, повидимому, совпадало съ желаніемъ Генерала Шварца и нѣкоторыхъ политическихъ партій, интриговавшихъ противъ Добровольческой Арміи.

Для каждаго направленія было предоставлено по нѣсколько транспортовъ.

Желая подготовить общественное мнѣніе къ факту оставленія Одессы союзными войсками, — Генералъ д'Ансельмъ издавалъ приказъ, въ которомъ доводилъ до свѣдѣнія населенія, что въ виду невозможности подвезти въ ближайшее время достаточнаго количества продовольствія, имъ принято рѣшеніе уменьшить въ Одессѣ число жителей путемъ ея частичной эвакуаціи. Этотъ приказъ появился въ газетахъ 21 марта. Одновременно, всѣ служащіе въ различныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ по требованію Французскаго Командованія, были спрошены о томъ, куда бы они хотѣли выѣхать изъ Одессы, при чемъ было предложено на выборъ упомянутыя три направленія.

Есть данныя предполагать, что приказъ этотъ не явился полной неожиданностью для Французскаго Командованія, такъ напримѣръ: Полковникъ Фрейденбергъ, получивъ за недѣлю до эвакуаціи мѣсячный отпускъ, во Францію не уѣхалъ, дѣлъ своему замѣстителю Полковнику Жерменъ не сдалъ и, по полученіи приказа объ эвакуаціи, фактически взялъ все дѣло эвакуаціи въ свои руки.

Въ первый же день эвакуація города приняла до нельзя безпорядочныя формы; произошла полнейшая сумятица, прежде всего потому, что французы захватили себѣ нѣсколько русскихъ транспортовъ, ранѣе ими же самими предназначенныхъ для эвакуаціи русскихъ. Лица, которымъ были отведены мѣста на захваченныхъ транспортахъ, оказались за бортомъ и устремились на пароходы, оставшіеся еще въ распоряженіи Русскихъ властей. А въ тоже время, Управленіе Андро, не будучи въ этомъ освѣдомлено, продолжало выдавать билеты на тѣ именно транспорты, которые уже были захвачены французами.

Въ первый же день, 21 марта, началась эвакуація и французскихъ войскъ, носившая сумбурный и панический характеръ.

Состояніе французскихъ войскъ, близкое къ полной деморализаціи тотчасъ же подняло духъ мѣстныхъ большевиковъ. Немедленно проявилъ кипучую дѣятельность, до тѣхъ поръ существовавшій лишь нелегально мѣстный совдепъ, который выпустилъ воззваніе къ населенію, посадилъ во всѣ **банки комиссаровъ,** наложившихъ запретъ на хранившіяся тамъ суммы и развилъ широкую агитацію среди рабочихъ.

Психика обывателя, благодаря происшедшимъ внезапнымъ перемѣнамъ была настолько потрясена, что ко всѣмъ распоряженіямъ большевиковъ, какъ будущей власти, невольно относились внимательно. Судовыя команды, подчинившись распоряженію большевицкого штаба, забастовали и сошли на берегъ, предварительно испортивъ на большинствѣ судовъ машины. Это окончательно осложнило эвакуацію.

Въ городѣ начались отдѣльные случаи убійствъ большевиками добровольцевъ и разоруженія греческихъ солдатъ. Изъ тюрмы были выпущены всѣ, какъ политическіе, такъ и уголовные преступники.

Съ утра 22 марта весь городъ былъ запруженъ бѣженцами. Всѣ старались попасть на какой нибудь пароходъ, безразлично куда бы онъ ни шелъ, лишь бы только у него была исправна машина и имѣлся уголь, чтобы хотя выбраться изъ порта. Однако такихъ пароходовъ было мало, приходилось занимать и совершенно безнадежные суда. Въ теченіе всего дня 23 марта французы выводили такіе суда на внѣшній рейдъ, гдѣ они усиліями самыхъ же пассажировъ и при весьма слабой помощи союзниковъ, кое-какъ чинились и уходили каждый въ своемъ направленіи. Вывести всѣ суда изъ порта все-таки не удалось.

Въ полдень 23 марта власть въ городѣ перешла въ руки совѣта рабочихъ депутатовъ.

Французское Командованіе и городская дума официально признали его; съ этого момента большевики стали полными хозяевами положенія. Для того, чтобы побудить французовъ оставить въ Одессѣ русскую торговую флотилію, совдепъ командировалъ на французскій линейный корабль «Жюстисъ» депутацію, вступившую въ переговоры съ французскимъ морскимъ командованіемъ.

Судя по большевицкой радіотелеграммѣ, переговоры продолжались около двухъ часовъ и съ обѣихъ сторонъ

носили самый вѣжливый характеръ. Впрочѣмъ, эти переговоры никакихъ послѣдствій не имѣли, такъ какъ почти всѣ суда, стоявшіе въ Одесскомъ порту (болѣе 20), французы предназначили для перевозки своихъ войскъ, военныхъ припасовъ и мѣстныхъ французскихъ и греческихъ колоній, а тѣ немногіе, не успѣвшіе въ этотъ день выбраться на внѣшній рейдъ суда, были уже окончательно испорчены самими же большевиками.

Впослѣдствіи, для предотвраженія помѣхи эвакуаціи со стороны большевиковъ, въ городѣ недалеко отъ порта была установлена линія зоны, въ предѣлахъ которой французы оставались до послѣдней минуты полными хозяевами положенія. Прочая часть Одессы, въ которой находились всѣ банки, общественныя и государственныя учрежденія продолжали оставаться въ рукахъ большевиковъ.

При такой обстановкѣ, эвакуація города съ милліоннымъ населеніемъ, громадными запасами военнаго имущества, матеріаловъ и массою различныхъ учрежденій, конечно, не могла быть закончена въ 48-ми часовый срокъ: это оказалось фактически не выполненымъ и послѣдніе французскіе суда покинули рейдъ Одессы только 26 марта, т. е. спустя болѣе чѣмъ 72 часа по истеченіи двухдневнаго срока.

Такимъ образомъ назначенный черезмѣрно короткій срокъ эвакуаціи отнюдь не вызывался обстановкой ни военной, ни политической и могъ быть смѣло увеличенъ до недѣли, въ теченіи которой при спокойныхъ и надлежащихъ распоряженіяхъ Русскихъ властей можно было бы упорядочить эвакуацію, вывезти бѣженцевъ и наиболѣе цѣнное имущество. А между тѣмъ, всѣми предшествующими своими распоряженіями Французское Командованіе лишь дезорганизовало Русское управленіе, лишило власти представителей Командованія вооруженныхъ силъ Юга Россіи и привело къ тому, что предполагаемая планомѣрная эвакуація вылилась въ паническое и постыдное бѣгство.

При этомъ тяжко пострадали лояльное населеніе города и въ особенности семьи чиновъ Добровольческой Арміи. Брошенныя на произволъ судьбы, потерявъ послѣднее свое достояніе, они въ небольшомъ лишь числѣ, голодные и нищіе, спаслись на транспортахъ. Большая же часть ихъ была брошена и обречена на всѣ ужасы большевицкого насилія а, можетъ быть, и на гибель въ Одессѣ...

Бывшая на фронтѣ и состоявшая въ подчиненіи Генералу Нерель, бригада Генерала Тимановскаго, послѣ очищенія греками линіи желѣзной дороги, 23 марта начала отходить изъ раіона деревни Малый Буялыкъ къ Одессѣ. У станціи Одесса — Сортировочная Временно Командующій бригадой Генеральнаго Штаба Полковникъ Ерофѣевъ получилъ отъ Французскаго командованія приказаніе, — не заходя въ городъ, въ виду захвата его рабочими, слѣдовать черезъ большой Куяльникъ, Усатово въ деревню Дальникъ, гдѣ и расположиться на ночлегъ. 24 Марта Вр. Командующій бригадой не получивъ ни отъ кого никакихъ указаній, направилъ бригаду въ деревню Бѣляевку, куда прибылъ днемъ 26 марта и приступилъ совмѣстно съ находившимися тамъ польскими войсками, къ постройкѣ моста черезъ рѣку Днѣстръ, предполагая здѣсь переправиться въ Бессарабію.

Начальникъ бригады Генералъ Тимановскій находился въ это время въ Одессѣ. 21 Марта ему было сообщено объ эвакуаціи. Генералъ д'Ансельмъ письменно заявилъ Генералу Тимановскому, что не допуститъ никакихъ безпорядковъ въ городѣ, открывъ въ случаѣ возникновенія ихъ артиллерійскій огонь со стоящей на рейдѣ эскадры. Однако, какъ уже говорилось, 22-го марта на улицахъ города появились вооруженные рабочіе и еврейскія организаціи, которые разстрѣливали чиновъ Добровольческой Арміи, чему, какъ это не странно, Генералъ д'Ансельмъ совершенно не препятствовалъ.

Одновременно Генералъ д'Ансельмъ сообщилъ о томъ, что всѣ чины Добровольческой Арміи должны получить шестимѣсячный новый окладъ содержанія. 22 марта Генералу Тимановскому съ большимъ трудомъ удалось добиться у Генерала Шварца разрѣшенія на выдачу аванса изъ Одесской конторы Государственнаго банка въ размѣрѣ 75 милліоновъ рублей. Посланныя въ этотъ день лица въ банкъ, по формальнымъ причинамъ денегъ получить не могли, при чемъ ни вновь образованная русская администрація во главѣ съ Андро, ни Французское Командованіе не оказали въ этомъ случаѣ никакой поддержки. Кромѣ указанной суммы Генераломъ Шварцъ было обѣщано выдать не менѣе 800 000 кронъ для жизни бригады въ первые дни ея перехода за границу.

23 марта, когда мѣстные большевики при полномъ непротивленіи французскихъ войскъ заняли улицы и учрежденія Одессы, Генералъ Тимановскій въ сопровожденіи броне-

вого автомобиля проѣхалъ къ Генералу д'Ансельмъ и изложилъ тяжелое матеріальное положеніе бригады. Генералъ д'Ансельмъ своимъ честнымъ словомъ обѣщалъ Генералу Тимановскому вечеромъ того же дня выдать около 10 милліоновъ иностранной валютой, которые должны были быть получены отъ бывшаго Начальника Штаба Полковника Фрейденберга. Несмотря на безпорядки въ городѣ, Генералъ Тимановскій, не желая терять времени, послалъ вооруженный отрядъ въ Государственный банкъ за полученіемъ денегъ по ассигновкѣ полученной отъ Генерала Шварца. Отрядъ встрѣтилъ сопротивленіе и не достигнув банка едва смогъ пробиться обратно. Имѣя въ своемъ распоряженіи всего около 400 штыковъ, бывшихъ въ городѣ, Генералъ Тимановскій не могъ ввязаться въ бой на улицахъ города, чтобы добиться полученія денегъ.

Положеніе этого небольшого отряда, постепенно становилось все болѣе и болѣе угрожающимъ, поэтому послѣ разрѣшенія полученнаго отъ Генерала д'Ансельма, Генералъ Тимановскій, вечеромъ 23 марта съ боем, неся потери вывелъ отрядъ изъ казармъ за городъ.

Въ тотъ же день къ Генералу д'Ансельму, были командированы два броневыхъ автомобиля за полученіемъ обѣщанныхъ денегъ. Въ одномъ изъ нихъ отправился Вр. и д. Начальника Штаба бригады Генеральнаго Штаба Капитанъ Капнинъ съ соотвѣтствующей довѣренностью, который съ боемъ прошелъ черезъ городъ и явился Генералу д'Ансельму.

Однако, несмотря на данное послѣднимъ честное слово, Капитанъ Капнинъ денегъ не получилъ. Генералъ д'Ансельмъ отвѣтилъ такъ: «Деньги не могутъ быть выданы немедленно; необходимо произвести казначейскую операцію, что возметъ два или три дня. Вся Добровольческая бригада должна немедленно отправиться на Фонтаны, — первый пунктъ назначенія, какъ сегодня утромъ просилъ Генералъ Тимановскій, и далѣе въ Овидіополь, гдѣ она получитъ распоряженіе относительно погрузки. Крайне важно, чтобы дороги на Аккерманъ были бы свободны сегодня ночью. Суда, находящіеся въ Одесскомъ порту или рейдѣ ни одного военнаго для погрузки не примутъ. Условія погрузки Русскихъ Добровольцевъ изъ Овидіополя будутъ указаны въ ближайшемъ будущемъ».

800 000 кронъ, обѣщанныхъ Генералу Тимановскому Генераломъ Шварцемъ тоже получить не удалось, такъ какъ послѣдній находился уже на пароходѣ и проникнуть къ нему безъ боя было невозможно. Вскорѣ Генералъ Шварцъ, выдавъ заблаговременно шестимѣсячный окладъ содержанія себѣ, всѣмъ чинамъ своего Штаба и не позаботившись совершенно о Добровольцахъ, дравшихся на фронтѣ, оставивъ ихъ и ихъ семьи совершенно безъ средствъ, отплылъ благополучно изъ Одессы.

Вечеромъ 23 марта Генералъ Тимановскій получилъ приказаніе Генерала д'Ансельма, переданное ему черезъ Генерала Боріуса: «Генералъ д'Ансельмъ поручилъ мнѣ передать Вамъ категорическій приказъ сегодня же вечеромъ покинуть Одессу и направиться на Аккерманъ черезъ Бол. Фонтанъ со всѣми русскими войсками еще находящимися въ Одессѣ».

Въ тотъ же день части бригады, находившіяся въ окресностяхъ Одессы, перешли въ Овидіополь. Вся же бригада Генерала Тимановскаго, сосредоточившаяся къ 24-му марта въ деревнѣ Бѣляевка, переправиться черезъ построенный мостъ въ Бессарабію не смогла, такъ какъ отъ Генерала д'Ансельма было получено слѣдующее приказаніе: «Части Добровольческой Арміи, находящіяся теперь въ Аккерманѣ будутъ 8-го апрѣля въ теченіе одного дня на баржахъ отправлены въ Бугасъ и будутъ находиться въ распоряженіи Адмирала Куве, находящагося на кораблѣ «Вальдекъ Руссо». Части находящіяся въ данное время въ Овидіополѣ немедленно отправятся на Бугасъ лѣвымъ берегомъ Днѣстра».

Для полученія подробныхъ указаній о погрузкѣ на транспорты Генералъ Тимановскій вмѣстѣ со своимъ Начальникомъ Штаба и Начальникомъ французской 156 дивизіи Генераломъ Боріусомъ, на дрезинѣ прибылъ на станцію Бугасъ, гдѣ и получилъ личное приказаніе Генерала д'Ансельма. Выяснилось, что на транспорты будутъ погружены лишь люди съ винтовками и патронами, пулеметы, телефонное имущество и багажъ. Вся же матеріальная часть артиллеріи, автомобильныхъ частей, обозы и лошади должны были быть оставлены французамъ. При этомъ Генералъ д'Ансельмъ въ присутствіи многихъ французскихъ и русскихъ офицеровъ заявилъ, что за все оставляемое имущество и лошадей будетъ уплачено Генералу Деникину или Генералу Тимановскому. То же самое 26 марта, было имъ подтверждено пись-

менно на имя Генерала Тимановскаго: «Французское Командованіе не уполномочено выдавать денежные авансы войскамъ Русской Добровольческой Арміи, но въ виду крайней необходимости и принимая во вниманіе численность этихъ войскъ, казалось бы, слѣдовало примѣнить слѣдующій способъ: Русская Добровольческая Армія увѣдомитъ о матеріалахъ и припасахъ всѣхъ родовъ, каковые она считаетъ лишнимъ перевозить моремъ, или которые невозможно будетъ погрузить (напримѣръ лошади). Будетъ составленъ списокъ этимъ матеріаламъ, который союзнымъ командованіемъ будетъ учтенъ при полученіи его отъ частей Русской Добровольческой Арміи. Генералъ Тимановскій благоволитъ увѣдомить соглашается ли онъ на такое рѣшеніе вопроса и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, сообщить какъ можно скорѣе свѣдѣнія объ оставляемомъ имъ матеріалѣ».

Одновременно Командиру 21 стрѣлковаго полка 156 французской дивизіи Генераломъ Боріусомъ было отдано распоряженіе: «Командиру батальона Сенъ-Жюльенъ 21 стрѣлковаго полка, поручается составленіе описи и охрана матеріала оставляемаго Русской Добровольческой Арміей у восточнаго входа перваго моста въ Бугасъ. Въ зависимости отъ обстоятельствъ этотъ матеріалъ надлежитъ, либо перевезти на правый берегъ Днѣстра, либо на мѣстѣ уничтожить. Полковнику, Командиру А. Д. 156 надлежитъ назначить достаточное количество людей для пріема и временнаго размѣщенія на островѣ Бугасъ лошадей Русской Добровольческой Арміи. Ему же надлежитъ одновременно съ пріемкой лошадей получить отъ Русской Добровольческой Арміи, весь имѣющійся еще у нихъ фуражъ и зерно».

Въ теченіе 27 и 28 марта шло сосредоточеніе бригады на островѣ у станціи Бугасъ. Движеніе совершалось по сыпучимъ пескамъ, на протяженіи 7 верстъ, при чемъ по пути приходилось преодолѣвать желѣзнодорожный мостъ съ рѣшетчатымъ настиломъ, который французы не приспособили къ движенію повозокъ сами, и не позволили сдѣлать это русскимъ. Мостъ былъ занятъ французскимъ карауломъ, который по своему произволу, а иногда и по приказу Генерала Боріуса, прекращалъ движеніе русскихъ повозокъ, людей и лошадей. Поведеніе французскихъ начальниковъ въ этихъ случаяхъ было пренебрежительнымъ и вызывающимъ. Французы думали лишь о спасеніи своего имущества, которое пе-

ревозилось по желѣзной дорогѣ, а русскихъ заставляли бросать и то немногое, что ими было взято съ собой и съ такимъ трудомъ тащилось по пескамъ.

Къ полудню 28 марта вся бригада сосредоточилась на островѣ. Въ ожиданіи погрузки, болѣе двухъ сутокъ, бригада находилась въ самыхъ печальныхъ условіяхъ: безъ крыши, безъ продовольствія и фуража, въ состояніи полной неопредѣленности и дерганія взадъ и впередъ.

Въ ночь съ 28 на 29 марта бригада была неожиданно передвинута на правый берегъ рѣки Днѣстра, въ раіонѣ непосредственно къ западу отъ станціи Бугасъ, при чемъ помѣщенія даже для раненыхъ и больныхъ предоставлено не было. Условія жизни были настолько тяжелы, что Генералъ Тимановскій 29 марта доносилъ Генералу д'Ансельму: «Докладываю: 1) Если сегодня не будетъ доставлено, хотя бы къ вечеру продовольствіе на 5 000 человѣкъ, то я уже завтра не могу отвѣчать за дѣйствія своихъ частей. 2) На мѣстѣ бивака всего два колодца. Къ лиману же за водой, черезъ желѣзную дорогу не пропускаютъ. Необходимо разрѣшеніе на пропускъ къ лиману. 3) Лошади начинаютъ падать отъ голода. Необходима немедленная присылка пріемной комиссіи для ихъ пріема. Съ другой стороны необходимо оставить для всѣхъ частей хотя бы 50 лошадей и доставить для нихъ фуражъ. Необходимо немедленное оказаніе помощи больнымъ и раненымъ, находящимся до сихъ поръ на открытомъ воздухѣ. Больныхъ уже теперь не менѣе ста человѣкъ. Есть случаи серьезныхъ заболѣваній. 5) Прошу письменнаго разрѣшенія на пропускъ въ Аккерманъ интендантской комиссіи въ составѣ 10 человѣкъ, подъ начальствомъ бригаднаго интенданта, для закупки продуктовъ за деньги. 6) Прошу письменнаго разрѣшенія на проѣздъ въ Бухарестъ трехъ моихъ офицеровъ, для личнаго доклада Генералу Геруа. 7) Прошу отвѣтить на каждый пунктъ, въ виду важности каждаго».

Не успѣли еще части перевезти на новый бивакъ свое имущество, какъ около 12 часовъ, послѣдовало новое приказаніе Генерала Боріуса, объ обратномъ переходѣ бригады на лѣвый берегъ рѣки для немедленной погрузки на транспорты, что и было выполнено.

Погрузка перваго транспорта была закончена вечеромъ 30 марта и транспорты начали отходить въ Тульчу.

Утромъ 30 марта къ Генералу Тимановскому, на транспортъ прибылъ французскій офицеръ, съ переводчикомъ Княземъ Гагаринымъ и предложилъ 150 000 рублей за русскую матеріальную часть, оставленную на лѣвомъ берегу Днѣстра и принятую 156 пѣхотной французской дивизіей.

Такая ничтожная сумма, за то, громадной цѣнности имущество, которое было оставлено французамъ, по ихъ же требованію, конечно, принята быть не могла. Отклоняя это унизительное предложеніе Генералъ Тимановскій донесъ Генералу д'Ансельму:

«Во время пребыванія въ Одессѣ, когда было уже рѣшено оставленіе ея, мнѣ для бригады въ предпослѣдній день передъ уходомъ, Генераломъ Шварцемъ было разрѣшено получить 75 000 000 рублей. Я ихъ не получилъ, такъ какъ при попустительствѣ французскаго караула, въ Государственный банкъ были допущены депутаты совѣта рабочихъ депутатовъ (большевики), а на слѣдующій день 23 марта даже ихъ караулы. Взять деньги съ боя у меня не было силъ.

Генераломъ Шварцемъ было обѣщано 800 000 кронъ. Я ихъ не получилъ, такъ какъ Генералъ Шварцъ съ Вашего разрѣшенія сѣлъ на пароходъ, куда пройти за деньгами я безъ боя также не могъ. Въ результатѣ деньги эти увезены Генераломъ Шварцемъ, увезены неизвѣстно куда.

23 марта утромъ, при свиданіи со мной у Васъ, Вы мнѣ обѣщали честнымъ словомъ выдать 10-20 милліоновъ иностранной валютой, на содержаніе Добровольцевъ. Деньги должны были быть получены въ тотъ же день вечеромъ у Полковника Фрейденберга. Когда же вечеромъ мой Начальникъ Штаба Капитанъ Капнинъ съ боемъ на двухъ броневикахъ прибылъ къ Вамъ, то въ деньгахъ было отказано и въ письменной формѣ былъ данъ отвѣтъ: «Деньги не могутъ быть выданы немедленно; необходимо произвести казначейскую операцію, что возьметъ два или три дня». Бумага эта за Вашей подписью и печатью имѣется у меня. Деньги же отъ Васъ такъ и не получены.

26 марта на мосту у ст. Бугусъ, когда выяснилось, что посадка на транспортъ будетъ произведена только людей, пулеметовъ и багажа, а вся матеріальная часть и лошади бросаются, — Вами было обѣщано, за все оставленное имущество, снаряженіе и лошадей уплатить мнѣ или Генералу

Деникину. Во исполненіи этого приказа вся матеріальная часть артиллеріи, обозъ, лошади, броневые и легковые автомобили мною оставлены на берегу.

Сегодня 30 марта ко мнѣ на транспортъ прибылъ отъ Генерала Боріуса французскій офицеръ, въ сопровожденіи переводчика Князя Гагарина. Офицеръ привезъ 150 000 рублей русской валютой, не идущей за границей, за нашу матеріальную часть, принятую 156 пѣх. дивизіей, считая это совершенно недостаточнымъ, такую ничтожную сумму для 6 000 человѣкъ (имѣющихся у меня) принять не могу.

Остаюсь безъ денегъ, какъ на мѣстѣ, такъ и на будущемъ пунктѣ остоновки.

Исполняя всѣ Ваши приказанія по приказу Генерала Деникина, я никогда не могъ предполагать тѣхъ незаслуженныхъ оскорбленій, униженій, которыя выпали на меня и на подчиненныя мнѣ части. Неужели только за то, что Добровольческая Армія одна осталась вѣрной Союзникамъ, когда весь фронтъ развалился... Ввѣреныя мнѣ части благодаря голодовки, мотаніямъ по постамъ взадъ и впередъ, лешенію матеріальной части, которую мы съ такимъ трудомъ пріобрѣтали настолько были озлоблены, что мнѣ стоило большого труда и спокойствія, чтобы удержать ихъ въ рамкахъ подчиненія.

Разставаясь теперь съ Вами, Ваше Превосходительство, я по долгу совѣсти и чести доношу Вамъ, что такихъ униженій и оскорбленій Высшаго Французскаго Командованія по моему адресу, по адресу русскаго Генерала, который работаетъ съ Франціей 5-ый годъ, который погонъ своихъ не снималъ и лица своего не запачкалъ — я никогда не ожидалъ.

Все же льщу себя надеждой, что все это не заслуженное мною, какъ Командующимъ Добровольческой Арміей, послужитъ, быть можетъ, во славу и процвѣтаніе Франціи, которой я никогда не измѣнилъ, и не измѣняли всѣ тѣ, которые со мной.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, Генералъ Тимановскій».

По прибытіи бригады въ Тульчу Французскимъ Командованіемъ было предложено, всему составу бригады сдать оружіе. Однако, когда Генералъ Тимановскій заявилъ, что онъ, считая себя Начальникомъ союзной части, можетъ это исполнить, не иначе какъ по приказанію Генерала Франше

д'Эспере или Бертело, бригада была пропущена въ городъ съ оружіемъ въ рукахъ, и лишь во время стоянки въ городѣ по распоряженію Генерала Тимановскаго, чины бригады ходили безъ оружія.

Части бригады были размѣщены въ разрушенныхъ домахъ и казармахъ безъ оконъ и дверей.

Всѣ чины бригады получали лишь половину французскаго пайка и потому жили впроголодь. Купить было не начто. Украинскія деньги, которыя только и имѣлись въ бригадѣ не имѣли опредѣленнаго курса и почти не принимались. Варка пищи была затруднена до крайности, такъ какъ походныя кухни, по приказанію французовъ были оставлены у Бугуса. Санитарная часть была поставлена очень плохо: городъ больныхъ и раненыхъ не принималъ, а имѣющіяся въ бригадѣ средства не позволяли оборудовать лазареты собственнымъ попеченіемъ.

По настоянію Французскаго Командованія, бригада лишилась всей своей матеріальной части и конскаго состава. Между Каролина Бугасъ и станціей Бугасъ, благодаря открытому противодѣйствію французскихъ начальниковъ, было оставлено: 18 легкихъ, 4 — 48 линейныхъ и 4 шестидюймовыхъ орудій, 6 бронерованныхъ автомобилей, 10 грузовыхъ и 25 легковыхъ автомобилей, 40 походныхъ кухонь, 600 парныхъ повозокъ, 3000 лошадей, не считая при этомъ цейхгаузовъ съ громаднымъ количествомъ продовольствія, обмундированія, снаряженія и бѣлья, брошенныхъ въ Одессѣ.

***

Части вооруженныхъ силъ Юга Россіи въ Одесскомъ районѣ въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ доблестно сражавшіяся бокъ о бокъ съ Союзниками противъ большевиковъ, въ тяжелое время оставленія Одессы и отхода въ Румынію ни только не получили никакой помощи со стороны Французскаго Командованія, но, вынеся цѣлый рядъ оскорбленій отъ французскихъ начальниковъ, исключительно вслѣдствіе распоряженій Французскаго Командованія вынуждены были оставить почти всю матеріальную часть, лошадей и обозъ, т. е. все то, что составляло особенную цѣнность и было до крайности необходимо Вооруженнымъ силамъ Юга Россіи.

Часть III.

Эвакуація Севастополя.

—

Съ оставленіемъ союзными войсками Херсона и Николаева, положеніе частей Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, дѣйствующихъ въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Тавріи и защищавшихъ Крымскій полуостровъ, становилось крайне тяжелымъ. На лѣвомъ берегу нижняго Днѣпра появились регулярныя совѣтскія войска; бывшія ранѣе въ этомъ раіонѣ многочисленныя, но разрозненныя грабительскія банды начали принимать правильную организацію; украинскія войска атамана Григорьева окончательно перешли на сторону большевиковъ.

Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника, слабыя части Крымско-Азовской Добровольческой арміи принуждены были отходить на Крымскій полуостровъ. Удержаться продолжительное время на перешейкахъ не удалось Подъ вліяніемъ прорыва фронта у Перекопа и дессанта противника произведеннаго на моторныхъ лодкахъ изъ Геническа, армія продолжала отходить вглубь полуострова въ направленіи на Керчь и удержалась лишь на Акманайской позиціи, поддержанная судовой артиллеріей русскихъ и англійскихъ кораблей.

Непрочность положенія на перешейкахъ сознавалась какъ Русскимъ Командованіемъ, такъ и прибывшимъ 13 марта въ Севастополь Генераломъ Франше д'Эспере. Генералъ Франше д'Эспере указалъ на необходимость продержаться

на перешейкахъ еще двѣ недѣли, къ концу которыхъ обѣщалъ оказать помощь. Русскія войска простояли болѣе двухъ недѣль, но помощи отъ французовъ не видѣли...

Въ серединѣ марта гарнизонъ Севастополя состоялъ изъ двухъ баталіоновъ 175 пѣхотнаго французскаго полка, одного баталіона грековъ, двухъ батарей 242-го артиллерійскаго французскаго полка, небольшого количества вспомогательныхъ французскихъ войскъ и высаженнаго на берегъ экипажа, сѣвшаго на мель французскаго линейнаго корабля «Мирабо».

Второй баталіонъ грековъ находился въ Симферополѣ, выдвинувъ одну роту въ Таганашъ, а другую къ станціи Джанкой.

Всѣ упомянутыя войска подчинялись Командующему союзными войсками въ Крыму — Полковнику Труссону.

На рейдѣ къ этому времени находилась союзная эскадра въ составѣ трехъ французскихъ линейныхъ кораблей: «Жанъ-Баръ», «Верніо» и «Мирабо», нѣсколькихъ французскихъ миноносцевъ, англійскаго крейсера «Калипсо» и двухъ греческихъ миноносцевъ. Вся эскадра была подчинена Командующему 2-ой французской эскадрой Адмиралу Аметъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ являлся и политическимъ комиссаромъ Франціи на Черномъ морѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалось прибытіе колоніальныхъ французскихъ войскъ, которыя, однако, нѣсколько запоздали и высадились въ Севастополѣ лишь въ послѣднихъ числахъ марта.

Противникъ численностью до 8-10 тысячъ, войдя въ Крымъ, большею частью войскъ продолжалъ наступленіе на Керчь, и тѣ ничтожныя силы, которыя докатились до Севастополя, несомнѣнно, могли быть уничтожены союзными войсками, уже находившимися въ крѣпости, а съ прибытіемъ колоніальныхъ войскъ положеніе Севастополя, казалось бы, должно было сдѣлаться совершенно прочнымъ.

Однако, высадившіеся 30 марта 2000 алжирцевъ, а 1-го апрѣля столько же сенегальцевъ, изъ крѣпости никуда не выводились и никакой активности не проявили.

А между тѣмъ, крѣпость эта имѣла чрезвычайное значеніе для Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, продолжая оставаться морской базой Черноморскаго флота и вмѣщая въ себѣ громаднѣйшіе запасы военнаго снабженія всякого рода.

Въ порту находились исправныя русскія суда, лишь частью нуждавшіяся въ незначительномъ ремонтѣ: 2 крейсера, 6 миноносцевъ, 7 посыльныхъ судовъ, 3 подводныхъ лодки; 2 кононерскихъ лодки, 2 тральщика, 8 транспортовъ, 7 пароходовъ, 8 буксировъ, 9 катеровъ. Кромѣ нихъ были суда нуждавшіяся въ капитальномъ ремонтѣ. Два миноносца, 2 посыльныхъ судна, 6 подводныхъ лодокъ, 1 кононерская лодка, 2 тральщика и 3 парохода.

Уже въ двадцатыхъ числахъ марта положеніе Севастополя становилось тревожнымъ. 21-го марта Полковникъ Труссонъ пригласилъ Коменданта крѣпости Генерала Субботина, его Начальника Штаба и Начальниковъ Артиллеріи и Инженеровъ на совѣщаніе, на которомъ заявилъ, что на случай приближенія большевиковъ, линія обороны крѣпости имъ намѣчается по линіи историческихъ бастіоновъ, за исключеніемъ сѣверной стороны. На указаніе Генерала Субботина о чрезвычайной важности именно сѣверной стороны, питающей городъ водою, Полковникъ Труссонъ заявилъ, что онъ это понимаетъ, но по недостатку силъ сдѣлать ничего не можетъ и надѣется, что противникъ, появившійся на сѣверной сторонѣ будетъ сметенъ судовой артиллеріей. Одновременно Полковникъ Труссонъ предложилъ Генералу Субботину и Генералу Рербергу войти въ совѣтъ обороны. Объ этомъ былъ отданъ приказъ, который однако остался мертвой буквой, такъ какъ совѣтъ обороны не собирался ни разу. Нѣсколько позже былъ выпущенъ второй приказъ, въ которомъ Полковникъ Трусонъ объявилъ себя Военнымъ Губернаторомъ, а Генерала Субботина — своимъ помощникомъ.

Неоднократныя увѣренія французовъ, что Севастополь ими оставленъ не будетъ, вызывали сомнѣніе. Впечатлѣнія Одессы, Николаева, Херсона были еще слишкомъ свѣжи въ памяти, а опредѣленное заявленіе Полковника Труссона о томъ, что несмотря на рѣшеніе французовъ защищать городъ, всѣ части и учрежденія Добровольческой Арміи должны будутъ покинуть Севастополь, вызвало полное недоумѣніе у всѣхъ. Настроеніе въ городѣ становилось паническимъ.

Тѣмъ не менѣе, тотчасъ-же была образована эвакуаціонная комиссія подъ предсѣдательствомъ Коменданта крѣпости, которая должна была выяснить все подлежавшее эвакуаціи и распредѣлить транспортныя средства. Къ работамъ было приступлено немедленно, однако комиссія засѣдала всего

лишь три раза, такъ какъ въ виду объявленія французами осаднаго положенія, хожденіе по улицамъ позднѣе 8-ми часовъ вечера запрещалось и члены комиссіи вечерами собираться не могли, въ выдачѣ же пропусковъ французы отказали.

Вскорѣ по приказанію Полковника Труссона все дѣло эвакуаціи было передано въ вѣдѣніе Русскаго Морского Штаба. Это неизбѣжно сразу же внесло путаницу въ работу. А между тѣмъ съ началомъ эвакуаціи въ Севастополѣ скопилось много бѣженцевъ изъ Симферополя, Ялты, Евпаторіи, Балаклавы и другихъ городовъ. Съ цѣлью успокоенія взволнованнаго населенія и уменьшенія продовольственнаго кризиса представлялось крайне важнымъ скорѣе освободиться отъ этого пришлаго элемента. Однако французская морская база, выдававшая пропуски, производила это крайне медленно; пріемные часы были ограничены, а обращеніе чиновъ базы съ публикой было надменнымъ и оскорбительнымъ. Съ другой стороны, всевозможными повѣрками, Французское Командованіе тормозило какъ погрузку судовъ, такъ и выходъ ихъ въ море.

Для удовлетворенія нуждъ по эвакуаціи военныхъ учрежденій, а также для уплаты жалованія и выдачи пособія чинамъ Добровольческой Арміи, Комендантъ крѣпости потребовалъ изъ мѣстнаго банка, на основаніи имѣвшейся ассигновки, полмиллиона рублей. Директоръ банка оплатить таковую отказался подъ предлогомъ неимѣнія денегъ, что на самомъ дѣлѣ было невѣрно, такъ какъ въ распоряженіи Правительства имѣлось до 11 милліоновъ рублей.

Объ этомъ обстоятельствѣ было сообщено Полковнику Труссонъ, который заявилъ, что въ это онъ не вмѣшивается и предоставляетъ Генералу Субботину полную свободу дѣйствій.

Вызвавъ по телефону Директора банка, Генералъ Субботинъ подъ угрозой ареста добился полученія милліона рублей.

Однако черезъ два дня Генералъ Субботинъ получилъ отъ Полковника Труссонъ слѣдующее сношеніе: «До моего свѣдѣнія дошло:

1) Что Правительство увезло всѣ деньги, оставивъ городское самоуправленіе безъ денегъ.

2) Что пароходъ «Волга» груженный зерномъ ушелъ несмотря на отданный мною приказъ.

3) Что Добровольцы, уходя, грабятъ матеріалы.

Вслѣдствіе этого я приказываю:

1) Ни одному пароходу не будетъ дано разрѣшеніе на выходъ, пока все не будетъ возвращено.

2) Всѣ чины бывшаго Правительства и, главнымъ образомъ, министръ финансовъ будутъ немедленно задержаны моимъ распоряженіемъ и препровождены ко мнѣ до полудня. Такая же мѣра по отношенію адъютанта Начальника Штаба Командующаго Добровольцами, по фамиліи Мурзинъ.

3) Добровольцы имѣютъ право увозить ихъ личный багажъ, ружья, пушки, патроны и снаряды. Безусловно воспрещается вывозить продовольствія городского или государственнаго какого-бы происхожденія оно ни было, въ частности муки, зерна, постельныхъ принадлежностей, мебели и госпитальныхъ матеріаловъ.

Вы непосредственно отвѣтственны въ исполненіи этихъ приказовъ».

Для разъясненія всѣхъ этихъ вопросовъ Генералъ Субботинъ въ тотъ-же день лично посѣтилъ Полковника Труссона, который рѣзко заявилъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, въ Севостопольскомъ Государственномъ банкѣ было около 11 милліоновъ рублей, деньги эти исчезли и онъ не можетъ допустить, чтобы народное хозяйство расхищалось. На это генералъ Субботинъ возразилъ, что за дѣятельность министровъ онъ не отвѣтственъ.

«Почему до настоящаго времени они ко мнѣ не доставлены?»

— «Я понялъ изъ Вашего сношенія, что это будетъ сдѣлано Вашимъ распоряженіемъ».

— «Нѣтъ, это должны сдѣлать Вы».

— «Я требую чтобы милліонъ взятый Вами былъ возвращенъ».

— «Это невозможно, такъ какъ деньги нужны для расходовъ по эвакуаціи, для оплаты жалованія и выдачи посо-

бій. По закону я имѣю право это сдѣлать. Правительство выдало пособіе всѣмъ, я же выдаю только эвакуирующимся, такъ какъ выдачу пособій не эвакуирующимся считаю несправедливой и у меня не хватитъ денегъ для удовлетворенія претензій этихъ послѣднихъ. Денегъ отъ офицеровъ я отобрать не могу, такъ какъ многіе уже произвели необходимые расходы, а многіе уѣхали. Безъ денегъ я не могу продолжать эвакуацію».

— «Въ такомъ случаѣ я приказываю сдать пятьсотъ тысячъ. У офицеровъ отобрать все, что возможно. Всѣ вышедшія суда будутъ возвращены, обысканы моимъ распоряженіемъ и пока съ нихъ не будетъ снято все, кромѣ собственныхъ вещей артиллерійскаго имущества и отысканы деньги, ни одно судно не уйдетъ. До тѣхъ поръ, пока я не получу пяти милліоновъ, всѣ министры будутъ арестованы, а также будете арестованы Вы и Начальникъ Штаба».

Давъ исчерпывающія объясненія по всѣмъ остальнымъ пунктамъ сношенія Генералъ Субботинъ на слѣдующій день написалъ Полковнику Труссону:

«Имѣю честь просить Васъ не отказать прислать мнѣ письменное приказаніе возвратить сумму, полученную мною для уплаты содержанія офицерамъ Русской Арміи за прошлые мѣсяцы и добавокъ, который согласно Русскимъ законамъ долженъ быть уплоченъ въ случаѣ эвакуаціи.

Однако прошу имѣть въ виду, что я подчинился Вашимъ приказаніямъ только въ вопросахъ оперативныхъ, а въ вопросахъ снабженія, будь то денежное довольствіе или питаніе я считаю себя подчиненнымъ Генералу Деникину, по приказанію котораго я имѣю честь быть Комендантомъ Севастопольской крѣпости. Взамѣнъ милліона, который былъ розданъ офицерамъ и ихъ семьямъ, находящимся нынѣ въ нуждѣ, безъ гроша и крова и для нуждъ самой эвакуаціи, — крѣпость располагаетъ запасами и матеріалами на нѣсколько сотъ милліоновъ.

Я хочу довести до Вашего свѣдѣнія, что свидѣтельство недостатка довѣрія ко мнѣ какъ высшему представителю Арміи, можетъ быть истолковано, какъ оскорбленіе чести Русской Арміи, какъ бы ни была она мала здѣсь подъ моимъ командованіемъ».

Въ теченіе двухъ дней отвѣта на это письмо не послѣдовало, несмотря на вторичное письмо Генерала Субботина къ

Полковнику Труссону, въ которомъ онъ, разъясняя положеніе офицеровъ и ихъ семей, просилъ отмѣнить приказъ о возвратѣ денегъ, а также не задерживать эвакуаціи, отчего страдали неповинныя женщины и дѣти и настаивалъ на разрѣшеніи судамъ выйти въ море съ грузами, потому что для разгрузки ихъ не было рабочихъ.

Наконецъ 1-го апрѣля было получено сношеніе Полковника Труссона: «Разрѣшаю офицерамъ и служащимъ уѣзжать съ деньгами, которыя они получили. Только деньги, которыя Вы смогли возвратить будутъ сданы Вами въ банкъ подъ расписку. Во всякомъ случаѣ — законъ, который Вы примѣнили для уплаты содержанія впередъ, можетъ быть, отнесенъ лишь къ людямъ, исполнявшимъ свой долгъ и уѣзжающимъ согласно приказанію. Между тѣмъ — многіе офицеры Добровольческой Арміи получили впередъ содержаніе несмотря на то, что они постыдно бѣжали передъ непріятелемъ, покинувъ безъ боя товарищей, имущество, раненыхъ и являя передъ всѣми самое гнусное зрѣлище. Я не предполагаю, чтобы законъ могъ быть примѣненъ къ этимъ людямъ и противъ этого то злоупотребленія я и хотѣлъ возстать.

Что сдѣлано, то сдѣлано, пусть покидаютъ Севастополь немедленно, но способъ примѣненный здѣсь для опустошенія Государственной казны передъ бѣгствомъ будетъ доведенъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ».

Въ высокой степени наглое разсужденіе Полковника Труссона о бѣжавшихъ Доровольцахъ не отвѣчало дѣйствительности и приведено имъ, повидимому, лишь съ цѣлью оправданія своихъ поступковъ.

Полковнику Труссону докладывалось устно и письменно, что пособія выдавались только офицерамъ живущимъ въ Севастополѣ и бросавшимъ свое имущество. Если въ періодъ эвакуаціи въ Севастополѣ и скопилось довольно значительное количество офицеровъ, то это были лица, прибывшія изъ различныхъ пунктовъ Крымскаго побережья съ предписаніями отправиться въ Новороссійскъ и, во всякомъ случаѣ, среди нихъ не было позорно бѣжавшихъ съ полей сраженія и бросавшихъ раненыхъ товарищей.

Это были тѣ самыя войска, которыя черезъ два мѣсяца, свободныя отъ чужого содѣйствія, въ две недѣли очистили весь Крымъ и лѣвый берегъ Днѣпра!..

Что касается заключительной приписки, то къ Генералу Субботину она тоже не могла имѣть отношенія, такъ какъ деньги были взяты съ вѣдома Полковника Труссона и уѣзжать изъ Севастополя онъ не собирался.

Относясь такъ къ обезпеченію эвакуирующихся русскихъ офицеровъ, французы 14-го апрѣля явились на крейсеръ «Кагулъ» и забрали съ собой хранившуюся тамъ часть цѣнностей Государственнаго Банка.

По поводу этого Адмиралъ Саблинъ писалъ Адмиралу Амету:

«Вчера 14-го апрѣля, на крейсеръ «Кагулъ», стоявшій подъ Русскимъ военнымъ флагомъ, прибыли французскій офицеръ и матросъ, взяли часть цѣнностей Государственнаго Банка, хранящихся тамъ и увезли ихъ.

Все это было сдѣлано безъ моего вѣдома.

Цѣнности на крейсеръ «Кагулъ» были погружены на законномъ основаніи.

Ни какого рода злоупотребленія съ моего вѣдома, не могутъ имѣть мѣста на судахъ и частяхъ флота находящихся подъ моимъ командованіемъ.

Для раскрытія какихъ либо злоупотребленій я всегда пойду на встрѣчу, происшествіе же имѣвшее мѣсто вчера на крейсерѣ «Кагулъ», меня глубоко оскорбило.

Прошу Васъ принять увѣренія въ совершенномъ почтеніи и таковой же преданности Саблинъ».

Одновременно съ работой по эвакуаціи войсковыхъ частей и учрежденій сухопутнаго вѣдомства, происходили подготовительныя работы по эвакуаціи судовъ. Задача эта являлась наиболѣе сложной, такъ какъ весь Севастополь эвакуировался моремъ и отъ правильнаго и планомѣрнаго распредѣленія транспортныхъ и буксирныхъ средствъ зависѣлъ ея успѣхъ.

Французскому Командованію было своевременно сообщено, что собственныхъ буксирныхъ средствъ для эвакуаціи всѣхъ судовъ не хватитъ. Французы опредѣленно обѣщали помочь и съ этой цѣлью почти всѣ суда были выведены на рейдъ.

Однако въ результатѣ Французское Командованіе не только не оказало помощи, но задерживая суда, пыталось отобрать наши послѣдніе буксиры, невзирая на то, что глав-

ныя буксирныя средства порта уже находились въ ихъ рукахъ и намъ не давались несмотря на цѣлый рядъ просьбъ.

Съ цѣлью упорядочненія эвакуаціи, Штабомъ Адмирала Саблина былъ выработанъ опредѣленный планъ, но провести его въ жизнь такъ и не удалось Французское Командованіе захватывая и распоряжаясь русскими транспортами и буксирами, нарушило всѣ расчеты и вносило путаницу. Своего же плана французы не дали, а всѣ распоряженія ихъ были внѣ связи одно съ другимъ и нерѣдко приказанія Адмирала Амета не согласовались съ требованіями Полковника Трусона.

Всякое русское судно, уходившее изъ Севастополя, кромѣ предписанія Штаба флота должно было получить пропускъ отъ французской базы, что иногда задерживало его отходъ на двое и даже трое сутокъ (суда «Терецъ», «Бугъ» и др.).

Все это явилось главной причиной, тормозившей эвакуацію. Въ результатѣ изъ Севастополя ушли лишь суда первой группы,*) суда второй группы, которыя предполагалось тоже взять на буксиръ, изъ-за недостатка буксирныхъ средствъ, были оставлены въ Севастополѣ.

Что касается эвакуаціи воинскихъ грузовъ, то она происходила еще съ большими треніями. Благодаря инертности французовъ въ охранѣ города, въ Севастополѣ къ концу марта образовался большевицкій «военно революціонный комитетъ» свободно выпускавшій свои «Извѣстія» и вліявшій на мѣстныхъ рабочихъ, которые отказывались грузить. Кромѣ того, на работавшихъ въ небольшомъ числѣ грузчиковъ происходили частыя нападенія большевиковъ, поэтому требовалась охрана, однако своихъ людей недоставало, такъ какъ они почти всѣ были заняты погрузкой, а французы въ охранѣ отказывали.

Въ результатѣ удалось погрузить лишь немногое, главнымъ образомъ часть огнестрѣльныхъ припасовъ, на погрузкѣ которыхъ въ качествѣ грузчиковъ работали преимущественно офицеры. Всѣ же остальные огромные запасы почти полностью были брошены.

До 30 марта работы по укрѣпленію города производились вяло, сами французы, вѣроятно, не были увѣрены въ

*) См. стр. 34.

томъ, что смогутъ удержаться въ Севастополѣ долго. Съ нетерпѣніемъ ожидалось прибытіе подкрѣпленій. Отъ Генерала Субботина все тщательно скрывалось. Комендантъ крѣпости не зналъ ни обстановки, ни предположеній Полковника Труссона, не зналъ даже точнаго количества войскъ; все держалось въ секретѣ отъ него. Возможно, что положеніе французовъ было дѣйствительно тяжелымъ, у нихъ шелъ развалъ, но въ то же время не было замѣтно и мѣръ, принимаемыхъ ими противъ этого. Когда Французскому Командованію указывались факты неоспоримой пропаганды, оно выслушивало это съ видимымъ неудовольствіемъ и ихъ отрицало. Русская контръразвѣдка неоднократно доносила, что нѣкоторые представители Французскаго Командованія сами находились въ оживленныхъ сношеніяхъ съ мѣстными большевицкими элементами. Былъ даже допущенъ пріѣздъ большевицкой делегаціи изъ Симферополя, которая совѣщалась съ мѣстными большевиками въ Союзѣ-Союзовъ.

При всемъ этомъ, желая, повидимому, скрыть свое безсиліе, или свои некорректные поступки въ отношеніи русскихъ, какъ союзниковъ, французское Командованіе упорно отказывалось входить въ положеніе Добровольцевъ и, зачастую, отношеніе его къ русскимъ носило характеръ болѣе чѣмъ презрительный. Съ одной стороны французы требовали скорѣйшей эвакуаціи офицеровъ, а съ другой, когда потребовалось назначеніе охраны на транспорты и таковую пришлось организовать изъ русскихъ офицеровъ, то бросались оскорбительныя обвиненія въ томъ, что офицеры хотятъ спастись въ первую очередь.

Вечеромъ 30 марта въ Севастополь прибыли 2 000 алжирцевъ. Настроеніе французовъ измѣнилось. Видно было ихъ опредѣленное рѣшеніе защищать городъ. Суда эскадры получили боевыя задачи, а часть французскихъ моряковъ была высажена на берегъ для несенія гарнизонной службы. 1-го апрѣля начали прибывать транспорты съ сенегальскими войсками.

Въ тотъ-же день Адмиралъ Аметъ въ категорической формѣ потребовалъ отъ Главного Командира Севастопольскаго порта Адмирала Саблина, немедленно эвакуировать изъ Севастополя всѣхъ офицеровъ Добровольческой Арміи, а также и Штабъ крѣпости. Адмиралъ Саблинъ сообщилъ объ этомъ Генералу Субботину: «Увѣдомляю Ваше Превосходи-

тельство, что Адмиралъ Аметъ требуетъ эвакуаціи изъ Севастополя всѣхъ офицеровъ Доброарміи въ кратчайшій срокъ, включая въ то число и офицеровъ Штаба крѣпости.

Для означенной эвакуаціи могу предоставить въ первую очередь пароходъ «Морякъ», могущій поднять 600 человѣкъ.

Прошу, Ваше Превосходительство, не отказать увѣдомить меня когда можетъ быть произведена посадка».

Генералъ Субботинъ не считалъ себя въ правѣ покинуть крѣпость безъ разрѣшенія Главнокомандующаго Вооруженными силами Юга Россіи и просилъ Полковника Труссона срочно отправить радіотелеграмму въ Екатеринодаръ Главнокомандующему: «Адмиралъ Аметъ черезъ Адмирала Саблина требуетъ немедленной эвакуаціи изъ Севастополя всѣхъ чиновъ Управленій и Штаба крѣпости, мотивируя тѣмъ, что отсутствіе въ Севастополѣ Добровольцевъ облегчитъ Союзникамъ задержать наступленіе и задержать входъ въ городъ совѣтскихъ войскъ. Много артиллерійскаго и телеграфно-телефоннаго имущества не вывезено. Прошу указаній. Безъ Вашего приказанія выѣхать отказываюсь 1/14 апрѣля № 2891».

Въ тотъ же день, 1-го апрѣля Генералъ Субботинъ получилъ письмо отъ Адмирала Амета: «Отъѣздъ войскъ Добровольческой Арміи дѣлаетъ присутствіе Русскаго Генеральнаго Штаба въ Севастополѣ не нужнымъ и я того мнѣнія, что слѣдуетъ также выслать его въ Керчь или на Кубань. Я нахожу, что было бы лучше, если бы Вы сами направились туда же, Ваше присутствіе въ Севастополѣ дастъ больше неудобствъ чѣмъ выгодъ для сохраненія города и арсенала.

Во имя русскихъ интересовъ, я считаю своимъ долгомъ Васъ просить, какъ бы ни было Вамъ тяжело, предоставить Полковнику Труссону одному заботу о защитѣ города и выѣхать на Кубань, на русскомъ или французскомъ пароходѣ, который туда направляется въ скоромъ времени.

Было бы хорошо оставить въ Севастополѣ офицера или служащаго крѣпости вполнѣ въ курсѣ военныхъ учрежденій, ихъ топографическаго положенія, ихъ содержимаго, ихъ запасовъ (казармы, склады и т. д.).

Было бы также необходимо передать Полковнику Труссону экземпляровъ 10 разныхъ картъ, которыя могутъ быть въ Русскомъ Генеральномъ Штабѣ, карты крупнаго масштаба самой крѣпости, карты окрестностей по обводу въ 15 километровъ.

Повѣрьте мнѣ, дорогой Генералъ, что я очень сочувствую Вашей горести въ эту минуту. Я шлю самыя горячія пожеланія для возрожденія Вашей прекрасной Родины. Будьте увѣрены, что я приложу для этого всѣ свои усилія. Вашъ искренно преданный Аметъ.

P. S. Чтобы оправдать Васъ передъ Командующимъ Добровольческой Арміей, я Вамъ пошлю официальное письмо, въ которомъ буду просить Васъ покинуть Севастополь со всѣми Добровольцами».

2-го апрѣля Генералъ Субботинъ получилъ извѣщеніе отъ Полковника Труссона: «Честь имѣю увѣдомить Васъ, что за перерывомъ безпроволочнаго телеграфа между Севастополемъ и Екатеринодаромъ, я не могу сегодня же передать Ваше донесеніе за № 2891.

Что касается разрѣшенія, которое Вы просите объ отъѣздѣ Вашемъ изъ крѣпости, я не вижу препятствій, съ тѣмъ условіемъ, все-же, что въ Севастополѣ останется чиновникъ вполнѣ знакомый съ крѣпостью всѣми военными постройками, ихъ содержаніемъ и ихъ примѣненіемъ».

Въ 5 часовъ дня 2-го апрѣля началось наступленіе большевиковъ силою около двухъ баталіоновъ на сѣверную сторону и на Инкерманскій водопроводъ. Французы открыли сильный артиллерійскій, ружейный и пулеметный огонь.

Греческій караулъ, занимавшій водопроводъ, былъ окруженъ большевиками и при помощи подоспѣвшихъ подкрѣпленій съ большими потерями едва смогъ пробиться въ городъ. Къ ночи Инкерманъ былъ взятъ и городъ остался безъ воды.

Съ наступленіемъ темноты на рейдѣ началась перестрѣлка. Адмиралъ Саблинъ тотчасъ же командировалъ на Французскій линейный корабль «Жанъ Баръ» къ Начальнику Штаба Командующаго Французскимъ флотомъ своего офицера съ приказаніемъ оріентироваться въ создавшемся положеніи. Начальникъ Штаба устно сообщилъ слѣдующее:

«Передайте Адмиралу, что происшедшій сейчасъ обстрѣлъ Сѣвернаго рейда въ части, прилегающей къ Черной рѣчкѣ и радіостанціи, произведенъ по ошибкѣ французской артиллеріей, а не большевиками, но большевики находятся вблизи Севастополя, главнымъ образомъ въ раіонѣ Инкер-

мана. Произведенной нами воздушной развѣдкой выяснено, что силы ихъ, повидимому, незначительны. Что касается распоряженій по городу и флоту, то мною отданъ приказъ войскамъ и флоту быть въ боевой готовности. Генералу Субботину мною предложено немедленно оставить городъ и вывести изъ него русскія войска. Пароходамъ съ бѣженцами совѣтую покинуть Севастополь возможно скорѣе. Склады боевыхъ припасовъ и портовые магазины я постараюсь сберечь по мѣрѣ возможности, но возможно ли это будетъ сдѣлать, сейчасъ сказать не могу; т. к. они мною еще не осмотрѣны. Что касается русскихъ военныхъ судовъ, то Адмиралъ можетъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію и уйти съ рейда когда пожелаетъ, я здѣсь никого не задерживаю. Про себя могу сказать, что я могу твердо держаться на рейдѣ, пока того желаю, но не могу того же сказать про городъ. Сейчасъ я только что получилъ отъ большевиковъ просьбу принять ихъ делегацію для переговоровъ. При переговорахъ постараюсь сдѣлать все возможное, чтобы избавить городъ отъ боя въ его предѣлахъ и спасти городъ отъ бомбардировки.

Около двухъ часовъ ночи Адмиралу Саблину было передано требованіе Адмирала Амета о немедленномъ выходѣ всѣхъ судовъ въ море.

«Въ интересахъ сохранности арсенала, которую я вполнѣ надѣюсь обезпечить, я Васъ прошу приказать «Кагулу» и остальнымъ кораблямъ, которые Вы хотите увести отсюда, сняться въ теченіе текущей ночи и ближайшаго утра. Это равносильно тому, что и лично Вы вмѣстѣ съ морскими офицерами, за исключеніемъ командира порта и тѣхъ офицеровъ, безъ которыхъ нельзя обойтись въ дѣлѣ помощи намъ по сбереженію портовыхъ учрежденій, — уйдете отсюда.

Прошу Васъ сообщить списокъ остающихся офицеровъ, чтобы я могъ снабдить ихъ охранными свидѣтельствами, взявъ ихъ подъ свою защиту.

Я считаю также условленнымъ, что тральщики останутся здѣсь, чтобы очистить минныя поля, вмѣстѣ съ авіаторами, которые имъ помогутъ.

Выражая свое искреннее сожалѣніе, что мнѣ приходится писать Вамъ по этому поводу и присоединяя свои самыя го-

рячія пожеланія о возсозданіи Русскаго флота, я прошу Васъ, Дорогой Адмиралъ, принять увѣреніе въ искренней преданности. А м е т ъ ».

Въ отвѣтъ на это Адмиралъ Саблинъ сообщилъ:

«Я никакъ не предполагалъ, что съ момента появленія большевиковъ въ окрестностяхъ Севастополя и до входа ихъ въ Севастополь пройдетъ такъ мало времени. Я полагалъ, что получу предупрежденіе объ уходѣ заблаговременно. Меня ставитъ въ очень затруднительное положеніе еще то, что предупрежденіе пришло вечеромъ и я теряю время съ 8 часовъ вечера до 4 часовъ утра для сбора офицеровъ, которые были при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей на берегу, ибо передвиженіе въ городѣ ночью воспрещено.

Оставляю Вамъ тральщики и гидроавіацію и полагаю, послѣ миноданія въ нихъ надобности, Вы ихъ вышлите ко мнѣ въ Новороссійскъ.

Командиру порта капитану 1-го ранга Никонову я приказалъ оставаться; что же касается офицеровъ для связи, то я ихъ теперь ночью не въ состояніи отыскать. Прошу принять всѣхъ оставшихся офицеровъ подъ свое покровительство.

Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи и преданности М. Саблинъ».

Русскій офицеръ отвозившій это письмо Адмиралу Амету, возвратившись съ линейнаго корабля «Жанъ Баръ», донесъ Адмиралу Саблину:

«Доношу Вашему Превосходительству, что пока я ожидалъ на французскомъ кораблѣ «Жанъ Баръ» отвѣта на Ваше письмо, переданное мною по приказанію Вашему, Адмиралу Амету, къ дежурному офицеру вошелъ сигнальщикъ съ вахты, доложилъ, что выходитъ въ море русскій миноносецъ на буксирѣ и получилъ отъ дежурнаго офицера приказаніе послать катеръ, чтобы задержать буксиръ, а миноносецъ выпустить или поставить на бочку, если онъ не можетъ идти самостоятельно. Объ изложенномъ считаю долгомъ донести Вашему Превосходительству, опасаясь что такого рода распоряженія Французскаго Командованія могутъ сдѣлать эвакуацію нашихъ кораблей фактически невозможной».

Немногія русскія суда, способныя къ самостоятельному ходу и небольшая часть судовъ располагавшая остатками

буксирныхъ средствъ — вышли въ море. Всѣ же остальныя суда благодаря захвату французами нашихъ буксировъ остались въ Севастополѣ.

Генералъ Субботинъ рѣшилъ, что дальнѣйшее его пребываніе въ Севастополѣ безцѣльно и приказалъ передать, что Штабъ крѣпости начнетъ грузиться въ 4 часа утра 3-го апрѣля. Утромъ и днемъ 3-го апрѣля было тихо. Около 3-хъ часовъ дня пароходъ «Георгій» со Штабомъ крѣпости вышелъ въ море, взявъ курсъ на Новороссійскъ. Когда «Георгій» былъ на высотѣ Балаклавы, несмотря на встрѣчный вѣтеръ, со стороны Севастополя доносился гулъ канонады...

Вскорѣ стало извѣстно, что союзныя войска въ Севастополѣ, заключили съ большевиками перемиріе, а затѣмъ и совсѣмъ покинули городъ.

XII

Екатеринодаръ.
Ставропольскій Соборъ.

—

Екатеринодар, 20 июля 1919 г.

Когда приступили к организации гражданского управления при Добровольческой Армии, в числе намеченных ведомств значилось Управление исповеданий. Долгое время это ведомство существовало только в проекте, потому что не было лица, которое было бы силой вещей предназначено стать во главе его, да и дел, относящихся к кругу его ведения, было немного — вся территория управления Добровольческой Армии первое время не превышала полторы губернии.

Первым толчком для движения дела была мысль, зародившаяся в церковных кругах, — о необходимости создать временный орган высшего церковного управления для объединения епархий впредь до освобождения Москвы и соединения с Патриархом. Мысль эта была поддержана Одесским митрополитом Платоном, который прибыл в Екатеринодар после эвакуации Одессы на пути в Америку, куда поехал для пропаганды. Было предположено создать Церковный собор из представителей всех епархий в районе действий Добровольческой Армии. Ген. Деникин весьма сочувственно отнесся к этой мысли, дал для этого нужные средства, и в конце мая в Ставрополе собрался Церковный собор. Из Екатеринодара выехал специальный поезд с членами Собора.

После всех виденных мною на юге городов — Ростова, Новочеркасска и, особенно, Екатеринодара, Ставрополь произвел на меня впечатление наиболее русского города. Это была настоящая глухая провинция, с прекрасными церквами, простором, и патриархальностью своего облика. Н. Н. Львов, также участвовавший на Соборе, пришел в восторг от улиц, заросших травою, по которым мирно гуляли свиньи. Мирный сонный Ставрополь был каким-то антиподом беспокойной суете и кипению мутной воды в разных самостийных центриках, которые думали только о том, как-бы им отмежеваться от России. В городе была масса зелени. При архиерейском доме была целая роща, спускавшаяся оврагом. Город был живописен, и на нем действительно лежала печать поэтической лени и прелести захолустной русской провинции, поэзия нетронутой целины, дремлющих под спудом сил и добродушного полудремотного отрицания страстей.

Видно было, что Собор был крупным событием для ставропольцев. Дома были украшены флагами. По улицам стояли толпы народа, которые с любопытством встречали нас, когда мы ехали с вокзала на извозчиках и грузовом автомобиле, с трудом осиливавшим высокий подъем среди города.

Членов Собора разместили в различных духовных учреждениях. В Ставрополе были громадные казенные здания, которые могли вместить сколько угодно народа.

Открытие Собора началось с торжественной литургии, которую служил престарелый Архиепископ Агафодор Ставропольский в сослужении со всеми съехавшимися епископами и духовенством. Когда-то деятельный, умный и почтенный иерарх, составивший учебники, на которых воспиталось не одно поколение в духовных школах, Архиепископ Агафодор на склоне своих лет впал в совершенное детство. Он не узнавал людей, с которыми имел постоянные сношения, ничего не помнил и с трудом двигался, постоянно нуждаясь в опоре, но старость его была почтенная, в нем чувствовалось угасание чистой незлобивой души, и все с почтением и жалостью смотрели на его старческую беспомощность.

Собор выбрал его своим почетным председателем, а действительным председателем — старшего после него Архиепископа Донского Митрофания. Товарищами к нему избрали Архиепископа Таврического Димитрия, протопресвитера о.

Георгия Шавельского и меня. — На открытие Собора приехал Деникин, произнесший приветствие, на которое ответил Митрофаний.

Собор продлился всего 4 дня. За это время был принят проект временного высшего Церковного управления из трех епископов, двух священников и двух мирян, были произведены выборы, составлены послания к пастве и к православным восточным Церквам. Попутно были затронуты и другие вопросы, но в общем они были скомканы. Вообще говоря, Собор производил гораздо больше впечатление делового съезда, чем Собора. Выборы в него были произведены наспех, не от епархий, а от епархиальных советов, куда попали хозяйственные батюшки; меня поражала та плоскость серого обыденного утилитаризма, в которой вращались все их рассуждения, — никакого духовного подъема не замечалось. На фоне материальных интересов сильно давали себя чувствовать самостийные течения и анархические настроения. Представители Дона резко запротестовали против предложения определить местопребывание будущего высшего временого управления городом, где будут находиться гражданские установления Добровольческой Армии. Они признались, что на Дону существует столь сильное предубеждение против Гражданского управления Добровольческой Армии, что, если они вернутся домой с таким постановлением, то они опасаются, что Круг будет отказывать им в кредитах на церковные нужды, отсылая их к Добровольческой Армии. С трудом удалось найти примирительную формулу, в том смысле, что местопребывание высшего Церковного управления определяется им самим в согласии с Высшим командованием Добровольческой Армии. В полном одиночестве на Соборе оказался Архиепископ Екатеринославский Агапит, хитрый и лукавый хохол, который приветствовал Петлюру по вступлении его в Киев и, как потом стало выясняться, сыграл более чем двусмысленную роль, возглавляя провозглашенную Петлюрой «автокефальную» Украинскую церковь. Он резко запротестовал против предложения Собора выделить из Екатеринославской епархии самостоятельную Ростовско-Таганрогскую епархию, но потом струсил и подчинился.

Вообще, епископат, как и всюду, был слабо представлен. Были почтенные и симпатичные люди, но сильных руководи-

телей не замечалось. Все с уважением относились к председателю Собора Архиепископу Митрофанию, но это был старый монах, не любивший и не умевший руководить собраниями. Товарищем его был Архиепископ Таврический Димитрий, родом грузинский князь, но пылкий противник грузинской самостийности. Это был красивый старик, ликом напоминавший иконы св. Николая Мирликийского, с чисто южной горячностью и стремительностью. Он был чист и незлобив, как ребенок, но постоянно горячился, весь вспыхивал и несся на кафедру, чтобы против чего-нибудь протестовать. У него был друг, Епископ Челябинский Гавриил, с которым я ближе познакомился в вагоне, на обратном пути из Ставрополя, и который произвел на меня наибольшее впечатление изо всех, кого я видел на Соборе.

Внешность Преосвященного Гавриила отнюдь не соответствовала его внутреннему облику. Толстый, обрюзгший, с большим отвислым животом, он на первый взгляд совершенно не производил духовного впечатления, но, когда мы ехали в вагоне, он очень скоро овладел всеобщим вниманием. Это был тонкий и глубокий богословский ум, и, вместе с тем, в нем чувствовалась верная церковная струя. Он был знатоком Священного Писания и богослужения, и никого я не видел, кто бы так воспринимал все красоты и того и другого. Он был тонким эстетом Божьего слова. Можно было с наслаждением слушать, например, его комментарии к притче о блудном сыне. Он раскрывал тонкие красоты и глубину мыслей в таких местах Священного Писания, мимо которых громадное большинство проходит с повязкой на глазах, не замечая их. Не было такого вопроса, самого сложного и трудного в области богословия — о смысле творения, сущности зла, будущей загробной жизни, на который он не дал бы обстоятельного ответа в духе чистой церковности. Ему самому доставляло удовольствие беседовать обо всех предметах, он говорил порою с истинным вдохновением, и порою, незаметно для него самого, из его глаз текли слезы. Высокое настроение порою сменялось блестящим остроумием. Он обладал замечательной способностью подражать, изображал в каррикатурном виде архирейский хор и голос протодиакона, подчеркивая всю пошлость тех условных «красот», которые заставляют умиленно взыхать благочестивых старушек, приятно щекоча их нервы. Иногда, чуть заметно изменив тембр

голоса, он так подражал кому-нибудь из присутствующих епископов или священников, что трудно было не рассмеяться.

Епископ стоял у открытого окна в корридоре вагона. Вокруг него столпились члены Собора, другие епископы, священники и миряне, и простояли целые часы до глубокой ночи, внимая его вдохновенным речам. Я прослушал его до двух часов ночи. На следующее утро он снова зазвал меня к себе в отделение, и снова полились речи в ответ на вопросы, которыми его осыпали.

Вернувшись в Новороссийск, я послал к нему своего сына Костю, который перед отъездом в полк должен был поехать в Екатеринодар, чтобы записаться и получить обмундирование. Он этим воспользовался и для того, чтобы поговеть перед походом, и исповедовался у епископа, который был с ним очень мил и гулял вместе с ним, беседуя на интересовавшие Костю вопросы. «Фрателе Константин», добродушно звал его епископ.

Вскоре после Ставропольского Собора, вопрос об учреждении в составе гражданского управления особого органа исповеданий снова стал на очередь. Я получил приглашение заняться разработкой положений и штата для небольшой канцелярии Временного Управления исповеданий. До этого мне предлагали поехать представителем Добровольческой Армии в Константинополь, но с отъездом Кости на фронт и развитием наших военных успехов, вследствие коих генерал Деникин отдал приказ о походе на Москву, меня потянуло остаться в России и принять участие в общей работе по восстановлению России. Я принял предложение и переехал в Екатеринодар, где и пишу эти строки.

Ростов на Дону, 13 авг. 1919 г.

Приехал сюда вчера, остановился в Московской гостинице. Только по приезде узнал, что приказ о моем назначении состоялся 7-го, но я числюсь начальником Временного Управления исповеданий уже с 16-го июля. Никого не нахожу на место директора своей канцелярии. Вообще, людей нет, — хоть шаром покати. Я обращался решительно ко всем, кто имеет возможность видать и знать людей. Во всех управлениях — громадный недостаток в людях. Как возможно при таких условиях проведение таких реформ, как, например, аг-

рарная, требующая целой армии хороших исполнителей на местах? При этом, большевики беспощадно расправляются с интеллигенцией. Я слышал, что в одном маленьком уездном городке Богучаре было расстреляно 150 человек.*)

Военные вести неважные. Камышин пришлось сдать, потому что Врангель не получил во время подкреплений, которых требовал. Теперь их посылают, но поздно, и можно было бы избежать больших потерь. Говорят, Врангель взбешен невниманием Главного Командования к своим просьбам. Неблестяще и на донском фронте, в валуйском направлении, куда вклинились красные, но это наступление рассчитывают ликвидировать движением на Курск, которое обхватит тыл красных. Между тем, казачий генерал Мамантов совершил рейд в Тамбов и Козлов и так далеко зашел в тыл красным, что теперь сам оказался отрезанным от наших войск.

Видел А. А. Лемана — почтенного деятеля Красного Креста. Надеялся, что у него найдутся люди, но что-то не видать.

14 августа.

Был вчера в первый раз в Особом Совещании. Рассматривался вопрос об образовании трех областей: Одесской, Харьковской и Киевской. Ввиду взятия Одессы вопрос был поставлен в срочном порядке. В предыдущем заседании под председательством Деникина были предрешены главные основания законопроекта. Опасность нового возникновения Украинской самостийности решено предупредить разделением гетманской Украины на три части, с подчинением каждой Главноначальствующему.

Законопроект произвел на меня удручающее впечатление: это — жалкая пародия на областную систему, причем тщательно изъяты самые ценные ее особенности — объединение территории по естественным признакам: этнографическому и экономическому. Черниговская губерния присоединена не к Киевской, а к Харьковской области, чтобы не усиливать украинского элемента. К Харьковской области отнесена и Полтавская губерния. В Новороссийскую область включены, кроме Херсонской губернии, Крым и Бессарабия,

---

*) По счастью, это оказалось неверно, как я услышал от только что приехавшего из Воронежа губернатора С. Д. Тверского (10-го сентября).

между собой ничего общего не имеющие. Главноначальствующие подчинены непосредственно Главнокомандующему, им назначаются и только перед ним отвечают. Им присвоен такой объем власти, что это заставило задуматься Совещание, ибо в конце концов выходит не автономия областей, а автономия сатрапов. Впрочем, при нынешних веяниях очевидно можно ожидать наряду с самовластным пампадуром — в соседней области радикальствующего генерала. Вместо федерации совдепов получится федерация генералов.

Текст законопроекта не был отпечатан и роздан. Обсуждение, — самое смешное и бессистемное; — 2 часа потратили на одну статью, все остальное проголосовали почти без прений. Признаюсь, мне было неприятно оказаться невольным участником такого дела, причем, не ознакомившись ни с основаниями, которые были раньше выработаны, ни с самим законопроектом, я не считал возможным пускаться в прения.

15 августа.

Заседание под председательством приехавшего в Ростов для этого Деникина. — Пересмотрен вопрос о границах областей. — По предложению Деникина, в Киевскую область включена Черниговская губерния, что улучшает законопроект. — Объем власти главноначальствующих еще не окончательно установлен.

Утром Маслов вместе с начальником Управления финансов Бернацким имел доклад у Деникина по вопросу об отпуске 450 миллионов рублей на оплату хлеба, взимаемого по хлебной повинности по 5 пудов с десятины. Бернацкий, раньше согласившийся на уплату частью деньгами, частью квитанциями на срок в 3 месяца, с правом залога их в Государственном Банке, теперь категорически отказался от этой комбинации, сославшись на громадное расширение расходов в связи с увеличением территории. — Между тем, на местах уже опубликованы основания предстоящей сделки. Маслов считает, что вся операция с хлебом потерпит крах. Деникин согласился с Бернардским, который пригрозил отставкой. — В свою очередь, Маслов решил подать в отставку, не желая брать на себя ответственности за дело.

Деникин прочел телеграмму от Май-Маевского, в которой говорится о том, насколько настоятельно скорейшее проведение оснований аграрной реформы для успокоения

населения. Деникин выразил желание, чтобы обсуждение земельной реформы было ускорено, если не для немедленного приступа к полному ее осуществлению, то по крайней мере для того, чтобы самим себе выяснить основы земельной политики и, в соответствии с этим, приступить хотя бы к некоторым мерам, которые внесли бы успокоение в население.

27 августа.

Давно не писал сюда, а между тем кое-что стоит отметить. — 17 августа было экстренное заседание Особого Совещания. На предыдущей неделе, еще до моего приезда, обсуждался вопрос о земском избирательном праве. Комиссия под председательством Начальника Управления Внутренних Дел Носовича положила в основу его то положение, что избирательным правом пользуется всякий плательщик земского налога, независимо от его размера. — Хотя четыреххвостка таким образом отпадает, однако по существу дела результат может оказаться совершенно тот же, ибо в будущем земства могут установить сбор с каждого лица, проживающего на данной территории. Но даже если этого не будет, устанавливаемый ценз не обеспечивает от крайнего понижения культурного уровня земств. Расслоение, внесенное большевиками в деревню между хозяйственными мужиками, — «середняками», как их называл Ленин, и сельским пролетариатом, без сомнения скажется на выборах, и голытьба не пропустит середняков. Между тем, в будущем, при ликвидации помещичьего землевладения, государству необходимо опереться на сильное хозяйственное крестьянство. Ввиду этого Савич предложил разделить избирателей на две курии: в первую внести всех, владеющих землею в размере двойного надела или платящих соответствующий налог, зато во вторую курию отнести всех, т. е. и не платящих земских сборов. Первая курия выбирает три пятых, вторая — две пятых гласных. В Особом Совещании за куриальную систему высказалось 15 человек, за проект Комиссии — 5. — Деникин пожелал пересмотреть вопрос в расширенном составе. Каждой из сторон было предоставлено право вызвать экспертов. Это заседание и состоялось 17 августа. Носович пригласил Гронского — кадета-теоретика, который разумеется отстаивал проект Комиссии. Маслов и Савич пригласили Кривошеина. В прениях были повторены каждой из сторон прежние аргументы, и разумеется

вопрос остался столь же мало выясненным для Деникина, но стало ясно, что его симпатии на стороне меньшинства. Он открыл заседание вопросом: как оберечь привлечение культурных элементов в земство, не прибегая к «одиозной» системе курий? — На это кадеты ничего не ответили, а сторонники куриальной системы ответили, что без курий этого сделать нельзя. Мне тоже пришлось высказаться на эту тему, и я подал особое мнение.

Кривошеин мягко, но ядовито поставил общий вопрос: для чего нужны земские выборы в настоящую минуту, и как совместима четырехххвостка с диктатурой. Когда ее провозгласили, он ее приветствовал, но к сожалению оказалось, что диктатура лишь словесный термин, а на деле ее нет. Деникин ответил, что диктатура не есть самодурство и что он не может не считаться с общественным мнением, которое влияет на военные успехи.

В тот день состоялось другое заседание Особого Совещания совместно с промышленниками. Была составлена громоздкая программа вопросов, обнимающая все интересы экономические и финансовые; речей было сказано много, но сути мало, как у представителей ведомств, так и у промышленников.

5 сентября.

Я положительно забросил дневник; от этого, когда записываю, то уже многое выветрилось, и скучно писать.

Что за это время произошло? Вернулись члены Особого Совещания во главе с генералом Драгомировым, делегированные в Париж. Их послали туда в начале июня в связи с приказом Деникина, в коем он заявлял о своем подчинении адмиралу Колчаку. Сношения наши с Сибирью по телеграфу идут через Париж и притом очень медленно. Поэтому решили послать делегацию в Париж, чтобы оттуда скорее завязать отношения с Колчаком. Их поездка совпала с успехами Добровольческой Армии и отступлением армии Колчака в дальний тыл. Вероятно благодаря этому, на свои телеграммы они так и не получили ответа в Париже, и только Нератов, задержавшийся на несколько дней в пути, привез из Константинополя ответ Колчака на постановленные ему вопросы об объеме власти, которую он предоставляет Деникину.

В своем ответе Колчак предоставляет Деникину полноту власти, но ограничивает его в том отношении, чтобы здесь не получали разрешения вопросы, касающиеся основных законов и коренных реформ, валютной и земельной политики. Одновременно была получена телеграмма Адмирала Колчака по украинскому вопросу, в коей он предлагает не вступать в борьбу с Петлюрой, а разграничиться временно с ним по линии фактического занятия теми или иными войсками городов. Эта последняя телеграмма разошлась как с принятым уже бесповоротным решением рассматривать Петлюру как врага, так и с телеграммами, посланными отсюда в этом смысле.

Что касается ограничений области ведения здешнего правительства, то сразу со стороны представителей всех ведомств посыпались возражения, сводившиеся к невозможности из Сибири править и налагать ограничения на здешние мероприятия. Все это происходило в среду 4-го сентября, в заседании под председательством Деникина.

Ограничение компетенции деникинского правительства проводится в пользу правительства «всероссийского», как его называет Колчак. Это дало мне повод высказать мнение, что когда Деникин подчинился Колчаку, то это было ему лично, а вовсе не какому то всероссийскому правительству, которого в сущности сейчас и быть не может. На мой взгляд объединение надо понимать пока, как персональную унию под главенством Колчака Сибири и Южной России, впредь до смычки обеих армий. Оба правительства, сибирское и наше, должны быть равноправны, и не одно из них не должно предпринимать коренных реформ, которые могут пойти вразрез с тем, что делает другое. Я добавил, что, по-моему, необходимо отправить посольство к Колчаку, дабы защищать перед ним нашу точку зрения.

Особое Совещание согласилось с моей точкой зрения. Решено составить телеграммы Колчаку, в коих будут развиты общий взгляд на взаимоотношения и соображения по отдельным ведомствам. Проекты будут слушаться на будущей неделе.

Одновременно с этой телеграммой Колчака получена другая от него же по малороссийскому вопросу. В ней Колчак говорит, что «желательно найти почву соглашения с Петлюрой (!). Оставляя принципиальный вопрос об Украине ре-

шению Учредительного Собрания, желательна временная форма содействия украинства»... Практически он предлагает размежевание с Петлюрой «проводить по линии фактического занятия территории теми или иными войсками, не тратя сил на овладение городами, уже взятыми Петлюрой». В заключение, Колчак просит сообщить соображения по этому вопросу, ...«Чтобы мы избежали инициативы со стороны Держав. Последние на этот раз вероятно не будут так слепо поощрять украинство, как ими делалось прежде, а примкнут ко всякому разумному решению, которое, не поступаясь с правами России, основывалось на фактическом положении вещей. Вековой русско-украинский вопрос неминуемо потеряет остроту, когда восстановится русское государство». — Эта телеграмма не подвергалась даже обсуждению Особого Совещания. Нам сообщили, что она скрестилась с ранее посланной Деникиным телеграммой, в коей он просит довести до сведения союзников, что он считает Петлюру врагом. — Коротко и ясно.

Оглашена резолюция Деникина по вопросу земского избирательного права: соглашается с меньшинством, но с тем, чтобы в выборах в уездное и губернское земства было обеспечено участие культурных элементов.

Я ничего не писал здесь о своих делах по ведомству Исповеданий. Мне пришлось быть на сессии Высшего Церковного Управления в Новочеркасске, где находится его председатель, архиепископ Донской Митрофаний. Обсуждали вопрос о последствиях беспорядочных разводов и браков в совдепии. Вопрос — крайне сложный. Неправильных браков множество, образовались новые семьи. Этот вопрос нельзя решать только в плоскости формального права. Он интересует и гражданскую власть.

Возник тоже вопрос по поводу распубликования Временного Управления Исповеданий. Когда я составлял положение об этом, то у меня не было под рукой никаких справок и никакого помощника. Я взял положение о Министерстве Исповеданий и заимствовал оттуда статью о компетенции Министра Исповеданий, которая временно определялась как обнимающая собою власть Обер-Прокурора и Министра Внутренних Дел (по делам инославных исповеданий) в полном объеме, впредь до коренного пересмотра отношений государства к Церкви. Так как я сам считал, что учреждение,

которое создается так же временное, как самое название на то указывает (Временное Управление Исповеданий), то я взял и перенес на начальника Ведомства тот же объем прав и обязанностей. Теперь я сталкиваюсь с совершенно справедливым протестом членов Временного Церковного Управления, что после учреждения Министерства Исповеданий произошла существенная перемена — состоялся Всероссийский Поместный Собор, на котором определена была свобода церковного самоуправления.

Тем не менее, сразу вовсе не так просто определить права и обязанности начальника Временного Управления Исповеданий, пока не выработаны новые законоположения, определяющие правовое положение Церкви в государстве. Я полагаю, что это должно быть результатом совместной работы Управления Исповеданий и Высшего Церковного Управления. Пока, для успокоения умов, думаю предложить на подпись Деникина приказ по моему ведомству.

Любопытно, что те самые члены Высшего Церковного Управления, которые не мирятся (и совершенно основательно) с восстановлением обер-прокурорской власти и с малейшей возможностью толковать об этом смысле закона, — они же постоянно толкают меня на практике на меры в старом духе, например на удаление светской властью Архиепископа Екатеринославского Агапита, который при Петлюре возглавлял «автокефальный» украинский синод. — Мне приходится предостерегать их от возвращения на старый путь и указывать на то, что Церковь теперь автономна и может сама распорядиться, как хочет, в этом деле. Велика сила слов, но еще больше сила привычек.

7 сентября.

Вчера по окончании повестки Особого Совещания, Генерал Драгомиров заявил, что соглашение с Доном, Кубанью и Тереком — вопрос ближайших трех недель. Он указал на то, как оно глубоко изменит существующее положение и какими опасностями, по его мнению, оно чревато. — Будет законосовещательное учреждение.! Оно будет стремиться захватить законодательную власть. От него нельзя уже будет ожидать той безраздельной поддержки, которую главнокомандующий находил в Особом Совещании. Потребуются новые люди. Он, Драгомиров, не чувствует себя способным

оставаться председателем Совета начальников управлений. Прежнее милитаризованное положение заменится большим выдвижением гражданского элемента. Сам он назначается в Киев главноначальствующим, а председателем Особого Совещания временно будет Лукомский. — Драгомиров был сильно взволнован и даже прослезился. — Говорят, будто председателем Совета начальников управлений намечается Челищев, очень милый, порядочный человек, но правоверный кадет. — Уклон влево как будто определенно чувствуется, между тем вчера же была нарисована картина на местах самая удручающая, — бессилие вновь образующейся власти и растущий бандитизм. В Екатеринославской губернии растут тайные большевицкие организации, — а мы хотим от диктатуры перейти к парламентаризму!

12 сентября.

Вчера вечером под председательством Деникина разбирались основные положения аграрной реформы. — Это были похороны 1-го разряда среднего и крупного помещичьего землевладения. Максимум владения в одних руках полевой земли не будет превышать 600 десятин, в исключительных случаях. Правда, установлены, кроме того, изъятия для культурных имений, — этого вопроса еще не касались. — Не могу не отметить той легковесной быстроты, с которою решаются самые крупные вопросы. У членов Совещания не было под рукою даже тезисов. Были приглашены эксперты, разумеется почти все — сторонники реформы, кроме Риттиха, который, однако, не обронился ни одним словом, очевидно считая это бесполезным. Прений по общему вопросу не было допущено, ибо реформа предрешена декларациею Деникина. Я взял себе слово только для очистки совести и указал, что, по моему мнению, в основах реформы можно видеть сбивчивое смешение и противоречие между самыми различными и порою противоположными мотивами: желанием оградить принцип наибольшей производительности, заботой о малоземельных и, наконец, — и это главное основание реформы — заботой удовлетворить психологии масс. На мой взгляд, в том виде, как реформа спроектирована, она не удовлетворит ни одной из этих целей, ибо, во-первых, понизит производительность хозяйства, во-вторых, даст каплю в море для удовлетворения малоземельных, и, в третьих, психологии

этих малоземельных конечно не ответит, ибо мужику, у которого надела полторы десятины, очень мало утешения от сознания, что у помещика будет не 1 000, а хотя бы 200 десятин.

Перед аграрной реформой обсуждался вопрос о том, не следует ли повсеместно в России наметить деление на области и соответствующее самоуправление. Вопрос поставил Деникин, находящий необходимым ныне же наметить ту схему, которая должна предноситься перед глазами. Он склонен создавать даже нечто вроде областных парламентов. Большинство, даже кадеты, находят постановку преждевременной.

20 сентября.

Съездил на прошлой неделе в Мысхако к своим, отпраздновал с ними 14-го день рождения. Потом, в понедельник 16-го был уже в Новочеркасске на сессии Высшего Церковного Управления, а Маша с Костей и дмумя младшими переехала на следующий день в Новочеркасск, где временно мы и поселимся. Мне придется ездить между Новочеркасском и Ростовом. Очень неудобно, но квартиры в Ростове почти нет надежды найти.

На последнем заседании обсуждался вопрос о переговорах с казачьими областями. Переговоры эти тянутся уже все лето, и конца их не видно. Деникиным на ведение переговоров уполномочены Челищев, Носович, М. М. Федоров и Н. В. Савич. Он готов дать казачьим областям самую широкую, даже слишком широкую автономию, — такую, какой свет не видал. Атаманы выбираются на Дону Кругом, на Кубани — Радой, без утверждения Деникина. Последний не имеет права распустить Раду и Круг, но казакам всего этого мало. Они исходят из утверждения, что они создают заново Россию, поэтому им не приходится получать какие-либо вольности от общегосударственной власти, а, наоборот, они уступают ей права в том объеме, каким признают возможным. Казачьи области хотят отстоять государственный характер своих образований и недовольны предположениями представителей Деникина, хотя последние предлагают им автономию, которая уже идет дальше возможного и разумного на мой взгляд, ибо предоставляет, например, областям свободу решения зе-

мельного вопроса. — Решено переговоры дальше не затягивать, ограничиться лишь установлением взглядов и разногласий обеих сторон.

Мне лично казалось, что нам нечего бояться затяжки в переговорах, что время — в нашу пользу и что если дождаться Москвы, то обстановка для власти сложится гораздо благоприятнее, чем теперь; но Деникин другого мнения. Он полагает, что бесплодные переговоры умаляют авторитет власти и что в Москве казаки не станут сговорчивее. Скорее, теперь стратегическая обстановка складывается в нашу пользу. Нажим большевиков дает себя чувствовать как раз против казачьих областей, без существенного ущерба общим военным заданиям главного командования.

Говорили о желательности выйти из казачьих областей, перенести правительственный центр из Ростова дальше на север. Деникин полагает, что с этим надо повременить, ибо Харьков не является еще вполне обозначенным тылом; но он думает, что когда будет взята Москва, туда нельзя будет переехать зимою, благодаря, главным образом, ужасающему недостатку там топлива. Тогда придется обосноваться в Харькове.

По слухам, немцы снарядили три больших парохода с товарами для Добровольческой Армии по очень льготным условиям. Пароходы эти стоят в Константинополе. Деникин поставил вопрос: как отнестись к этому, если слух окажется верным. После прений, в коих большинство отнеслось подозрительно к политике Германии, которая ищет завязать с нами отношения и в то же время дружит и с большевиками, было решено отклонить пока торговые отношения с немцами, но поставить на вид союзникам, что их пассивное отношение к нашим нуждам может вынудить нас завязать торговую связь с Германией.

Деникин отметил, между прочим, что союзники, которые так ратовали за признание власти Колчака весною, теперь настаивают, что нелогично, на признании Деникиным тех решений, какие конференция найдет нужным вынести по нашим окраинным вопросам, — о Латвии, Эстонии, Бессарабии и проч.

26 сентября.

Вчера, в день первой годовщины по смерти М. В. Алексеева, состоялось собрание, посвященное его памяти, в Национальном Центре. Выступил и я вместе с М. М. Федоровым и Струве, вернувшимся из Парижа.

Декларация, определяющая отношение власти к Православной Церкви и другим исповеданиям, подписана Деникиным, в форме письма на имя председателя Особого Совещания. По этому поводу я написал статью в «Великую Россию», без подписи.

2 октября.

Был у своих в Новочеркасске, пользуясь праздниками. Здесь невозможно найти помещение ни для канцелярии, ни для семьи. Мы так помещены, что никакой серьезной работы наладить невозможно. Одна надежда, что скоро переедем в Харьков. — Третьего дня взяты Орел и Чернигов. Зато банды Махно пробрались к нам в тыл, захватили Бердянск, где была главная база артиллерийских снарядов из Англии, и взорвали их. Потеря — незаменимая. Это — нечто противовеса рейду Мамонтова, разрушившего советские базы. Вчера пришло также известие о взрыве артиллерийских снарядов в Новороссийске. По счастью, потери невелики; думают, что злого умысла не было.

Вчера отнес в редакцию «Великой России» статью: «Политическая программа Добровольческой Армии и психология».

Послѣсловіе.

Въ 1923 году мой отецъ получилъ отъ Генерала Деникина второй томъ его историческаго труда «Очерки Русской Смуты». Отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

М. Г. Трубецкой.

24 февраля 1923 г.

Глубокоуважаемый Антонъ Ивановичъ, —

Я только что кончилъ второй томъ Вашихъ «Очерковъ», за присылку котораго приношу Вамъ самую искреннюю, горячую благодарность. Эта книга останется для меня навсегда самой дорогой памятью о Васъ и о тѣхъ богатыряхъ духа, которымъ Вы ея посвятили.

Когда читаешь про Первый Кубанскій походъ въ Вашемъ изложеніи, которое неполно только въ томъ отношеніи, что авторъ старается, какъ можно меньше разсказать про себя, — то крѣпнетъ убѣжденіе, что вся эта пролитая кровь, эти подвиги, достойные народнаго эпоса — все это совершено не даромъ и не безцѣльно. Если-бъ не выявлено было это самоотверженіе, это великое въ своей простотѣ, дерзаніе въ дѣлѣ освобожденія Родины, — тогда на Россію пришлось бы поставить крестъ. А Вы и Ваши спутники пронесли чистымъ и незапятнаннымъ образъ Родины, своею кровью омыли и очистили его ризы.

Пусть Добровольческая борьба не достигла той цѣли, которую себѣ поставила. Причины неудачи многообразны и

сейчасъ еще не наступилъ часъ для суда исторіи, но на Кубани былъ зажженъ святой огонь передъ Престоломъ Всевышняго, и всѣ мы бѣженцы, а главное — вся та молодежь, которая бросила тогда учебники, чтобы взять ружья, а теперь доучивается во всѣхъ городахъ бѣлаго свѣта, — всѣ они, какъ богомольцы у насъ на Страстной, зажгли отъ этого огня свои свѣчки и унесли его съ собой на чужбину. Наступитъ день, — увидимъ ли мы съ Вами его или нѣтъ, — но отъ этихъ свѣчекъ снова разгорится настоящій огонь, который они донесутъ до Кремлевскихъ святынь. Съ этой вѣрой легче живется, и я хочу съ нею умереть, если не суждено будетъ самому сказать: Нынѣ отпущаеши.....

Отъ всей души благодарю Васъ за тѣ минуты умилѣнія, волненія и національной гордости, которыя я пережилъ, благодаря Вашей прекрасной книгѣ, и за тѣ воскресшіе передо мной дорогіе мнѣ образы — Корнилова, Маркова, Алексѣева, которые встали предо мной, какъ живые. Вѣчная имъ память.....

Какъ и многіе другіе, я потерялъ сына въ этой борьбѣ. Но у меня нѣтъ горькаго чувства, что это напрасная потеря. Не намъ знать времена и сроки и мѣру искупленія, которая нужна, чтобы омыть грѣхи поколѣній.

Да будетъ воля Господня благословенна.

Сердечно Вамъ преданный

Григорій Трубецкой.

***

Мой братъ, Константинъ, домой не вернулся. Ему только-что минуло восемнадцать лѣтъ, когда онъ былъ раненъ на Перекопѣ, при отступленіи арміи Врангеля. Его полкъ трижды посылалъ за нимъ лошадей, но мой братъ, каждый разъ уступалъ свое мѣсто, болѣе тяжело раненнымъ. Съ послѣднимъ раненымъ онъ послалъ письмо своимъ родителямъ.

«Милые Папа и Мама, спасибо Вамъ за все что Вы мнѣ дали. Ради Бога не плачте обо мнѣ. Все въ рукахъ Божіихъ.

Я страшно радъ за такое дѣло положить жизнь. Вѣрю я въ Царство Небесное. Послѣдняя моя просьба, — не печальтесь обо мнѣ, — но возрадуйтесь, вспоминайте меня и главное молитесь и служите заупокойные обѣдни и панихиды обо мнѣ. Господь съ Вами. Счастливо остоваться Вамъ. До скорого свиданія. Желаю Всѣмъ счастья».

**
*

Вся молодежь того времени, была одушевлена патріотизмомъ и пламенной вѣрой. Поэтому это письмо, я не считаю чисто семейнымъ, но привожу его въ память о всѣхъ тѣхъ молодыхъ безпримѣрныхъ геройхъ погибшихъ жертвами въ ужасной гражданской войнѣ.

М. Г. Трубецкой.

Оглавленіе.

Предисловіе. А. И. Солженицынъ 7
Отъ Издательства 9
ГЛАВА I. Выборы Патріарха. Рѣчь на Церковномъ Соборѣ 11
Памятный день 16
ГЛАВА II. Созданіе Добровольческой Арміи 19
ГЛАВА I'I. Поѣздка въ Москву и въ Сергіевское 46
ГЛАВА IV. Москва 73
ГЛАВА V. Украина 93
ГЛАВА VI. Письмо Милюкова 114
ГЛАВА VII. Донъ. Атаманъ Красновъ 131
ГЛАВА VIII. Кубань. Екатеринодаръ 140
ГЛАВА IX. Крымъ. Великій Князь Николай Николаевичъ 149
ГЛАВА X. Екатеринодаръ Генералъ Деникинъ и «Союзники» 160
ГЛАВА XI. Очеркъ взаимоотношеній Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи и представителей Французскаго Командованія. Часть I 177
Часть II. Эвакуація Одессы 214
Часть III. Эвакуація Севастополя 227
ГЛАВА XII. Екатеринодаръ. Ставропольскій Соборъ 242
Послѣсловіе 259
Оглавленіе 263